

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 4**

Барнаул 2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»

Лингвистический институт

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

**НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 4**

Барнаул 2013

ББК 81.00
УДК 81
Я 41

Язык: мультидисциплинарность научного знания : научный альманах /
под ред. О. В. Труновой. – Выпуск 4. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 129 с.

ISBN 978-5-88210-715-3

Редакционный совет

М. Аккадблед (Франция), Н.В. Барышников (Пятигорск), М.Я. Блох (Москва),
З.М. Богословская (Томск), Л.О. Бутакова (Омск), О.Д. Вишнякова (Москва),
Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург), С. Джонс (Великобритания), Дж. Дили
(США), Г.К. Исмаилова (Казахстан), Е.Г. Которова (Томск), Э.Е. Курлянд
(Барнаул), Ю.М. Малинович (Иркутск), С.Г. Проскурин (Новосибирск),
О.Н. Прохорова (Белгород), П. Розенберг (Германия)

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор

О.В. Трунова

Редакционная коллегия

К.И. Бринев (заместитель главного редактора по филологии),
Л.М. Владимирская, В.Н. Карпущина, И.Ю. Колесов,
Н.В. Ефремова, Е.А. Калашникова, Ю.В. Кобенко, Л.И. Москалюк,
Т.Г. Пшенкина, И.Г. Серова, В.П. Сороколетов, Г.С. Суюнова, А.Г. Фомин,
А.А. Чернобров, М.А. Чернова (заместитель главного редактора по выпускам),
Н.П. Широкова (заместитель главного редактора по общим вопросам)

Секретариат

Т.А. Романова, Я.П. Филиппова

Четвертый выпуск альманаха включает статьи, выдержанные в рамках современной научной парадигмы. В них ставятся, рассматриваются и раскрываются проблемы системной организации конкретных языков и их функциональные особенности. Альманах адресован самому широкому кругу исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики и лингводидактики.

ISBN 978-5-88210-715-3

© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ

О.К. Андрищенко РЕЧЕВОЙ АКТ ОБЕЩАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	8
С.С. Барсукова ОСНОВЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ДИССОНАНСА	14
С.В. Бондаренко СИТУАЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕЧИ	20
Л.М. Владимирская ОСОБЕННОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СВОЙСТВА	23
А.М. Геращенко ИНТРОДУКТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ВСТАВНЫХ ТЕКСТОВ	30
Е.Н. Михайлова ФЕНОМЕН АРТИКЛЯ В РЕНЕССАНСНЫХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	32
И.Н. Рассолова НОМИНАЦИЯ И ИНДЕКСАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	37
Н.В. Сергиенко ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ	45
С.Е. Соколов ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	48
И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА «САМ» В РУССКОМ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ	51

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

О.Д. Вишнякова ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НОВОЗЕЛАНДСКОГО СОЦИУМА: ПРОБЛЕМЫ МОТИВИРОВАННОСТИ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПОЛНОЦЕННОСТИ	58
А.В. Гольдман СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ГОВОРЯЩЕГО	63
И.П. Исаева К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ	69
И.Ю. Колесов К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	72
М.Ю. Лопатина, С.В. Шелкова ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА КАК СИСТЕМЫ	78
И.Г. Серова КОНТРАСТ КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ	81
Е.В. Тархова СИМВОЛ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ	84
Я.П. Филиппова КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ДИВЕРГЕНТОВ ИМЕН ЛИЦ	89

Н.В. Цветкова ИКОНИЧНОСТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА В ПОЛИКОДОВЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале английского языка).....	93
--	----

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Муньез ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ХРОНОТОП В ИЗУЧЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ РОМАНОВ 19 ВЕКА (лингво-дидактический эксперимент).....	98
--	----

Г.Ф. Коваленко МОБИЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЗАУРУСА ЧИТАТЕЛЯ СРЕДСТВАМИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ	101
---	-----

Д.А. Кожанов ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-ГУМАНИТАРИЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	107
---	-----

С.В. Кустова РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	112
---	-----

РЕЗЮМЕ	116
---------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ.....	124
-------------------------	-----

CONTENTS

LINGUISTICS AND PHILOLOGY

Andryushchenko O.K. SPEECH ACT OF PROMISE IN ELECTION-RELATED COMMUNICATION: SEMANTIC-PRAGMATIC ANALYSIS	8
Barsukova S.S. THE BASIC PRINCIPLES OF THE LEXICAL DISSONANCE	14
Bondarenko S.V. SITUATION OF STATE CHANGE AND ITS REALIZATION IN DISCOURSE	20
Vladimirskaya L.M. PECULIARITIES OF IMPLICIT MEANINGS REVELATION WITH ANTHROPOLOGICAL ATTRIBUTE	23
Gerashchenko A.M. INTRODUCTIVE STRUCTURES OF INSERTED TEXTS	30
Mikhaylova E.N. THE PHENOMENON OF ARTICLE IN RENAISSANT DESCRIPTIONS OF THE FRENCH LANGUAGE	32
Rassolova I.N. NOMINATION AND INDEXATION OF SPATIAL RELATIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE	37
Sergienko N.V. PHONETIC MEANS OF EXPRESSING SEMANTICS OF INDEFINITENESS	45
Sokolov S.Y. SPECIFIC FEATURES OF POLITICAL COMMUNICATION	48
Chekulai I.V., Prokhorova O.N. TYPOLOGICAL FIELD OF CONCEPT "CAM" IN RUSSIAN AND GERMANIC LANGUAGES	51

LOGICO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE LANGUAGE

Вишнякова O.B. LANGUAGE REPRESENTATIONS OF NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF NEW ZEALAND COMMUNITY: PROBLEMS OF MOTIVATION AND CONCEPTUAL INTEGRITY	58
Goldman A.V. SOCIAL STATUS AND ITS REFLECTION IN THE LANGUAGE OF THE SPEAKER	63
Isaeva I.P. SOME OBSERVATIONS UPON COGNITIVE FOUNDATIONS OF LANGUAGE FORMS	69
Kolesov I.Yu. THE ISSUE OF LANGUAGE AS A REPRESENTATION SYSTEM	72
Lopatina M.Y., Shelkova S.V. FACTORS DETERMINING THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE AS A SYSTEM.	78
Serova I.G. CONTRAST AS A MEANS OF EMOTIONAL IMPACT ON THE READER	81
Tarkhova E.V. SYMBOL AS A MEANS OF IMAGERY CREATION	84
Philippova Y.P. COGNITIVE MODELS OF CONCEPTUAL METONYMY LYING IN THE FORMATION OF BRITISH AND AMERICAN DIVERGENTS DENOTING NAMES OF PERSONS	89

Tsvetkova N.V.	
ICONICITY OF SEQUENCE IN PRINT ADVERTISEMENTS.....	93

LINGUODIDACTICS AND PROBLEMS OF LINGUISTIC EDUCATION

Elena Munoz	
THE USE OF CHRONOTOPE IN THE STUDY OF THE EUROPEAN NINETEENTH-CENTURY NOVEL (lingua-didactic experiment).....	98
Kovalenko G.F.	
STYLISTIC CONVERGENCE IN MOBILIZING THE READER'S THESAURUS	101
Kozhanov D.A.	
RESEARCHER'S LANGUAGE PERSONALITY IN FICTIONAL TEXTS.....	107
Kustova S.V.	
PROCESS APPROACH TO TEACHING ENGLISH AS A SECOND LANGUAGE	112
Summary	116
Authors	124

ЛИНГВИСТИКА
И
ФИЛОЛОГИЯ

(LINGUISTICS AND PHILOLOGY)

УДК 81-11
ББК 81.2 Рус-923

О.К. Андриященко
Павлодар

РЕЧЕВОЙ АКТ ОБЕЩАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: речевой акт, листовка, перформатив, адресант, адресат, имидж.

Key words: speech act, leaflet, performative, sender, recipient, image.

Размещая в тексте листовки различные жанры (лозунг, биография кандидата, предвыборная программа, политическая реклама, интервью, отзывы авторитетных людей и т. п.), формирующие образ политика, кандидат преследует единственную цель – представить свой образ как положительный, реалистичный, отвечающий требованиям избирателей. Важное место в предвыборной коммуникации отводится обещанию, которое строится, в первую очередь, на имидже кандидата, на доверии к нему избирателей.

Речевой акт обещания занимает в тексте листовки центральное место, определяя границы коммуникативного общения; если избиратель согласен с кандидатом, то проголосует за него, если обещания кандидата не заслуживают доверия, то кандидат теряет поддержку на выборах. Все зависит от того, поверят ли избиратели обещаниям выдвиженца (на это работают разнообразные коммуникативные технологии, способы и приемы манипулирования общественным сознанием и т. п.). Данное положение можно представить как зависимое: кандидат = имидж + обещание.

Прагматическая направленность листовки (заставить проголосовать за кандидата) опирается на *убедительность* обещания.

Речевой акт обещания является смысловым ядром в интенциональной структуре листовки, так как усилия адресанта в создании предвыборного текста листовки направлены именно на достижение реалистичности обещания. Яркое выраженное глагольное действие позволяет отнести

глагол *обещать* к перформативам. Впервые перформативы выделил Э. Бенвенист, указывая на их семантику, соответствующую действию. Название данным глаголам дал Дж. Остин и охарактеризовал их в знаменитой работе «Слово как действие» [Остин 1986].

Перформатив представляет собой «речевой акт в прагматических координатах непосредственного общения «я – ты – здесь – сейчас»: *Приветствую вас, Советую не делать этого, Прошу вас* и др.» [Формановская 2002: 123]. Необходимо заметить, что не всегда данные высказывания осуществимы в прототипической коммуникативной ситуации. Перформативные высказывания возможны и в ситуации «отодвинутого фактора адресата», например, письма, общения по ISQ, Internet и пр. В частности, нами определено использование перформативного глагола *обещаю* в тексте предвыборной агитационной листовки.

Перформативному высказыванию присущи следующие характеристики:

- эквивалентность (равнозначность действию – главное свойство перформативов);
- неverifiedируемость (неприложимость к перформативам критерия истинности/ложности, так как перформативное высказывание истинно в силу самого его произнесения);
- автореферентность (перформативное высказывание отсылает к самому себе);
- автономинативность (перформативный речевой акт описывает себя);
- эквитемпоральность (совпадение времени перформативного глагола с моментом речи);

- компетентность (наличие полномочий у говорящего);
- лексическая и грамматическая выраженность (перформативный глагол должен быть в первом лице единственного числа настоящего времени, первый актант – выражаться дейктическим элементом первого лица единственного числа *Я обещаю* и т. п.) [Богданов 1990: 59-61].

З.К. Темиргазина указывает и на другие признаки, присоединяя их к вышеперечисленным:

- синсеративность, или условие искренности говорящего: это условие означает, что говорящий, произнося *Обещаю вернуться домой вовремя*, тем самым уже искренне осуществляет речевой акт обещания; сам же факт выполнения действия (вернется он домой вовремя или нет) характеризуется другими критериями (соответствием/несоответствием действительности);
- уникальность, или неповторимость: речевой акт, осуществленный в определенных конкретных условиях, как любое конкретное действие неповторим, языковые же выражения (например, *Объявляю вам выговор за прогул*) могут быть употреблены и в других речевых актах, осуществленных в других условиях другими коммуникантами [Темиргазина 2002: 97].

Речевой акт обещания не всегда бывает идеальным перформативным высказыванием, могут отсутствовать некоторые характеристики (например, эквипоральность – в случае с разговором посредством письма данная характеристика перформатива нарушается).

Кроме того, что глагол обещать относится к перформативам, т. е. глаголам, эквивалентным действию, речевой акт обещания относится к комиссивам, т. е. по представленной классификации Дж. Серля (который разграничил иллокутивный и пропозициональный компоненты высказывания, учитывая направление приспособления и условия искренности) к ил-

локутивным актам, «сообщающим о взятых на себя говорящим обязательствах: *X принимает на себя обязательства совершить А – «Я обещаю»* [Серль 1986: 181-185].

Данное положение актуально рассматривать именно на примере речевого акта обещания, функционирующего в предвыборный период. Обязуясь выполнить обещание, кандидат рождает доверие избирателей к своей кандидатуре. Перформатив *я обещаю* содержит семантику обязательства данного слова, такие конструкции привлекают внимание адресата, так как в них видят ярко выраженный образ автора, который предлагает свою помощь: *«Обещаю любое начатое дело довести до успешного завершения. Уверен, что мои профессиональные знания, жизненный опыт, умение решать конкретные задачи позволяют быть достойным доверия избирателей»* (Из предвыборной листовки В.И. Кабурнеева), *«Я люблю этот город, он стал для меня родным. Меня часто упрекают в том, что я приезжий. Я не обижаюсь, пускай каждый «приезжий» сделает для Павлодара хотя бы одно доброе дело. Я обещаю и впредь заботиться о нашем городе, об интересах горожан»* (Из предвыборной листовки Г. Акопяна), *«Обещаю неукоснительно следовать программе по улучшению жизни своих избирателей, приложит максимум усилий по реализации задачи Президента – продвижения Казахстана в число 50 наиболее динамично развивающихся стран мира»* (Из предвыборной программы В.Д. Лебедея), *«Я обещаю быть достойным вашего доверия!»* (Из предвыборной листовки В.И. Неупокоева).

Изучив материалы листовок, приходится констатировать сравнительно небольшое количество эксплицируемых обещаний, часто семантика обещания заменяется разными видами косвенной многоступенчатой связи. Кандидатам выгодно давать неопределенные обещания, заменять их словами с размытой семантикой. Как известно, в политике как таковой

мало места верифицируемым обещаниям. Так, по мнению Б.А. Ахатовой, «участники политического процесса заинтересованы в присутствии смысловой неопределенности в языке политики. <...> Смысловая неопределенность политического дискурса способствует манипулированию общественным сознанием. Неопределенность создает благодатную почву для приглушения неблагоприятной информации, ее вуалирования; сокрытия объективной информации; замалчивания персональной ответственности (для снятия ответственности). Политики используют неопределенные выражения с размытой семантикой, абстрактные фразы с целью скрыть свое незнание или неинформированность для того, чтобы никто в последствии не смог воспользоваться их слабостью, не смог доказать их несостоятельность в определенном вопросе или обвинить во лжи» [Ахатова 2005: 21].

М.В. Ильин полагает, что по своей природе политическое понятие оказывается «сущностно оспариваемым», поскольку не допускает «не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколько-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значения слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами» [Ильин 1997: 22].

Возникает проблема адекватного восприятия и понимания смыслов: кандидат, давая обещание, подразумевает акт обещания состоявшимся, а выполнение его является делом, зависящим от ряда других причин, зачастую не связанных с адресантом, по мнению же избирателя, обещание изначально невыполнимо, возникает

семантика «пустое обещание». В данном случае «политический дискурс оказывается «местом» самоистолкования и самоопределения смысла политических понятий» [Соловей 2005: 44].

Рассмотренное положение было детерминировано исторически (в советский период), когда обещания политических лидеров сводились к констатации существующего положения, а адресату не давалась возможность оспаривать решения. В настоящее время, когда многие страны мира, в том числе и Казахстан, ориентированы на демократию как высшее проявление власти, возникает необходимость возрождения доверия избирателей.

Невыполнение обязательств политика перед народом приводит к нарушению канонов обещания, к изменению принципов политической коммуникации, один из которых справедливо обозначил П. Бурдые: «В политике говорить, значит делать». По мнению автора, «политическое слово – и это определяет его сущность – полностью ангажирует своего автора, потому что оно представляет собой обязательство, которое надо выполнять (выделено нами – О.А.) и которое становится истинно политическим только в случае, если исходит от агента или группы агентов политически ответственных, способных ангажировать группу, причем могущую его выполнить» [Бурдые 1993: 206].

Осознание существующего положения дел, когда политик обещает заведомо невыполнимые действия, а избиратель не верит в силу обещаний и не хочет участвовать в политической жизни страны, привело к пониманию важности кредита доверия адресата и возможности его возродить. Главным критерием выбора адресатом кандидата является вера в символическую власть: «политический капитал является формой символического капитала, кредитом, основанным на вере и признании, точнее, на бесчисленных кредитных операциях, с помощью которых аген-

ты наделяют человека (или предмет) той самой властью, которую они за ним признают» [Бурдые 1993: 208].

Таким образом, основываясь на вере, обещание предполагает выполнение действия во избежание подрыва доверия адресата.

Перформативность обещания, отнесенного лингвистами к актам обязательства, противоречит возникновению в данном речевом акте каких-либо его разновидностей. Однако особое функционирование обещания привело к развитию его значений, появлению оттенков. Так, Г.Р. Восканян в речевом акте обещания выделяет четыре разновидности: нейтральное обещание, обещание-уверение, обещание-уступка, клятвенное обещание (цит. по [Маслова 2005: 59]). Не отказывая в развитии семантики данной лексики, автор все же делает акцент на обязательстве как главном критерии акта обещания.

Развитие лексики во времени предопределило появление таких смыслов, как «клятвенное обещание», «пустое обещание».

В семантике выражения *клятвенное обещание* происходит нагнетание смыслов: так как обещание – это уже обязательство субъекта выполнения чего-либо, то клятвенное – это обещание, осознанное дающим его, запрограммированное на неукоснительное выполнение, – при сочетании данных понятий возникает значение неопределенности, достоверности выполнения такого обещания.

Обязательность выполнения говорящим данного им слова берет истоки в этических представлениях народа об обещании: невыполнение обещания, данного человеком, осуждалось и влекло за собой порицание общества. Клятвенное же обещание представляло собой торжественное обещание, уверение, подкрепляемое иногда упоминанием чего-либо священного, дорогого для того, кто обещает, уверяет; невыполнение обещания, подкреплен-

ного клятвой, предполагало обязательное наказание либо от руки человека, либо свыше (достаточно вспомнить русские народные сказки, в которых завязкой и развитием сюжета являлось нарушение героем обещания). Клятвенное обещание является гарантом того, что дело будет сделано.

Функционирование данного высказывания проявляется, как правило, в ритуальных жанрах, предполагающих большую ответственность говорящего за сказанное, – инаугурационная речь, обращение президента к народу (приуроченное к важному событию в жизни страны или празднованию чего-либо), посвящение и т. п.

Заменой выражения *клятвенное обещание* в предвыборных листовках выступают глаголы с данной семантикой: *гарантирую, обязуюсь, клянусь* и др. Необходимо отметить, что кандидаты все же избегают частого использования таких обещаний.

Выражение *пустое обещание* интересно в силу несочетаемости или не должной сочетаемости данных понятий. Как уже было отмечено, если обещание закреплено актом добровольного обязательства и является установкой на выполнение, то лексема *пустой* означает «несерьезность намерения / значения, неосновательность», что, в принципе, в совокупности обоих значений имеет негативную окраску.

Распространение данного выражения в речи адресата, являясь следствием отражения действительности, повлияло и на использование данного понятия в речи адресанта. Пытаясь убедить избирателя в нерушимости данных обязательств, в весомости своего слова, кандидат апеллирует к такому типу обещания, представляя свой образ как борца с ложными посулами. Поэтому так частотно в предвыборных листовках обращение к пустословию как отрицательной характеристике: «Если Вы устали от **пустых обещаний**, значит, нас беспокоят одни и те же проблемы, значит, мы думаем одинаково» (Из предвыборной

листовки Л.Б. Вальковой), «Я не буду давать **пустых обещаний**, я буду делать» (Из предвыборной листовки С. Умарханова), «Статус депутата таков: есть совесть – будешь работать, нет – никто тебя не заставит. Конечно, можно просто отсидеться четыре года на депутатском кресле, ничего не делая, но такая позиция не по мне. Если за что-то взялся, значит, нужно доводить дело до конца, и делать его хорошо. Для меня депутатство, прежде всего, это большой груз ответственности. Я понимаю, что в одночасье все проблемы горожан решить нельзя, поэтому не даю **пустых и громких обещаний**. Я выступаю за поступательную и планомерную работу, только таким образом можно добиться результата» (Из предвыборной листовки С. Акимова), «Я не ставлю перед собой невыполнимых задач и не даю **пустых обещаний**, а намерен поступательно развивать инфраструктуру своего округа. <...> Что касается водоснабжения, то давать **пустых обещаний** я не буду. За короткий срок обеспечить весь Зеленстрой качественной водой нереально. Но решить вопрос капитального ремонта прорывных участков возможно» (Из предвыборной листовки Б.М. Рамазанова), «Я не буду давать **пустые обещания**, что буквально завтра, с моим приходом в депутатство, в районе обязательно построят школу» (Из предвыборной листовки Е.С. Арынова).

Суть таких высказываний можно определить выводом, сделанным одним из авторов листовки, перефразировавшего слова А. Сент-Экзюпери по поводу ответственности кандидата за сказанные слова: «Я считаю, мы всегда в ответе за тех, кому обещали, дали слово своей предвыборной программой. Ведь депутат – понятие круглосуточное» (Из предвыборной листовки М. Бегентаева).

Актуальность обращения кандидатов к высказыванию «пустое обещание» объясняется пониманием ответственности кандидатов перед избирателями. В этом

состоит особенность предвыборного дискурса какого-либо региона: во-первых, кандидаты обязаны держать слово по причине неоднократного участия в выборах при переизбрании на очередной срок (поверят ли избиратели адресанту при наличии отчета о проделанной работе или нет); во-вторых, уровень проведения предвыборной кампании (область, район и т. п.) позволяет отслеживать работу депутатов (ср. предвыборную кампанию на уровне страны).

Еще одной важной особенностью обещания является наличие субъекта, который добровольно берет на себя обязательство сделать что-либо, поэтому при данном перформативе обязательно лицо, отвечающее за свои слова. Однако не всегда в предвыборных листовках обещание дает непосредственно адресант, часто от его имени выступает другое лицо или группа лиц, что приводит к ощущению неправдоподобности обещаний, недостоверности адресанта как субъекта высказывания. Речь идет о разнице между высказываниями «я обещаю, что...» и «он обещает, что...»:

А) Я выбираю движение вперед. Выборы в городской маслихат – это реальный шанс выявить проблемы, которые мешают нам нормально жить, а городу эффективно развиваться. Это шанс предложить реальные пути решения этих проблем, выполнение которых я гарантирую. (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата С.В. Левитиной).

Б) Его предвыборная программа конкретна и реальна. В ней очерчен круг проблем, касающихся каждого из нас. Профсоюз строителей области уверен, что Винерцев А.И. достойно выполнит обещания и оправдает наше с Вами доверие. (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата А.И. Винерцева).

Шабрат Н.П. – опытный руководитель, активный депутат областного маслиха-

та и один из организаторов общественного объединения «Павлодар – наш общий дом». Он не дает пустых слов и обещаний, а старается конкретными делами содействовать решению насущных вопросов. (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата Шабрата Н.П.).

В первом случае (А), по меньшей мере, обещание бесспорно – акт обещания состоялся (конструкция от первого лица). Во втором случае (Б) мы сначала должны поверить говорящему, что акт обещания состоялся, а уже потом самому обещающему. В итоге, чтобы принять обещание кандидата, нужно принять обещание посредника (третье лицо), что обещания кандидата реальны.

Таким образом, можно утверждать, что речевой акт обещания, предполагающий обязательства выполнения, претерпел развитие семантики и, как следствие, появление дополнительных смыслов «клятвенное обещание», означающее торжественное обещание, обязательное для выполнения, и «пустое обещание», т.е. обещание, не имеющее под собой оснований для выполнения, заведомо ложное. В качестве средств сокращения расстояния между адресантом и адресатом используются средства создания достоверности обещания (например, глаголы с соответствующей семантикой), а также обращение к высказыванию «пустое обещание» как характеристикой, которой адресант *не обладает*, что является к тому же приемом создания позитивного имиджа.

Достижение успешности данного речевого акта осуществляется за счет конструкций прямого воздействия (адресант → адресат) и наименее успешно при косвенном/опосредованном (адресант → посредник (доверенное лицо) → адресат). При использовании конструкций от первого лица адресат создает атмосферу непосредственного участия в предвыборной коммуникации. Данная связь является прямой и имеет больше шансов на успех кандидата в ситуации выборов, так как автор листовки выступает субъектом, отвечающим за данные обещания. Менее удачными представляются конструкции от третьего лица, когда автором листовки представляется доверенное лицо кандидата. Такая связь адресант → автор → адресат является косвенной, поэтому адресату необходимо предварительно поверить посреднику в том, что обещания адресанта реалистичны.

Акт обещания основывается на вере адресата, поэтому так важен, особенно в политической коммуникации, «кредит доверия», который политики либо поддерживают, либо подрывают. Суть предвыборных выступлений сводится в идеале к действию, но будут ли они выполнены, зависит от самих говорящих и связанных с ними других факторов.

Отмеченное выше развитие семантики понятия *обещание* актуально исследовать с целью выявления процессов его функционирования в языковом сознании социума.

Библиографический список

1. Ахатова, Б. А. Коммуникативные технологии воздействия в политическом дискурсе / Б. А. Ахатова // Вестник КазНУ. Серия филологическая, №7(89), 2005. – С. 20–22.
2. Богданов, В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 140 с.
3. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
4. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
5. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику / А. Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 152 с.
6. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин / Пер. с англ. А. А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
7. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль. – Пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 131–140.

- лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170–194.
8. Соловей, И. В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта / И. В. Соловей // *Философские науки*, №11, 2005. – С. 34–46.
9. Темиргазина, З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике / З. К. Темиргазина. – Изд. 2-е, дополн. – Павлодар : ТОО НПФ «ЭКО», 2002. – 140 с.
10. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

УДК 81:1
ББК 81в

С.С. Барсукова
Барнаул

ОСНОВЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ДИССОНАНСА

Ключевые слова: диссонанс, узус, полуотмеченные структуры, оксюморон, катахреза, перенесённый эпитет, деавтоматизация восприятия.

Key words: lexical dissonance, usage, semi-marked structures, oxymoron, catachresis, transferred epithet, de-automated perception.

Онтологическая обусловленность принадлежности определённых признаков и образов действия предметам, явлениям и действиям отражена в сознании, реконструирующем в виде образов мир материальный. Плоскость сознания не может содержать взаимосвязей признаков и предметов, отличных от взаимосвязей, установленных в плоскости объективной реальности. Благодаря такому зеркальному отражению действительности в сознании, в последнем наличествуют ряды «сцеплённых» представлений, связующих те или иные предикаты суждения с теми или иными субъектами суждения. В свою очередь, язык, закрепляющий идеи сознания в вербальной форме, устанавливает нормы сочетаемости прилагательных (наречий) и существительных (глаголов), обозначающих признаки предметов (образов действий) и сами предметы (действия), соответственно.

Вместе с тем, в условиях взаимодействия языка и сознания возникает следующая ситуация: при столкновении с такими языковыми фактами, которые представляют собой противоречивые по своей семантике словосочетания, справедливо

было бы заключить, что, если подобные словосочетания возникают в языке, то идеи, обозначенные данными словосочетаниями, возникают и в сознании. Другими словами, то, что отсутствует в реальности, может, тем не менее, существовать в сознании (что антиномично положению о зеркальном отражении сознанием мира); существующее же в сознании всегда имеет обозначение языковое, а обозначенное языком, обязательно присутствуя в сознании, может не обязательно присутствовать в реальности бытия. Компоненты словосочетаний, называющих идеальные (нематериализованные) феномены, вступают между собой в противоречие, или лексический диссонанс.

В широком смысле, диссонанс представляет собой «то, что вносит разлад, вступает в противоречие с чем-нибудь; несогласованность, несоответствие» [Ожегов: URL]. Как явление противоположное явлению консонанса (созвучия), диссонанс априорно принадлежит сфере музыки и в этом смысле определяется как «негармоничное сочетание музыкальных звуков, неслитное звучание тонов» [Ожегов: URL]. Экстраполяция изначально музыкального

термина в область лингвистического понятийного аппарата обусловлена изоморфизмом, схожестью диссонанса музыкального и диссонанса речевого. Как и мелодический диссонанс, диссонанс лексический, возникающий на синтагматическом уровне в речи, эквивалентен некому противоречию, разногласию, а следовательно, предполагает бинарность вступающих в него элементов. Другими словами, сталкиваясь с лексическим диссонансом, мы всегда имеем дело с несогласованностью на уровне словосочетания.

Объединяясь, слова как лексические единицы образуют единицы более высокого языкового уровня – уровня словосочетаний, что происходит согласно существующим языковым конвенциям (в частности, согласно принятым нормам комбинаторики). Под нормой, в самом общем смысле, предлагается понимать «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закреплённых общественной и языковой практикой» [Серебренников 1970]. Более узкое понятие нормы сочетаемости можно определить как социально и лингвистически одобренную реализацию взаимодействия языковых элементов на уровне их объединения в словосочетание. Существуют специальные лексикографические источники, которые или отражают узуальное словоупотребление, зарегистрированное на основе анализа частотных речевых актов, или прескриптивно фиксируют обязательные нормы сочетаемости слов, в соответствии с которыми участникам языкового коллектива следует строить свои речевые высказывания. Словосочетания, представленные в таких словарях, носят характер так называемых отмеченных, или разрешённых в общеупотребительной форме языка, структур.

Наличие логико-структурного подобия выражающего знака и выражаемой идеи, с одной стороны, является гарантом адек-

ватности связи, установленной между реально существующим объектом и принятым для него языковым обозначением, и обеспечивает успешное отражение этой связи в сознании всех участников обнаруживающего её коллектива. С другой стороны, при такой «прозрачной» сопоставимости плана выражения и плана содержания исчезает новизна фигуры речи, обозначающей факт [Шевченко: URL]. Во избежание невыразительных, обыденных формулировок, в художественной литературе возможен авторский выход на полуотмеченность структур, которые при внутреннем нарушении лексической сочетаемости могут обозначать как явления, существующие онтологически, так и явления, существующие лишь гносеологически (в воображении автора и, возможно, в сознании воспринимающих его идеи читателей).

Полуотмеченность структур есть явление, возникающее в результате снятия семантических запретов, традиционно действующих при построении цепочек слов [Лотман: URL]. Понятие полуотмеченных структур тождественно понятию структур окказиональных – «не узуальных», не соответствующих общепринятому употреблению, характеризующихся индивидуальным вкусом и обусловленных специфическим контекстом употребления [Ахманова: URL]. В грамматическом отношении такие структуры сохраняют свою отмеченность, «правильность», приобретая экспрессию исключительно благодаря нарушению лексической сочетаемости входящих в их состав антиномичных или семантически далёких друг от друга элементов [Бабенко: URL]. Среди других свойств полуотмеченной, или окказиональной, структуры следует отметить её обусловленность контекстом и заданность языковой системой (несмотря на лежащее в основе такой структуры несоответствие языковой норме). Не отмеченные в рамках обычного языка, «запрещённые» соединения лексико-семантических еди-

ниц разрешены в языке поэзии, где снятие запретов порождает художественную синтагматику лексических единиц, приобретающих статус тропов [Лотман: URL]. Обращаясь к конкретным примерам, рассмотрим случаи оксюморона, катахрезы и эналлаги.

Троп, обозначающийся в стилистической традиции как оксюморон, можно дефинировать как средство выразительности, сочетающее в пределах одного фразового единства две лексемы, значения которых противоположны и несовместимы [Гуревич 2011: 31], при этом уже сам факт сочетания таких лексем становится «презумпцией наличия семантической общности» между ними [Лотман: URL]. Наиболее распространённой морфологической моделью оксюморона является адъективно-именное словосочетание. Приведём пример, взятый из романа О'Генри «Поединок», в котором главный герой следующим образом описывает своё противоречивое, неоднозначное отношение к Нью-Йорку:

(1) *I despise its very vastness and power. It has **the poorest millionaires, the littlest great men, the haughtiest beggars, the plainest beauties, the lowest skyscrapers, the dolefullest pleasures** of any town I ever saw* (O'Henry: URL).

Превосходная степень прилагательных призвана придавать возвышенность образу предметов, обозначенных определяемыми словами. Однако в данном случае посредством прилагательных в превосходной степени активизируется ироничное отношение к перечисляемым явлениям, выраженным именами существительными. Герой не отрицает наличия в городе миллионеров, высокопоставленных персон, населения, живущего за чертой бедности (наряду со всем прочим являющегося неотъемлемым атрибутом мегаполиса), красивых женщин, небоскрёбов и всевозможных источников развлечения. Тем не менее, наделяя всё перечисляемое черта-

ми, традиционно ему не свойственными, и осознанно интенсифицируя эти не свойственные черты, говорящий как будто аннулирует или высмеивает все людские достижения, качества, а также принятые в обществе способы времяпрепровождения. Реализации коммуникативного намерения говорящего, в данном случае, способствует использование ряда однородных по своей морфологической структуре оксюморонов.

Оксюморон может быть также построен по адвербиальной модели с прилагательным или глаголом в роли определяемых слов. Например:

(2) *His honor rooted in dishonor stood, and faith unfaithful kept him **falsely true*** (Tennyson: URL).

(3) *I am a **deeply superficial** person* (Warhol).

(4) *Here all things **scream silently**, and baring my head slowly I feel myself turning gray* (Yevtushenko: URL).

Основанные на спецификации признака или действия – логически не соответствующим признаком признака или признаком действия, приведённые выше оксюмороны отражают противоречивую сущность обозначенного ими и, кроме того, выявляют эту противоречивость в максимально компрессированной форме. Так, при отказе от использования такого стилистического средства, как оксюморон, идеи в примерах выше следовало бы выражать более развёрнуто: состояние (2) было бы описано как неопределённое, пограничное между ощущением себя жертвой обмана, измены, отступничества и свидетелем проявления праведных, добродетельных начал; самоопределение (3) было бы представлено как одновременное видение себя как глубокой, разносторонней, так и поверхностной, узкомыслящей личностью; а издаваемый отовсюду беззвучный крик (4) автор показал бы как процесс, вызванный ужасом происходящего и повергающий в безумие настолько, что в восприя-

тии стирается грань между оглушительным и безмолвным.

Итак, противоречивая природа вещей, отражённая в предельно сжатой образной языковой форме – есть то, на что направлено применение оксюморона.

Следующим средством выразительности, организованным вопреки узуальной лексической сочетаемости единиц, входящих в его состав, является катахреза. Катахреза представляет собой соединение лексических единиц, образующих словосочетание, несмотря на несоответствие их этимологических значений [Розенталь: URL]. Данное определение выявляет общность катахрезы и оксюморона как тропов, ориентированных на выражение парадоксальности. Однако существуют факторы, дифференцирующие эти образительные языковые средства. Во-первых, это фактор семантический: если значение оксюморона осознаётся на контрасте значений входящих в его состав лексем, то выявление значения катахрезы следует проводить по пути осознания соположенности разнородных, при этом не обязательно контрастирующих друг с другом, явлений. Во-вторых, это фактор прагматический, связанный с соотнесённостью означаемого и означенного: обозначенное оксюморонам не соотносится с материально существующим денотатом (кроме оксюморона в его характерологической функции), в то время как обозначенное катахрезой, напротив, – наличествует не только в сознании, но и в реальности бытия. И в-третьих, фактор морфологический: в отличие от оксюморона, структурно представляющего собой словосочетание, в большинстве случаев образованное по формуле, предполагающей описательность, катахреза не обязательно описательна и может быть образована по повествовательной (N. + V.) или номинативной (N. + N. / V. + N.) формулам. Например:

(5) *The verse does solidate and crystallize* (Cowley: URL).

(6) *Imagine awakening to find the moon flat on its face on the bathroom floor...* (Robbins: URL).

(7) *The voice of your eyes is deeper than all roses* (Cummings).

(8) *I will speak daggers to her* (Shakespeare: URL).

В примере (5) стихотворные произведения наделяются автором не свойственными им способностями нахождения в твёрдом и кристаллизованном состояниях. Приписывая поэмам такие способности, автор, возможно, желает подчеркнуть их энергетический потенциал, в свою очередь обуславливающий их сходство с текущей водой, агрегатные состояния которой могут переходить из одного в другое в зависимости от изменения температурных условий среды. Под изменением агрегатных состояний поэтических произведений, автор, скорее всего, имеет в виду изменения их ритма, варьирование степени абстрактности (описываемого в них предмета или явления и собственно описания), и передаваемых этими стихами настроений. Пример (6) иллюстрирует сходство лицевой, видимой с перспективы Земли, стороны Луны с лицом человека, что оправдывает использование существительного *face* в качестве названия фронтально наблюдаемого параметра небесного объекта и компенсирует отсутствие специального для него термина номинации. В примере (7) поэт выражает восхищение глубиной взгляда своей музы, наделяя его способностью порождения звуков, которая, по анатомическим нормам, свойственна голосовым связкам, но не зрительным векторам. Предложение (8) включает в себя катахрезический оборот, который можно перевести буквально как «говорить, высказываться кинжалами» и интерпретировать как намерение Гамлета обрушить на Гертруду уничижительную словесную тираду, полную презрения.

На основе проанализированных выше примеров катахрезы, можно заключить,

что это стилистическое средство используется как с целью достижения более высокой степени образности, так и для вербального обозначения тех объективно существующих предметов и явлений, которые не имеют собственных наименований, но которые представляется возможным номинировать лексемами, обозначающими так или иначе подобные предметы и явления.

Обратимся к рассмотрению следующего тропа, носящего название эналлагы, или перенесённого эпитета. Сам по себе эпитет представляет собой художественное, образное определение чего-либо и может быть выражен не только именем прилагательным, но и существительным-приложением или наречием [Розенталь: URL]. Эналлага является разновидностью эпитета и подразумевает дескрипцию того или иного предмета или явления посредством применения к нему описательных характеристик другого предмета/явления, так или иначе связанного с описываемым. Фактором, позволяющим привести эналлагу под общий знаменатель с рассмотренными выше оксюмороном и катахрезой, является разноплановость значений компонентов, соединяющихся, несмотря на диссонирующий характер отношений между ними. В отличие от оксюморона и по аналогии с катахрезой, эналлага вербально фиксирует факт реально существующего, а в отличие от катахрезы и по аналогии с оксюмороном, обладает более высокой степенью художественности. В качестве примера рассмотрим предложение, в котором эналлага выражена прилагательным:

(9) [Peggotty] *rubs everything that can be rubbed, until it shines, like her own **honest forehead**, with perpetual friction* (Dickens: URL).

Прилагательное *honest*, применённое к существительному *forehead*, характеризует лобную часть лица девушки посредством переноса значения честности из сферы личностных качеств Пегготти в аспект её внешнего вида. Здесь представ-

ляется уместным упомянуть о способности прилагательного «легко приспособляться к существительным разной семантики, допуская множество разнообразных сдвигов в значении» [Вольф 1978: 4-5].

Взятые отдельно, вне контекста, единицы, стилистически классифицируемые как оксюмороны, катахрезы и эналлагы, «выступают <...> как местоимения – знаки для обозначения ещё не выясненного содержания» [Лотман: URL]. В связи с этим, для обеспечения их правомерной интерпретации читателем нужен минимально необходимый отрезок контекста, в который они включены по замыслу создавшего их автора. Однако даже при наличии контекста «колебания от чёткой выраженности определённости значения до подтекстности могут быть обусловлены и авторским замыслом, и квалификацией читателя», ставящего перед собой задачу интерпретации тех или иных тропов [Бабенко: URL]. Таким образом, художественные средства выразительности, являясь «напряжением между семантической структурой языка искусства и естественного языка» [Лотман: URL], для осознания их читателем требуют от него определённого уровня интеллектуально-эстетической подготовки и, в частности, возможно, ознакомленности с особым идиостилем автора.

Существуют определённые причины использования автором полуотмеченных структур в тексте. Среди наиболее значимых причин выделяют желание автора подчеркнуть собственное отношение к высказываемому, его стремление к более точному и краткому выражению какой-либо идеи [Бабенко: URL]. Исползованные по той или иной причине, полуотмеченные структуры реализуют функции «деавтоматизации восприятия», «экономизации языковых средств», а также ритмо- и рифмообразующую функции [Пестова 1986].

Обозначая не всегда наличествующие онтологически предметы и явления, полуотмеченные структуры соотносятся не

столько со сферой реального, сколько со сферой мыслимого или гипотетически возможного. Следовательно, посредством полумеченных структур возможное начинает представлять как «особый род бытия, отличный от действительного», имея собственную «возможностную» реальность; а мыслимое – как результат «движения сквозь действительность к скрытым в ней возможностям», так что, «сам действительный мир становится одним из возможных» [Шевченко: URL]. Диссонанс, присутствующий в семантической структуре оксюморона, катахрезы и эналлагы, присутствует также и в плоскости референции этих полумеченных обозначений к тем предметам и явлениям, которые они, по воли создавшего их автора, призваны обозначать. По мнению Б.М. Гаспарова, языковой феномен, нарушающий «сложившийся в читательском сознании «код» эстетического поведения», подталкивает читателя к нахождению некой «мысленной среды»,

в которой и становится возможной интерпретация нарушающего привычный код феномена. Кроме того, языковой артефакт, в основе которого лежит, в частности, лексический диссонанс, может частично утрачивать статус не- или полумеченного ввиду того, что «динамический характер пространства, вырастающего вокруг [него] <...> определяет собой подвижность и относительность всякой оценки высказывания», «подрывает иерархию правильного-неправильного...» [Гаспаров: URL].

Таким образом, передавая уникальные и многоплановые смыслы и деавтоматизируя тем самым читательское восприятие, структуры, основанные на явлении лексического диссонанса, проецируются через призму сознания на особую бытийную (или «околобытийную») плоскость – плоскость мыслимого или возможного, открывая тем самым новые перспективы познания.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/shveyz/liter.pdf
2. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте / Н. Г. Бабенко [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/.../babenk_0kk.php
3. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного / Е. М. Вольф. – М., 1978. – 199 с.
4. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gasp/index.php
5. Гуревич, В. В. English Stylistics. Стилистика английского языка / В. В. Гуревич. – Учебное пособие. – М.: Флинта, 2011. – 72 с.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/.../Lotman/_Index.php
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ozhegov/index.php
8. Пестова, Е. М. Необычные сочетания слов в поэзии В. Маяковского // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения / Е. М. Пестова. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. – С. 34–43.
9. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/.../index.php
10. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б. А. Серебренников. – М.: Изд-во «Наука», 1970. – 602 с.
11. Шевченко, О. Г. Проблема выравнивания диссонансов в гипотетическом дискурсе / О. Г. Шевченко // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. – 2008. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-vyavnivaniya-dissonansov-v-gipoteticheskom-diskurse>

Список источников иллюстративного материала

1. Cowley, A. The Muse / A. Cowley [Электронный ресурс]. – URL: <http://cowley.lib.virginia.edu/works/muse.htm>
2. Cummings, E. E. Somewhere I Have Never Travelled... / E. E. Cummings [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.poets.org/viewmedia.php/prmMID/15401>
3. Dickens, Ch. David Copperfield. The Personal History and Experience of David Copperfield the Younger / Ch. Dickens [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.literaturepage.com/read/davidcopperfield.html>
4. O'Henry. The Duel / O'Henry. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.literaturecollection.com/a/o_henry/205/

5. Robbins, T. Still Life with Woodpecker / T. Robbins [Электронный ресурс]. – URL: <http://lingualeo.com/jungle/31060>
6. Shakespeare, W. Hamlet Prince of Denmark / W. Shakespeare [Электронный ресурс]. – URL: http://www.shakespeare-online.com/plays/hamlet_1_1.html
7. Tennyson, A. Idylls of the King / A. Tennyson [Электронный ресурс]. – URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/t/tennyson/alfred/idylls/chapter1.html>

УДК 811

ББК 81.432.1 – англ.

С.В. Бондаренко
Москва

СИТУАЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕЧИ

Ключевые слова: категория изменения состояния, ситуация изменения, пропозиция, семантико-синтаксическая структура, каузативный/некаузативный тип ситуации.

Key words: State Change Category, the situation of State Change, the proposition, the semantico-syntactical structure, causative/non-causative type of State Change Situation)

Изменение – многогранное явление окружающей действительности, категория, имеющая процессивный характер и характеризующая состояние того или иного объекта, альтернативное статальности. Проявление понятия «изменение» в языковой семантике обуславливает большой интерес к его изучению, а разнообразие подходов при изучении (структурный, функционально-семантический, когнитивный и т. п.) указывает на неоднозначность данного явления [Назаров 1987, Лобанова 1988, Крючкова 2002, Денисенко 2005, Кропотова 2004, Сахарова 2004, Романцова 2005, Черняева 2008 и др.]

Одним из возможных подходов к проблеме анализа языковой семантики на уровне высказывания является анализ, основанный на понятии *ситуация*. В большинстве работ *ситуацией* называют отрезок реальной действительности, частное событие или факт, о котором сообщается в конкретном высказывании. Следовательно, наименованием такой ситуации в языке и речи выступает *предложение/высказывание*. Еще Б.А.Серебренников в своих работах указывал на то, что «все типы предложений, по крайней мере, в их генезисе, представляют языковые модели конкретных ситуаций <...>. Без создания языковых

моделей конкретных ситуаций языковое выражение элементарных связей между предметами и явлениями окружающего нас материального мира было бы фактически невозможно» [Серебренников 1970: 57]. На связь между семантикой данных содержательных структур и реальным событием (ситуацией) обращает внимание и М.Я. Блох, отмечая, что «выявляясь для участников общения в виде целостной информативной единицы, в которой форма и содержание не могут мыслиться отдельно и каким-либо образом отчлениваться друг от друга, предложение служит им не только своим обобщенным содержанием. Напротив, оно представляет собой информативную ценность лишь постольку, поскольку в нем находят выражение соответствующие составные части содержания – речевые отражения предметов и отношений того кусочка действительности, который включается в отображаемую предложением ситуацию» [Блох 2000: 24].

Анализ примеров проявления ситуативной реализации категории изменения состояния подтвердил наличие в английском языке двух основных типов ситуаций – *некаузативного* и *каузативного*. При *некаузативной ситуации изменения состояния* субъект и объект изменения являются

ся неразделимым целым, т. е. совпадают в своем генетическом тождестве. В данном случае пропозициональная структура ситуации изменения *некаузативного типа* может быть представлена моделью: *что (кто) – изменилось*, чье семантико-синтаксическое же выражение представлено одноместной структурой следующего характера: субъект (= объект) – предикат. Например:

(1) *As he talked, **Mama's face grew stern, and it seemed to grow more lean*** (Steinbeck, 161).

Однако субъект/объект изменения может иметь «двустороннее проявление», выраженное в реализации как начальной, так и конечной точки его изменения. В данном случае мы имеем дело с более широкой пропозициональной структурой ситуации изменения некаузативного типа (*что (кто) – изменилось – из чего – во что*).

Здесь, синтагматическая модель может быть представлена двухместной семантической структурой двух типов ((1) «субъект (объект) – (предикат) – начальная точка изменения, либо (2) «субъект (объект) – (предикат) – конечная точка изменения» – конечная точка изменения»), так и трехместной семантической структурой, где свое проявление находят все возможные семантические актанты для данного типа ситуативной реализации.

Например:

(2) *The Malay boy had drawn the blinds when **the morning lost its freshness**, but she had partly raised one of them so that she could look at the river* (Maugham, 39).

(3) *Before their eyes **the whole surface of the mountain had changed suddenly to a dazzling burning yellow**, which showed up through the jacket of turf as light shows through a human hand* (Fitzgerald, 68).

(4) *He'd changed from a **frightened young boy to the man he was today*** (Sparks, 96).

Говоря о *каузативной ситуации* изменения следует отметить, что в данном случае субъект и объект изменения представляют собой совершенно разные предметы

объективной действительности, причем один из них имеет непосредственное воздействие на другой, тем самым обуславливая изменения состояния последнего, т. е. налицо субъектно-объектные отношения, реализуемые во взаимодействии и воздействии субъекта (каузатора) на объект в конструкциях активного залога, либо объекта на субъект в пассивных конструкциях. Содержанием пропозиции данного типа выступают три основные структуры: (1) *кто (что) – изменил – что (кого)*; (2) *кто (что) – изменил – что (кого) – во что* и (3) *кто (что) – изменил – что (кого) – из чего – во что*. Примером проявления данных пропозиций могут выступать следующие предложения:

(5) *His **outburst surprised her**, and her eyes widened a little* (Sparks, 345).

(6) *The **sunset had smitten into scarlet gold the upper windows of the houses** opposite* (Wilde, 149).

(7) *His **shouts turned her from a sort of dream person to a real one*** (Binchy, 117).

Следовательно, максимально полная семантико-синтаксическая структура ситуации изменения состояния может быть представлена только четырьмя участниками данного процесса, где четко определены и обязательные, и факультативные семантические актанты. Так, в некаузативных структурах семантически обязательным является объект изменения, в каузативных – объект и субъект изменения. Таким образом, очевиден факт, что для любой ситуации изменения характерна *объектоцентрическая* направленность, а начальная и конечная точки изменения являются факультативными компонентами, чье присутствие является коммуникативно-обусловленным, т. е. зависит от информационного задания каждого конкретного коммуникативного акта.

Ситуация изменения состояния реализуется в предложениях, обозначающих *процесс, действие*, или *действие-процесс*. Это связано с тем, что само понятие из-

менения состояния представляет собой единство двух основных понятий окружающей действительности – статики и динамики. С одной стороны, изменение – это процесс, имеющий причины своего возникновения, определенную фазисноокрашенную структуру своего протекания, с другой же – это чередование микросостояний, возникающих в ходе происходящего процесса и результирующих в определенное состояние, возникающее в результате данного процесса.

Так, в предложениях со значением процесса о предмете говорится, что он изменил свое состояние. Предложения подобного типа отвечают на вопрос «Что случилось с X?»:

(8) *Folks said his mind was weakening* (Lawrence, 171).

(9) *The landscape melted and flowed* (Bradbury, 35).

Предложения со значением действия выражают деятельность – «нечто, что кто-то делает». Такие предложения отвечают на вопрос «Что сделал X?»:

(10) *Just before he reached this point he slowed down his pace, warned by an animal sense there was life just ahead of him* (Fitzgerald, 64).

(11) *It must have rained some days. There had to be clouds and a wind would definitely have come up at high tide* (Binchy, 103).

(12) *At some secret level, Father Niven's heart*

told itself something and raced, then slowed and almost stopped (Bradbury, 152)

Предложение со значением действия связывает два предмета, один из которых производит соответствующее действие, а другой в результате этого действия изменяет свое состояние:

(13) *After carrying on in this strain for some time the writer changed her tone* (Clarke, 60).

(14) *Pepe drank from the bag again for the air was so dry that it encrusted his nostrils and burned his lips* (Steinbeck, 170).

В заключение хотелось бы отметить, что одной и той же ситуации (событию) могут соответствовать несколько предложений, каждое из которых по-своему передает это событие. Здесь влияние структуры предложения как грамматической единицы на структуру ситуации заключается в определенном преобразовании изображения последней, соотношения ролей ситуации с членами предложения. Однако структура ситуации, которая представляет собой некоторый фрагмент действительности (а именно, состав ее участников) в целом остается неизменной независимо от того, какой семантической структурой она будет представлена, т. к. у всех предложений, описывающих одну и ту же ситуацию, наличествует общий денотат, начальная обобщенная типовая пропозиция, т. е. сама ситуация.

Библиографический список

1. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М., 2000.
2. Денисенко, В. Н. Концепт «изменение» в русской языковой картине мира / В. Н. Денисенко. – М.: 2004. – 306 с.
3. Дюндик, Л. Г. Типы каузативных предикатов в современном английском языке / Л. Г. Дюндик // Семантическая интерпретация простого предложения. – Иркутск, 1983.
4. Кропотова, Л. В. Семантико-синтаксическая характеристика глаголов с общим значением изменения в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Кропотова. – Киров, 2004. – 13 с.
5. Крючкова, Ю. В. Семантический подкласс глаголов со значением произвольного качественного изменения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Крючкова. – СПб., 2002. – 16 с.
6. Лобанова, Г. А. Реализация предикатов изменения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Лобанова – Л., 1988. – 14 с.
7. Назаров, С. И. Семантика и функционирование английских каузативных глаголов, обозначающих изменение состояния предмета : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Назаров. – Л., 1987. – 16 с.
8. Романцова, Л. М. Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Романцова. – Белгород, 2005. – 16 с.
9. Сахарова, Т. А. Языковая актуализация концепта «изменение состояния» на примере модели Verb-Adjective : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Сахарова. – Барнаул, 2004. – 15 с.

10. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б. А. Серебренников. – М., 1970. – 16 с.
11. Черняева, А. В. Функционально-семантический анализ подкласса глаголов, репрезентирующих концепт ИЗМЕНЕНИЕ в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Черняева. – СПб., 2008. – 16 с.
12. Bloch, M. Y. A Course in Theoretical English Grammar / M. Y. Bloch. – М., 2000. – 208 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Binchy, Echoes / M. Binchy. – New York : A Dell Book, 1989. – 494 p.
2. Bradbury, R. Perchance to Dream / R. Bradbury // The April Witch. – М. : Издательство «Менеджер», 2001. – 224 с.
3. Bradbury, R. The Missiah / R. Bradbury // The April Witch. – М. : Издательство «Менеджер», 2001. – 224 с.
4. Fitzgerald, F. S. The Diamond as Big as the Ritz / F. S. Fitzgerald // Selected Short Stories. – М. : Издательство «Прогресс», 1979. – 360 с.
5. Lawrence, D. H. The Christening / D. H. Lawrence // Selected Prose. – М. : Издательство «Менеджер», 2000. – 208 с.
6. Maugham, W. S. The Force of Circumstances / W. S. Maugham // England Versus England. – М. : Издательство «Айрис-пресс», 2001. – 352 с.
7. Sparks, N. The Rescue / N. Sparks. – New York : Warner Books, 2001. – 420 p.
8. Steinbeck, J. Flight / J. Steinbeck // Short Stories Selections. – М. : Издательство «Айрис-пресс», 2002. – 352 с.
9. Wild, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde // Selections from Oscar Wilde. – VI. – М. : Издательство «Прогресс», 1979. – 300 p.

УДК 81-13

ББК 81в3

Л.М. Владимирская
Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СВОЙСТВА

Ключевые слова: скрытые смыслы, языковое сознание, антропологический код, культурные концепты, языковые знаки.

Key words: implicit meanings, linguistic mentality, anthropological code, cultural concepts, linguistic symbols.

Интерес к смысловой картине высказывания / текста имеет давнюю традицию, поскольку феномен лингвистики состоит в стремлении ученых рассматривать язык не только и не столько как объект исследования, но как важнейший инструмент межличностного взаимодействия в коммуникации. Однако сложность коммуникативного процесса не позволяет сразу определить все нюансы и особенности такого взаимодействия, так как используемые в речи средства языка представляют собой знаки как показатели, выразители данного языкового значения [Ахманова 2004: 158], которые всегда не достаточны для адекватного и целостного восприятия действительности. Декодирование смысловой картины приобретает особую актуальность в иноязычном пространстве. Научный альманах. Выпуск 4

стве, когда знание иностранного языка не всегда обеспечивает понимание содержания высказывания и абсолютное взаимопонимание между коммуникантами. В повседневной жизни значение воспринимается как синоним смысла, но при переводе высказывания с одного языка на другой сумма значений каждой языковой единицы не становится значением всего высказывания, но может стать импульсом для понимания его смысла. Так, перевод немецкого высказывания *Ich verlor den Boden unter den Füßen* (Krupkat) при всем знании значения слов *der Boden* (земля, грунт, почва; земельный участок; пол; дно; чердак и т.д.), *verlieren* (терять, лишаться), *unter* (под, среди, между, ниже, менее, с; во времена), *der Fuß* (нога, ножка чего-то; основание; стопа; цоколь; след; фут) на-

ходится под угрозой нескольких факторов: 1) реципиент не является носителем или активным пользователем немецкого языка; 2) реципиент находится вне коммуникативной ситуации; 3) реципиент не умеет логически мыслить. В результате, даже при корректном построении русского аналога, содержание высказывания может перейти в иную сферу, например, имущественного или строительного плана, тогда как речь идет о переносном смысле (Я потерял почву под ногами). Но и переносный смысл данного высказывания вне дискурса не имеет однозначности, т. к. потерять почву под ногами можно как в ментальной сфере, так и в реальности, т. е. потерять сознание, упасть, не найдя опоры. Тем не менее знаковым для понимания в данном случае является глагольное словосочетание *den Boden verlieren*, поскольку терять (*verlieren*) можно то, чем владеешь, не зависимо от продолжительности владения (сиюминутно или постоянно). Следовательно, если бы в ситуации речь шла о земельном участке, который потерял, то должно было быть иное предложное словосочетание, например, *aus den Händen*, т. к. «владеть» означает «что-то иметь в своих руках». Таким образом, используя метод дедукции (переход от посылок к заключению), можно найти при переводе, а также при восприятии высказывания в коммуникации его адекватный смысл. В словаре по логике мы находим, что с точки зрения логической семантики, общее значение выражений расщепляется на две части: предметное значение (денотат) и смысл (мысленное содержание). «Понять некоторое выражение значит усвоить его смысл. Если смысл усвоен, то мы знаем, к каким объектам относится данное выражение, следовательно, смысл выражения задаёт его денотат» [Ивин, Никифоров 1997: 312].

В данной статье особый интерес вызывает именно скрытый смысл, т. к. он ориентирован в основном на внеязыковую действительность, которая позволяет устано-

вить не только вербализованное значение, но и дополнительную информацию, которая находится вне дискурса, однако имеет определенную ценность для межличностного взаимодействия в коммуникации. В основе декодирования смысловой картины всякого высказывания находится субъектный фактор, поскольку осознание общего смысла происходит в соответствии с объективной действительностью. Поэтому для работы является актуальной позиция А.Н. Леонтьева, который показал, что смысл создается в результате отражения субъектом отношений, существующих между ним и тем, на что его действия направлены как на свой непосредственный результат (цель). Именно отношение мотива к цели, по А.Н. Леонтьеву, порождает личностный смысл, причем смыслообразующая функция в этом отношении принадлежит мотиву. Возникая в деятельности, смыслы становятся единицами человеческого сознания, его «образующими» [ПС 2004: 393]. Иначе говоря, невозможно понять общую смысловую картину дискурса, не включая сознание как способ отношения человека к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей. «Сознание – это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей» [ПС 2004: 393]. Декодирование скрытых смыслов включает ориентир на два направления: 1) понимание (импликация); 2) утаивание, иначе говоря, «имплицитный смысл», т. е. «собственно скрытый смысл». Имплицитный смысл – это часть содержательной структуры текста, отнесенная в подтекст, который можно определить как не выраженное словами, но осязаемое для реципиента, значение какого-либо отрезка в составе художественного текста как единого семантического целого. Эта особенность художественного текста обусловлена разными структурными характеристиками: лингвистической и ситуативной

пропозицией (пресуппозицией) [УСЛТ 2005: 75]. В качестве «собственно скрытого смысла» (не выраженного) рассматриваются в работе свойства референциальной отнесенности знаков, позволяющих декодировать информацию субъектного плана, истинность и достоверность которой регулируется логико-семантическими закономерностями.

Заявленная в данной статье проблема актуальна не столько в плане формулирования определенного аспекта познания действительности, сколько в плане реального пользования. Иными словами, коль скоро существуют смыслы, спрятанные в глубине сознания продуцента речи, возникает необходимость их дешифровки. Поскольку человеческая сущность автора текста/высказывания индивидуальна и неповторима, ее познание требует огромных усилий с применением таких механизмов, как корректные логические действия, адекватное использование языкового аппарата, опора на диалектические и психологические закономерности бытия. С философских позиций познание – это духовная деятельность, направленная на воспроизведение в субъективной форме мира предметов, состояний, процессов, их систематизация и хранение [КФС 2001: 287]. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «познание» рассматривается как приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира [Ожегов, Шведова 1999: 548]. И то и другое толкование является основанием для обращения к процессу познания в формировании концептуальной базы декодирования скрытых смыслов, т. к. речь идет о языковых знаках, которые в разных коммуникативных ситуациях / текстах могут выполнять множество функций, направленных на реализацию авторских интенций. Под словом «автор» понимается продуцент речи, обладающий основополагающим свойством – языковой и коммуникативной компетентностью.

В понятие «скрытый смысл» вкладывается разноплановая информация субъектно-объектного плана, позволяющая расширить знания об интенциях автора, о мотивах появления высказывания / текста, о его контентных лакунах, а также о свойствах субъекта и объекта речи. В исследовании данного процесса субъектный фактор, включающий социально-психологический портрет адресанта и адресата речи, как и их речевые действия, играет ведущую роль, поскольку мотивационная база высказывания должна ориентироваться на личностные особенности реципиента, чтобы взаимопонимание состоялось. Данная информация входит в систему скрытых смыслов, поэтому механизм ее идентификации во многом опирается на дедуктивный и индуктивный методы познания.

Оба метода одинаково важны для декодирования скрытых смыслов относительно характеристики личности. Однако релевантным фактором аргументационной базы остается вербальная сфера дискурса, позволяющая подтвердить истину гипотезы в плане контентной смысловой составляющей. Вслед за М.А. Кронгаузом, в данном исследовании имплицитная информация извлекается из: пресуппозиции (презюмции), следствия (импликация), коннотации, имплицатуры и т. п. Наиболее важными среди них следует считать презюмции и импликации, как бы обрамляющие основную пропозицию и в определенном смысле само высказывание [Кронгауз 2005: 203]. Пресуппозиция, как правило, возникает на основе каких-либо свойств отдельных слов, конструкций, грамматических явлений, поэтому ее смысловая сущность может быть декодирована в результате логических операций аналитического и синтетического плана. Объективация пресуппозиции в предлагаемом исследовании обусловлена тем, что она в любом статусе (определенный / неопределенный, экзистенциональный,

лексический, грамматический) включает скрытую информацию, расширяющую смысловую картину дискурса. Если, например, представлено высказывание «Он работает юристом на предприятии», то в пресуппозиции заложена информация о том, что он имеет юридическое образование, что он закончил специальное учебное заведение. Ложность такой пресуппозиции может демонстрировать лишь широкий контекст, который описывает условия, противоречащие данному послыу.

Теория смысла пытается ответить на вопрос о том, что такое смысл языковых выражений, когда выражения являются тождественными по смыслу, как соотносятся смысл и денотат и т. п. [Ивин, Никифоров 1997: 299]. Ориентируясь на приведенные словарные дефиниции исходных терминов исследования, мы рассматриваем в работе скрытый смысл как то, что обусловлено антропологической сущностью бытия при создании дополнительного информационного фонда художественного дискурса и может быть установлено опосредованно через языковые знаки и логические умозаключения. Информативный объем скрытого смысла обеспечивается целевой установкой и может быть дифференцирован, соответственно, как скрытый смысл а) явления / события / факта; б) объекта речи, субъекта речи, субъектно-объектных и межсубъектных отношений.

Включение в исследование фактора закономерности актуализации языкового знака в речевой ситуации позволяет рассматривать скрытые смыслы в разноплановой кодовой репрезентации, поскольку код, с одной стороны, – это система условных обозначений, сигналов, передающих информацию [Ожегов, Шведова 1999: 280], с другой стороны – правило, позволяющее соотносить (сопоставлять) с каждым передаваемым сообщением некоторую комбинацию различимых сигналов [Ахманова 2004: 198].

Использование кодовой системы в процессе извлечения максимальной ин-

формации из любого дискурса диктуется особым вниманием к фактам языковой и внеязыковой действительности как знакам, скрывающим истинное положение вещей. Речь идет о смыслах, скрытых от восприятия преднамеренно или случайно, но имеющих определенную ценность для реципиента. Это могут быть явления, события, люди, их свойства, действия и взаимодействия, а также зависимости. Повторяемость связей создает предпосылку для формирования так называемого антропологического кода, поскольку всякое высказывание детерминировано личностью как говорящего / пишущего, так и слушающего / читающего. Вне учета данного фактора «... есть опасность потери целостного смысла, выражением которого служит текст, а это может привести к непониманию и даже разногласиям в коммуникативных процессах, поскольку могут возникнуть несоответствия установки говорящего ожиданиям слушающего» [Хантакова 2013: 100]. При этом процесс понимания и взаимопонимания становится сложнее, поскольку имеет не линейный, а объемный характер в силу своей субъективности. Под «объемностью» в данном случае понимается наличие множества не эксплицированной информации субъектного плана, которая, извлекается из скрытых смыслов высказывания, прогнозируя свойства говорящей личности, обусловленные выбором тех или иных средств выражения эксплицированных значений. Если проанализировать дискурс, включающий, например, метафорические высказывания, то можно увидеть не только личностные особенности продуцента речи, но и его намерения в коммуникации.

(1) *Und ich spürte, wie ein Mantel der Sympatie und Anteilnahme mich umschloss und wie ich in den Kreis dieser fremden Frauen aufgenommen wurde (Joho).*

Данное высказывание актуализирует несколько разноплановых моментов речи, которые характеризуют, с одной сторо-

ны, контентную составляющую коммуникативной ситуации, с другой стороны, субъектную. Дискурсивные условия демонстрируют сочетание эмфазы и семантического компонента. Тезис В.А. Жеребкова о том, что метафора является в меньшей степени результатом эмоциональности, чем образности, свидетельствует не столько об особенностях метафоризации, сколько об авторских интенциях в их целевой отмеченности [Жеребков 1988: 95-96]. Если рассматривать приведенное метафорическое высказывание с этих позиций, то стремление к образному выражению своего состояния видится логическим результатом определенных чувств, окрашенных соответствующим эмоциональным настроением, с целью привлечь внимание адресата и произвести на него должное впечатление. Фактология позволяет продемонстрировать данный тезис с помощью анализа языковых знаков: модус *Jch spürte...* дает представление об эмоциональном состоянии героя, инициированной неординарной ситуацией, что, в свою очередь, порождает создание образной речи (*ein Mantel der Sympatie*). В конкретной коммуникативной ситуации внутренняя психологическая позиция формирует внешнюю, т. е. программирует определенным образом общую ауру межличностного взаимодействия, отмеченного позитивной оценкой, несмотря на знак противоречия в словосочетании *in den Kreis dieser fremden Frauen* (сложно в кругу незнакомых людей сразу проникнуться огромной, обволакивающей всего человека симпатией).

Анализируя высказывание (1), можно представить говорящего как личность 1) эмоциональную; 2) стремящуюся к общению; 3) способную тонко чувствовать; 4) способную к пониманию и участию. Это 5) интеллектуально развитый человек, 6) творческая натура. Даже вне контекста и коммуникативной ситуации указанные свойства (1-6) становятся очевидными, что верифицируется вербальными сред-

ствами, а также умозаключением, полученным методом «от противного»: человек, не открытый к общению и пониманию другого, не может тонко чувствовать природу и ситуацию, что свидетельствует о тенденции к рациональному восприятию действительности. Если бы он не являлся творческой натурой, то метафорические образования должны были иметь более сниженную стилевую окраску, либо их вообще могло не быть, и описания чувств представляли бы собой название фактов без включения образов высокого стиля. Иными словами, если для реципиента является актуальным посылом извлечение информации субъектного свойства, то соотнесение языкового знания и энциклопедического с применением принципов логической семантики и когнитивистики, как и психологических постулатов, становится необходимым инструментом в установлении того, что скрывается за вербализованным пространством. Это может существовать в препозиции, в имплицации или транспонироваться в пропозициях высказывания. Результатом такого поиска можно назвать предложенный портрет субъекта речи при анализе фактологии (1). Это означает, что в кодовой системе сохраняется фонд знаний в качестве скрытых смыслов, трансформированных в информативный потенциал высказывания / текста / дискурса. При этом в понятие «энциклопедического знания» входит также национальное языковое сознание как важный инструмент дешифровки антропологического кода, включающего мотивационную сферу.

Если провести лингвистический анализ актуализации, например, немецких антропонимов, то возможность установления дополнительной информации субъектного плана увеличивается при обращении к особенностям немецкого языкового сознания как отражения национального менталитета. А.А. Мельникова, исследуя взаимосвязь структуры языка и националь-

ного менталитета, считает, что в языках с жестким порядком членов предложения происходит усиление ориентации на существующие нормативы поведения, в которых превалирует рациональное начало и стремление к логичности, завершенности, точности [Мельникова 2003].

Актуальным исследовательским пространством для декодирования скрытых смыслов можно назвать немецкоязычный дискурс, основанный на культурных концептах образа жизни, поведенческих стереотипах в соответствии с национальной ментальностью народа. Аргументационная сфера строится на базе устоявшихся духовных ценностей, формирующих немецкое языковое сознание.

(2) *Still, man still, du Quasselhans* (Strittmatter).

В данном высказывании порождение антропонима *Quasselhans* обусловлено речевым взаимодействием между не равными по социальному статусу коммуникативными партнерами, что следует из эллиптического предложения в функции приказа. Статусное различие можно идентифицировать по возрастному фактору и социально-бытовому (положение в семейной иерархии), поскольку антропоним свидетельствует о неформальных отношениях коммуникантов. Обращение исходит из интенций говорящего: требуется тишина. Поэтому каждое произнесенное слово рассматривается как препятствие для ее установления. В то же время выбор антропонимической номинации свидетельствует о доброжелательном и снисходительном отношении к референту, поскольку главный член композиты *Quasselhans* (болтун) включает в свой семантический объем сему «абстрактное лицо с особой склонностью к какому-либо действию», тогда как признак *Quasselei*, кроме указания на это действие, содержит коннотацию иронии. Контекст подтверждает выдвинутую гипотезу: бабушка, прислушиваясь к шагам в другой комнате, пытается опреде-

лить поведение бабушки, в то время как внук продолжает задавать вопросы.

Особенностью использованного антропонима является, с одной стороны, спорадичность, с другой стороны, соотносимость с национальным менталитетом, в котором ведущими концептами можно назвать "*Ordnung*" и "*Tradition*". По традиционно устоявшемуся порядку дети в немецкой патриархальной семье должны подчиняться старшему по возрасту и точно выполнять предписания, которые не могут быть изменены в соответствии с чувствами, эмоциями и ситуацией. При этом с раннего возраста ребенок воспитывается в духе самостоятельности и воспринимается как личность, способная иметь свои слабости, склонности, но и уметь отказаться от них в случае не соответствия оных общепринятым культурным нормам речевого поведения.

Рассмотрение субъектно-объектной составляющей дискурса включает в поле зрения фактор объекта речи как личности реципиента. В процессе коммуникации автор (в широком смысле слова) высказывания выступает активным деятельным началом, «движущей силой речетворчества» [Бахтин 1986: 123]. Тем не менее, главному субъекту, т. е. субъекту речи, по мнению А.В. Бондарко, присущ признак контролируемости (контролируемого, намеренного осуществления) действия [Бондарко 1996: 35-36].

Как известно, для успешной коммуникации необходимо сходство или сближение индивидуальных систем языка, т. е. общий дискурс должен опираться на единый языковой фонд коммуникантов, формирующий двухмодельный антропологический код (AK_1 и AK_2) с присущей каждому собственной смысловой картины, которая соответствует индивидуальным особенностям продуцента и реципиента. Принимая личность говорящего в качестве активного субъекта, следует учитывать, что его речевая деятельность находится под влиянием, т. к. личность адресата в коммуни-

кативной ситуации остается в постоянном фокусе для создания и сохранения успеха коммуникации. Опираясь на имеющиеся исследования и собственный анализ фактологии в плане формирования АК₂, мы ориентируемся на фактор как адресата, так и полиадресата, каковым является читатель произведения / текста.

(3) *'Ich weiss, dass ich fleissig arbeiten muss, um das Vertrauen Herrn Schraters zu erwerben, antwortete der kleine Filister gereizt durch die rebellische Gesinnung des Volontärs (1).*

'Eine tugendhafte Bemerkung,' spottete dieser, 'in wenigen Wochen werden Sie sehen, mein armer Junge, welch Ein himmelweiter Unterschied ist, zwischen dem Herrn des Geschäfts und den Leuten, welche seine Briefe Schreiben und sein Kunden abfertigen' (Freytag) (2).

Для данной коммуникативной ситуации релевантной является личность адресата (1), особенности которого обуславливают использование говорящим (2) метафорических средств, с одной стороны, для образной передачи мысли, чтобы человек ее правильно понял, с другой стороны, для выражения своего отношения к объекту речи (1). Интенции говорящего сосредоточены на неадекватном восприятии адресатом существующих реалий, поэтому все речевые действия направлены на демонстрацию такой неадекватности. Так, в качестве определения к ядерному по информативности существительному *Unterschied* используется метафора *himmelweit*, включающая в свой семантический потенциал сему пространственной беспредельности. Видимо, только таким образом можно

оказать прагматическое воздействие на слушающего, который характеризуется как «маленький человек», не способный ориентироваться в жизненных коллизиях. Поэтому метафорическое высказывание строится на противопоставлении величин «малый – большой». В этом и проявляется пассивное влияние адресата на способ формирования высказывания / текста, которые должны отвечать когнитивному потенциалу реципиента. Данный фактор может рассматриваться как один из формантов АК. В результате мы понимаем, что слушающий / читающий, несмотря на пассивность, является регулятором коммуникации, имеющим влияние на актуализационный потенциал высказывания. Речевое взаимодействие между коммуникантами обусловлено их отношением друг к другу по оси аксиологической ценности, а также в системе социальной значимости. Рассмотрение смысловой картины межсубъектного взаимодействия при дешифровке АК в оппозиции «автор – читатель» находится в аналогичной плоскости, включающей позиции коммуникантов в дифференциации по возрастному принципу, интеллектуальному, социальному, полоролевому. Анализ работ психолингвистического и семантикоцентрического направлений, а также фактологии дает возможность установить, что одним из факторов, способствующих декодированию смысловой картины антропологического кода, является мотивированность языковых знаков, обусловленная личностными свойствами говорящего.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Бахтин, М. М. Высказывание как единица речевого общения / М. М. Бахтин. // Эстетика словесного творчества. – М. : 1986. – 445 с.
3. Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семиотики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 219 с.
4. Жеребков, В. А. Стилистическая грамматика немецкого языка / В. А. Жеребков. – М. : «Высшая школа», 1988. – 222 с.
5. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
6. Кронгауз, М. А. Семантика: учебник для студентов лингв. фак. вузов / М. А. Гронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
7. Мельникова, А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб. : Речь, 2003. – 320 с.
8. Хантакова, В. М. Роль синонимических связей

- в организации дискурса / В. М. Хантакова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Межвузовский сборник статей. – Вып. 7. – Барнаул : Изд-во ААЭП, 2013. – С. 98–104.
9. [КК] Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева; 2-е изд., перераб. и доп. – ПБОЮЛ М. А. Захаров, 2001. – 496 с.
10. [ПС] Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. – 479 с.
11. [УСЛТ] Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 256 с.

УДК 8
ББК 80/84

А.М. Геращенко
Бийск

ИНТРОДУКТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ВСТАВНЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: вставной текст, «текст в тексте», интродуктивная структура, интертекстуальность, нарратив, повествование.

Key words: inserted text, “text in the text”, introductive structure, intertextuality, narrative, narration.

Вставные тексты – тексты «второго уровня», включенные в повествование, но отличающиеся от него по всем или некоторым из таких параметров как сюжет, жанр, авторство, язык, являются одним из распространенных приемов усложнения смысловой структуры произведений художественной литературы. Такого рода структуры включаются в состав различных композиционных частей произведения, являясь одной из форм проявления интертекстуальности.

Вводные тексты могут предварять повествование, выступая в качестве эпиграфов. В таком случае они способствуют определенному восприятию далее излагаемого, стимулируют деятельность читателя по предугадыванию содержания – возможно, прямо подсказывая, о чем пойдет речь. Наличие эпиграфов характерно, например, для детективных рассказов Э.А. По. В частности, один из них – “The Purloined Letter” – предваряется латинским изречением, приписанным Сенеке:

(1) *Nil sapientiae odiosius acumine nimio* (Рое, 161).

Этот эпиграф, который можно перевести как «Ничто мудрости так не ненавистно, как чрезмерная острота ума», от-

ражает основную мысль повествования, которое им вводится. По сюжету, коварный министр незаметно похитил письмо, содержащее сведения, компрометирующие некую даму, в результате чего смог ее шантажировать. Занявшийся этим делом префект полиции втайне от министра организовал в его резиденции тщательнейший обыск (в том числе с использованием микроскопа) на предмет поиска тайника с письмом, которое, несмотря на приложенные усилия, все же не было найдено. Префект обратился за консультацией к сыщику-любителю Огюсту Дюпену (главному герою серии рассказов Э. По), который в результате не только обнаружил искомое письмо, находившееся на видном месте (в сумочке для визитных карточек на самой середине каминной полки), но и смог его оттуда извлечь, а затем передать префекту (за солидное вознаграждение). После успешного завершения данной операции, Дюпен поведал о ней анонимному персонажу-рассказчику, отметив, в том числе, что причиной неудачи полицейских было то, что при поисках письма они руководствовались лишь своими собственными представлениями о хитроумии (“They consider only their own ideas of ingenuity...”

(Рое, 176)). Министр, предугадав возможные действия полиции, применил казалось бы ненадежный способ сокрытия похищенного им документа, что привело к безрезультатности чрезмерно изощренных поисков, предпринятых служителями правопорядка. Таким образом, в повествовании дается развернутый наглядный пример, подтверждающий идею, содержащуюся в эпиграфе.

Вставной текст может быть помещен автором непосредственно в ткань нарратива. Так поступает, например, Г.Д. Торо в книге "Walden, or Life in the Woods":

(2) *I read in the Gulistan, or Flower Garden, of Sheik Sadi of Shiraz, that "They asked a wise man, saying: Of the many celebrated trees which the Most High God has created lofty and umbrageous, they call none azad, or free, excepting the cypress, which bears no fruit; what mystery is there in this? He replied: Each has its appropriate produce, and appointed season, during the continuance of which it is fresh and blooming, and during their absence dry and withered; to neither of which states is the cypress exposed, being always flourishing; and of this nature are the azads, or religious independents. – Fix not thy heart on that which is transitory; for the Dijlah, or Tigris, will continue to flow through Bagdad after the race of caliphs is extinct: if thy hand has plenty, be liberal as the date tree; but if it affords nothing to give away, be an azad, or free man, like the cypress"* (Thoreau: URL).

Генри Торо не просто приводит цитату, но и указывает на ее источник. На данном примере видно, что способ внедрения в повествование «текста в тексте» может быть сходен с введением в него прямой речи.

Именно в прямую речь, а не непосредственно в повествование, может быть введен вставной текст. Персонаж может, например, прочесть стихотворение или изречь цитату. Такой «текст в тексте» по отношению к повествованию можно считать текстом даже не второго, а третьего уровня (в роли же своего рода «второго уровня»

текста будет выступать прямая речь персонажа). В качестве примера можно привести следующий фрагмент использования латинского изречения в речи одного из персонажей исторического романа А.К. Дойла "The White Company":

(3) *'Stint your bull's bellowing!' exclaimed the other. 'If it come to Horace, I have a line in my mind: **Loquaces si sapiat** – How doth it run? The English o't being that a man of sense should ever avoid a great talker. That being so, if all were men of sense, then thou wouldst be a lonesome man, coz.'* (Doyle, 84).

Данный персонаж – вступивший в философский диспут средневековый школяр – стремится показать своему оппоненту, что тоже сведущ в произведениях античных авторов, о чем открыто и заявляет. Здесь вставной текст способствует приданию повествованию аутентичности, являясь своего рода «признаком эпохи».

«Текст в тексте» может, как это видно из вышеприведенных примеров, встраиваться в ткань нарратива в своем полном объеме – особенно если таковой относительно невелик. Однако не всегда автор находит это необходимым. Вводный текст может перемежаться с речью автора или персонажей или вообще иметь форму фрагмента какого-либо более крупного по размерам произведения. Примером может послужить следующий фрагмент из указанного романа Конан Дойла:

(4) *Never did choice or dainty ditty of Provence or Languedoc sound more sweetly in the ears that did the rough-tongued Saxon to the six who strained their ears from the blazing keep:*

We'll drink all together

To the grey goose feather

And the land where the grey goose flew.

'Ha, by my hilt!' shouted Aylward, 'it is the dear old bow song of the Company' (Doyle, 271).

В данном случае фрагмент песни (полный текст которой приводится далее), слышимой шестью героями романа, держащим оборону в замке, осажденном многократно

превосходящими силами восставших французских крестьян, является первым сигналом о приближающейся помощи в лице английского военного отряда (чем объясняется и лестная характеристика, которой автор предваряет этот вводный текст).

Итак, исходя из места включения рассмотренной повествовательной структуры в нарратив, можно выделить: 1) вставные тексты, предваряющие повествование; 2) вставные тексты, включен-

ные непосредственно в повествование; 3) вставные тексты, включенные в речь персонажа. На основании же полноты представленности можно разделить вводные тексты на введенные в нарратив целиком и на включенные в него фрагментарно. При этом выбор каждой интродуктивной структуры мотивирован и оправдан авторским замыслом, играя важную роль в восприятии текста.

Список источников иллюстративного материала

1. Doyle, A. C. *The White Company* / A. C. Doyle. – Wordsworth Editions Limited, 1998. – 336 p.
2. Пое, Е. А. *Selected Tales: книга для чтения на английском языке* / Е. А. Пое. – СПб. : Антология, 2003. – 192 с.
3. Thoreau, H. D. *Walden, or Life in the Woods* / H. D. Thoreau [Электронный ресурс]. – URL: <http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/ThoWald.html>

УДК 811.11
ББК 1.432.1

Е.Н. Михайлова
Белгород

ФЕНОМЕН АРТИКЛЯ В РЕНЕССАНСНЫХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: артикль, грамматическая традиция французского Возрождения, греко-латинский канон грамматического описания, части речи, грамматические категории, парадигма артикля.

Key words: article, grammatical tradition of French renaissance, Greco-Latin canon of grammatical description, parts of speech, grammatical categories, article paradigm.

Эпоху Возрождения по праву называют важнейшим поворотным моментом в истории языкознания, поскольку именно в это время закладывались и утверждались основы европейских национальных лингвистических традиций и зарождались новые подходы к осмыслению и описанию языков мира. Во Франции, которая включилась в процесс массовой грамматизации в начале XVI в., к концу столетия было создано немало работ, отличавшихся оригинальным подходом к решению ключевых проблем знания о языке. Основой феномена грамматизации для французского языка, как и для других западноевропейских языков в то время стал латинский извод канонической модели, названный С. Ору

«латинской грамматикой предельно широкого диапазона», или «Большой Латинской Грамматикой» (*Grammaire Latine Etendue*) [Augoux 1992: 18-19].

При осмыслении строя французского языка гуманистам пришлось столкнуться с комплексом проблем, решение которых потребовало кардинального пересмотра традиционных принципов грамматического описания. С одной стороны, речь идет о невозможности механического переноса положений канона, сформулированных применительно к флективному языку, каким был латинский, на описание языка с аналитической системой, каким к тому времени стал французский. С другой стороны, постулаты канона и незыблемые

доселе догмы античной и средневековой научной мысли уже не отвечали новым принципам поиска истины, которыми руководствовались гуманисты при создании грамматик живых языков. Ярким примером, дающим представление о том, как происходило приложение постулатов канона к новому языковому материалу в период становления французской национальной грамматической традиции, является артикль – часть речи, получившая неоднозначное решение на страницах ранних французских грамматик.

В ренессансных трактовках артикля получила свое отражение оригинальность воззрений гуманистов на язык, поскольку применительно к данному классу слов традиционная схема латинской грамматики, на базе которой осуществлялась систематизация фактов французского языка в XVI в., была неприменима: в латинской системе частей речи и, соответственно, в канонических латинских грамматиках артикль отсутствовал. Примечательно и то, что система французского артикля ко времени появления первых описаний французского языка еще не до конца сформировалась. О ее незавершенности свидетельствует вариативность в употреблении форм партитивных и слитных артиклей, а также толерантность нормы применительно к другим артиклевым формам. Таким образом, в ренессансных грамматиках артикль дает поистине уникальную возможность проследить за процессом осмысления языкового явления, находившегося в динамике.

Обращение к грамматикам XVI в. показывает, что в них содержится немало интересных решений проблемы артикля. В своей совокупности эти решения представляют собой такую концепцию, главным отличительным признаком которой являются размытость и подвижность грамматической парадигматики, что проявляется в отсутствии целостного описания артикля в этих работах. Как правило,

сведения о французском артикле «рассеяны» по текстам грамматик: они получают свое отражение, во-первых, при описании разных частей речи: имени, предлога или артикля (разумеется, только в том случае, если артикль выделяется автором грамматики в самостоятельную часть речи); во-вторых, при рассмотрении различных категориальных признаков имени (т. е. на морфологическом уровне); в третьих, при описании именных словосочетаний (т. е. на синтаксическом уровне). При этом систематизация форм артиклей практически в каждой работе имеет свои отличительные особенности. В каждой грамматике (даже в компилятивных и элементарных грамматиках) дано оригинальное авторское видение феномена артикля.

По-своему отражает напряженность процесса осмысления артикля ренессансными грамматистами и представленная в грамматиках терминология. Артикли называются «частицами», «словечками», «синкategoriaльными окончаниями» (*particules, indices, terminus syncathegoricus*). Разнообразие терминов показывает, что решение проблемы артикля осуществлялось тогда в рамках общетеоретического вопроса о том, что есть «слово» как единица анализа и, соответственно, следует ли считать артикль самостоятельным словом или же его надлежит рассматривать как некий знак, назначение которого сводится к указанию на грамматические свойства имени. Вот несколько примеров. В трактате Р.Этьена артикль выделен в самостоятельную часть речи, тем не менее, его формы называются не иначе как «словечками» (*petits mots*) [Estienne 1556: 21-22]. П. де ла Раме, исходя из понимания частей речи как слов, наделенных прежде всего формальными признаками, рассматривает артикль как одну из разновидностей имени, ставя его в один ряд с существительными, прилагательными, числительными и местоимениями, отмеченными категориями рода, числа и падежа [Ramus 1572: 59].

Как слово, наделенное своим грамматическим значением, рассматривали артикль Ж. Пилло и Ж. Массе. Выделяя на этом основании артикль в самостоятельный класс слов, они особо подчеркивали его назначение в языке: детерминация рода, числа и падежа французского имени [Pillot 1550: 88, Masset 1625: 4].

Необходимость осмыслить феномен французского артикля поставила гуманистов перед решением таких проблем, как его происхождение, статус, границы, номенклатура, место в системе грамматического описания.

«Собственно артиклями» или «истинными артиклями» (*articles propres*) в грамматической традиции французского Возрождения принято было называть формы *le, la, les*, происхождение которых уже в то время прочно связывали с латинскими указательными местоимениями *ille, illa, illi*. Генетическая связь латинской и французской форм побуждала гуманистов ориентироваться в решении проблемы артикля на латинскую традицию. В то же время они видели, что в системе частей речи у Доната артикль отсутствовал. На помощь приходила александрийская традиция, сведения о которой черпались прежде всего из трактата Присциана, а также из работ Варрона, Квинтилиана и других римских авторов. Среди частей речи александрийцы выделяли член или артикль (*artron*) – склоняемую часть речи, служащую «для указания на предварительную известность, или то, что называется отнесением» [Kukenheim 1951: 21, Античные теории 1996: 140].

Единый источник и идентичность форм французских определенных артиклей и безударных местоимений дали основание таким авторам, как Л. Мегре и П. де ла Раме, рассматривать их как один тип слов и писать о том, что французские артикли иногда употребляются как местоимения. Такой интерпретации этих форм способствовало то, что в латинской (позднеан-

тичной и средневековой) грамматической традиции указательные местоимения иногда назывались артиклями, а их назначение ученые видели в указании на род, число, падеж существительных. Так, Донат называл местоимение *hic, haec, hoc* не только препозитивным или указательным, но и *артикулированным местоимением* (*pronomem articulare, praepositivum vel demonstrativum*) [Holz 1981: 225-227]. Таким образом, в силу общности функциональных или формальных признаков отдельные французские грамматисты включали в класс артиклей не только приглагольные объектные местоимения (*le, la, les*), но и разного рода детерминативы имени, например, указательные и притяжательные прилагательные (*ce, cette, mon, leur, etc.*).

Несомненный интерес с точки зрения возможных подходов к осмыслению артикля как феномена французской языковой реальности представляют формы *un, une, des*, называемые в современной теории формами *неопределенного артикля*. Анализ французских грамматик XVI в. показывает, что лингвистическое сознание эпохи Возрождения не объединяло их в единую парадигму. Формы единственного числа (*un, une*) трактовались гуманистами как числительные, форма множественного числа (*des*) – как предлог.

Отнесение форм *un, une* к количественным числительным было вызвано прежде всего тем, что французские гуманисты стремились подчеркивать естественную связь родного языка с латынью, а этимология данных форм была более чем прозрачна для всякого, кто имел представление даже об элементарном курсе латинской грамматики.

Другую причину именно такого подхода к интерпретации форм *un, une* мы видим в том, что в отличие от форм определенного артикля, грамматизация которого к XVI в. во французском языке уже закончилась, формы неопределенного артикля эту стадию своего развития к тому времени еще

не прошли, поэтому значение количественности или единичности, которое они в себе несли, в какой-то мере заслонило собой значение неопределенности. Тексты ренессансных грамматик дают немало примеров, подтверждающих этот последовательный путь построения парадигмы артикля во французской традиции вслед за построением ее в самой системе французского языка. Один из них – кодификация архаичных форм *uns, unes* в качестве производных от артиклем единственного числа со значением множественности в работах Дж. Пальсграва, Ж. Дю Веза, Ж. Дюбуа. Уже давно не употреблявшиеся в речи эти формы нашли свое место в самых первых французских грамматиках в силу того, что с их помощью эта парадигма могла получить симметричный, «уравновешенный» вид.

Обращает на себя внимание то, что большинство авторов французских грамматик обходит молчанием вопрос об определении природы форм *un, une*. В основном такой подход отличает работы первой половины XVI в. В работах конца века предпринимается попытка найти им новое место в системе именных форм. Так, А. Коши в повторных редакциях своей грамматики поднимает вопрос о них в связи с рассмотрением особенностей употребления французского артикля вообще. Он полагает, что они только используются как артикли, в связи с чем называет их «несобственно артиклями» и рассматривает как один из подклассов имени [Cauchie 1576: 49]. К аналогичному выводу приходят и Р. и А. Этьены, позднее – Ж. Массе, Ш. Мопа. В работе последнего формы *un, une* представлены как «несобственно артикли» (*articles inpropres*). Такую интерпретацию можно, на наш взгляд, рассматривать как один из этапов рождения той теории артикля, к которой представители французской научной традиции придут в XVII-XVIII вв.

Благодаря Ш. Мопа в грамматический обиход был введен еще один термин – «неопределенный артикль» (*article indefini*),

который, впрочем, не имеет ничего общего с тем, что сегодня принято под ним понимать. Для Мопа это формы *à* и *de*, называемые неопределенными артиклями на том основании, что они не способствуют определению рода и числа имен существительных, как это свойственно таким формам как *du, de la, au, à la*, непременным атрибутам падежной парадигмы [Maupas 1625: 5-11].

В рамках ренессансной традиции концепциям французских авторов в вопросе об идентификации форм неопределенного артикля противостоит точка зрения Дж. Пальсграва, который задолго до Ш. Мопа и авторов Нового времени признавал существование во французском языке двух типов артиклей: к первому он относил *le, la, les*, ко второму – *ung, une, ungz, unes* [Palsgrave 1852: XXIV]. Свою концепцию английский автор строил на базе не латинской, а греческой парадигмы грамматики (как известно, в его работе за образец взята грамматика Т. Газа). Кроме того, опираясь на данные узуса, он основывал свои наблюдения на сопоставлении французского языка с английским, где система артикля уже приняла свой законченный вид и где были представлены два типа артикля – определенный и неопределенный (*the* и *a, an* соответственно).

Столь различные подходы к решению одной лингвистической проблемы подтверждают известное положение о том, что осмысление и оценка одних и тех же языковых явлений зависят не только от объективных, но и от субъективных причин, таких, например, как способность индивида отойти от стереотипов мышления и по-новому интерпретировать хорошо известные факты или (как в данном случае) использовать в качестве точки отсчета иную систему координат. Новый подход к систематизации форм неопределенного артикля английским автором был предопределен тем, что в оценке фактов французского языка он исходил *извне*, рассматривая их сквозь призму своего родного

языка, в то время как французские грамматисты подходили к их трактовке *изнутри*. Как видим, весьма существенную роль в судьбе французской грамматики сыграл принцип языкового релятивизма, т. е. ориентир на модель другого языка.

В наибольшей степени многообразие решений предложено французскими грамматистами в связи с описанием форм партитивного и слитного артиклей. В подавляющем большинстве работ они рассматриваются в рамках падежной парадигмы, при этом даже предлоги *à* и *de* подчас трактуются как артикли (Ж. Дюбуа, Ж. Пилло, Р. Этьен, Ж. Гарнье). За пределы падежной парадигмы выносит эти формы один из новаторов французской грамматики Л. Мегре, что всецело обусловлено исключением категорий падежа и склонения из его грамматики. Однако высказывается он по поводу этих форм с определенной долей осторожности: «Вероятнее всего, *de*, *du*, *des* являются предлогами, а не артиклями» [Meigret 1550: 7, 21].

Более категоричен, хотя и не вполне последователен в своих суждениях П. де ла Раме, рассматривавший эти формы как предлоги, но не в разделе морфологии (этимологии), как большинство авторов эпохи, а в разделе синтаксиса: «Шесть предлогов – *à*, *au*, *aux*, *de*, *du*, *des* – охватывают всю сферу управления. *De* и *à* с артиклями и без артиклей, согласно предписанной необходимости, в ином случае совершенно без артикля» [Ramus 1572: 188]. Отношение Рамуса к предлогам *à* и *de* предельно ясно: он определяет их как слова без числа и рода, в связи с чем они не могут рассматриваться как класс слов наряду с именами и формами артикля. В то же время его атрибуция форм *au*, *aux*, *du*, *des* как предлогов не вполне вписывается в его концепцию частей речи, поскольку, обладая такими показателями как род и число, они должны были бы трактоваться как имена. С другой стороны, форма *les* указывает только на число, соответственно, исходя из определения имени

по Рамусу («имя – слово, имеющее число и род»), она к именам отнесена быть не может. Таким образом, концепция ученого о примате формы над содержанием применительно к теории артикля оказывается по-своему уязвимой.

Как видим, в описании артикля тесным образом оказались переплетены разные уровни грамматического анализа – категориальный и частеречный. В этом мы видим главную причину несовпадения номенклатур и границ данного класса слов в работах XVI в. Другая причина – выбор ведущего критерия для проводимой классификации форм. Дж. Пальсграв, увидевший во французском языке два типа артиклей, за основу своей классификации брал критерий детерминации. Французские авторы иначе подходили к решению этого вопроса, так как за основу брали или формальный, или функциональный критерии. Так, А. Коши делил все артикли на *прямые* и *косвенные* (*articuli recti et obliqui*) – с точки зрения падежной парадигмы это предложные и беспредложные формы. Иного рода парадигма артикля представлена в грамматике Ж. Массе, где все артикли делятся на так называемые *финитные* и *нефинитные* (*articles finis et infinis*): к первым относятся формы, по которым можно определить род и число существительного, ко вторым – предлоги *à* и *de*. Та же классификация, но в иной терминологии, дана в работе Ш. Мопя: это *определенные* и *неопределенные* артикли.

Какой бы разнообразной ни была терминология в сфере описания артикля, как бы ни перекраивалась падежная парадигма в этих работах, категория падежа сохраняла прочные позиции в системе грамматического описания французского имени в течение всего XVI в., хотя ни для кого из гуманистов не было тайной, что падежного словоизменения во французском языке нет. До недавнего времени именно сохранение падежной парадигмы вменялось авторам ренессансных грамматик

вину, и трактовалось оно не иначе, как их неспособность отойти от привычных стереотипов латинской грамматики. На наш взгляд, основной причиной сохранения падежной парадигмы в ренессансных работах было то, что без нее за рамками грамматического описания мог оказаться огромный пласт языкового материала.

Проведенный анализ показал, что осмысление феномена артикля лингвистическим сознанием эпохи Возрождения оказало существенное воздействие на решение кардинальных проблем грамматики. Нарушение строгой иерархии при описании частей речи, характерной для доренессансного периода развития грам-

матики, привело к тому, что посредством артикля было создано промежуточное звено между частеречным и категориальным уровнями грамматического анализа. В результате был создан прецедент для дальнейших изменений в системе грамматического описания, что привело к существенным преобразованиям канона. При этом многообразие точек зрения на феномен артикля в ренессансных описаниях французского языка свидетельствует об интенсивности процесса осмысления языковым сознанием эпохи нового языка-объекта, не имевшего аналога в греко-латинской традиции.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля. – СПб. : Алетей, 1996. – 363 с.
2. Auroux, S. (dir.). Histoire des idées linguistiques : Le développement de la grammaire occidentale / S. Auroux. – Liège : Mardaga, 1992. – 512 p.
3. Cauchie, A. (Caucius Antonius). Grammatica Gallica in tres libros distributa / A. Cauchie. – Antverpiae, apud Lucani Bellerum, 1576. – 298 p.
4. Estienne, R. Traicté de la Grammaire Française / R. Estienne. – Paris, ex off. R. Stephani, 1556. – 128 p.
5. Holz, L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical : Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IV-IX siècles) / L. Holz. – P. : Ed. SNRS, 1981. – 750 p.
6. Kukenheim, L. Contribution à l'histoire de la grammaire grecque, latine et hébraïque à l'époque de la Renaissance / L. Kukenheim. – Leiden : E. J. Brill, 1951. – 145 p.
7. Masset, J. Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Françoise (1606) / J. Masset. – Paris, chez David Dovcevr, 1625. – 32 p.
8. Maupas, Ch. Grammaire et Syntaxe Française (1607) / Ch. Maupas. – Paris, chez Adrian Bacot, 1625. – 360 p.
9. Meigret, L. Le tretté de la grammere françoëse / L. Meigret. – Paris, chez Chr. Wechel, 1550. – 172 p.
10. Palsgrave, J. L'eclaircissement de la langue françoise [= an introductorie for to lerne, to rede [sic], to pronounce and to speke [sic] French trewly] (1530) / J. Palsgrave. – Paris : Imprimerie Nationale, 1852. – 920 p.
11. Pillot, J. Gallicae linguae institution / J. Pillot. – Parisiis, apud Stephanus Groulotus, 1550. – 268 p.
12. Ramus, Grammaire / P. Ramus. – Paris, chez A. Wechel, 1572. – 229 p.

УДК 811.111
ББК 81.432.1

И.Н. Рассолова
Барнаул

НОМИНАЦИЯ И ИНДЕКСАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: восприятие, пространство, язык, лексические единицы.

Key words: perception, space, language, lexical units.

Каждый человек существует в пространстве и времени. Эти два фундаментальных понятия лежат в основе наших представлений об окружающей действительности. Пространство постигается в процессе непосредственного чувственного восприятия окружающего мира и задает

исходные ориентиры, на основе которых строится картина мира. Зрение дает человеку возможность оценить размеры окружающих предметов и их расположение относительно друг друга, а способность перемещаться в пространстве способствует его наилучшему освоению [Успенский

1994: 26]. Восприятие, концептуализация и представление в языке всего того, что существует в окружающей действительности, во многом определяются их пространственными характеристиками.

Историю развития представлений о пространстве обычно начинают с выделения двух концепций пространства. Согласно первой, пространство определяется как бесконечноеместилище тел, что соответствовало взгляду атомистов [Демокрит, Эпикур, Лукреций] на природу вещей: все сущее толковалось ими как совокупность бесконечного числа неизменных по форме и величине частиц – атомов, образующих при сцеплении друг с другом все многообразие тел природы. «Пустое» и «полное» – два теснейшим образом связанных понятия, поскольку атомы (абсолютно «полные») могут существовать и двигаться только в абсолютно «пустом» пространстве –местилище [Потемкин, Симанов 1990: 5].

Вторая концепция, отвергающая существование «пустого» пространства, была выдвинута Аристотелем. По его мнению, случайные сочетания частиц не могут обусловить все своеобразие и целостность вещей. Тела состоят из материи, однако движущимся, активным началом является форма. Пустота существовать не может, поскольку она – ничто, бестелесное начало, ни на что не действующее и не подвергающееся воздействию. Следовательно, пространство представляет собой совокупность мест, занимаемых телами.

В дальнейшем многие представления о пространстве основывались на этих двух концепциях, уходящих корнями в далекое прошлое. Например, И. Ньютон построил концепцию абсолютно пустого пространства. Абсолютное пустое пространство безотносительно к чему бы то ни было внешнему остается всегда одинаковым и неподвижным. Относительное пространство является его мерой, которая определяется чувствами человека положе-

нию его относительно некоторых тел и которое в обыденной жизни принимается за пространство неподвижное [Ньютон 1989: 30-31]. Абсолютное пространство И. Ньютона служило ареной динамики физических объектов. Мерой абсолютного пространства в данной концепции служит относительное пространство, которое может быть представлено как множество конкретных инерциальных систем отсчета, находящихся в относительном движении. Относительное пространство и время постигаемы органами чувств, поэтому их можно назвать эмпирическими. Абсолютные и эмпирические пространство и время во многом совпадают. Как отмечает И. Ньютон, «по виду и величине абсолютное и относительное пространства одинаковы» [Ньютон 1989: 30], что является вполне естественным, поскольку обе структуры относятся к одному макромиру и к макроизменениям его объектов [Ахундов 1978: 156]. Вплоть до конца 19 века физическая картина мира основывалась на данной концепции. Она была разрушена в начале 20 века в процессе развития теории относительности и квантовой механики. Построения И. Ньютона подверглись большой критике и со стороны Г.В. Лейбница, отвергающего существование «чистого» пространства «самого по себе», а, значит, и пустоты. Г.В. Лейбниц отстаивал идею зависимости пространства от духовных сил и характеризовал его как рядоположенность явлений или отношение их сосуществования [Лейбниц 1982: 430-528].

Таким образом, различие в понимании пространства по И. Ньютону и по Г.В. Лейбницу состоит в противопоставлении ньютоновского геометрического пространства, пространству, которое определяется «порядком сосуществования вещей» [Кравченко 1996: 5, Кубрякова 1997: 29, Топоров 1983: 228, Яковлева 1993: 48]. По И. Ньютону пространство рассматривается как «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не опре-

деляемое материальными объектами, в нем находящимися», по Г.В. Лейбницу пространство понимается как «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей» [Топоров 1983: 228]. Е.С. Яковлева отмечает, что пространство И. Ньютона отвлечено от фактора восприятия пространства человеком, а у Г.В. Лейбница пространство «одушевляется» присутствием человека, трактуется и «прочитывается» им. Пространство И. Ньютона принадлежит физике и геометрии; тогда как пространство Г.В. Лейбница относится скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать «наивной философии мира» [Яковлева 1993: 49]. Пространство в языке отличается от пространства в геометрии (физике) тем, что в нем есть возможность характеризовать объект в терминах «далеко/близко». В геометрическом пространстве местоположение объекта определяется в точных метрических терминах. Для носителей языка пространство неоднородно, его нельзя считать непрерывным, оно не является простымместищем объектов, а скорее, конституируется ими [Яковлева 1993: 50]. Подобное разграничение позволяет говорить о реальном, концептуальном и перцептуальном видах пространства. Реальное пространство является совокупностью определенных свойств и отношений материальных объектов и процессов [Хасанов 1966: 63-64]. Реальное пространство абсолютно, что выражается в его всеобщности. В то же время зависимость пространственных характеристик от конкретности объекта и его качественно-количественных характеристик ведет к относительности пространства. Важнейшими признаками пространства также являются его протяженность и трехмерность, симметрия, количественная и качественная бесконечность [Ярская-Смирнова 1969: 35-42]. Реальное пространство (по И. Ньютону) относится к сфере объек-

тивно-реального внешнего мира, перцептуальное (от лат. *perceptio* – восприятие, непосредственное отражение объективной действительности органами чувств) пространство относится к сфере восприятия окружающего мира отдельным индивидом. Концептуальное пространство представляет собой способ познания и описания существующего мира, поэтому, по своему объему оно шире реального физического пространства. Умозрительное концептуальное пространство – это своего рода абстракция, позволяющая строить лингвистические и другие модели, в которых пространственные характеристики являются способом представления объекта. Как отмечают Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова, «человек живет и функционирует не только в пространстве и времени реального, физического, социального мира, а еще в своих личных индивидуальных пространстве и времени, зависимых от него, или же обусловленных, без него невозможных, но объективно реальных так же, как объективно реально существует сам субъект» [Брагина, Доброхотова 1981: 149]. Перцептуальное пространство интуитивно знакомо каждому человеку, с ним он имеет дело в обыденном опыте. В реальном пространстве размещены объекты внешнего мира, тогда как в перцептуальном пространстве локализованы ощущения, восприятия, воспоминания, фантазии и другие акты сознания. Особенности перцепции можно проиллюстрировать с помощью следующего четверостишия:

(1) *To see a World in a Grain of Sand,
And a Heaven in a Wild Flower:
Hold Infinity in the palm of your hand,
And Eternity in an hour* (Blake, 47).

Основная идея данного стихотворения подтверждает гипотезу о том, что в формировании перцептуального пространства важную роль играет не только внешнее наблюдение, но и внутреннее, основанное на мысленном возникновении образов и ассоциаций.

В восприятии пространства и в пространственной ориентации центральной фигурой является человек как субъект восприятия. Важными параметрами считаются условия его психофизической организации: вертикальное положение и органы чувственного восприятия. Система координат субъекта восприятия состоит из трех плоскостей и трех пар направлений: вертикальной плоскости, проходящей через центр тела, с направлениями «направо» – «налево», вертикальной плоскости с направлениями «вперед» – «назад» и горизонтальной плоскости с направлениями «вверх» – «вниз». Использование такой системы координат позволяет человеку воспринимать находящиеся в пространстве предметы как расположенные справа или слева, спереди или сзади, вверху или внизу от него [Clark 1973: 33-34, Fillmore 1982: 36-37, Hill 1982, Miller, Johnson-Laird 1976: 395]. Очевидно, что совместная работа зрительного, вестибулярного и кинестетического анализаторов позволяет правильно отражать пространственные отношения [Меринг 1975: 125]. Важнейшими аспектами восприятия пространства являются следующие:

– зрительный аспект, поскольку с помощью органов зрения человек получает около 90% информации о мире:

(2) *Lily shielded her eyes against the sun. There was nothing before her except smooth flat water, bending at the skyline, to the right* (Freud, 27).

– цвет пространства и его заполнителей:

(3) *Autumn's turning miserable, rotting and foggy. The next field along from our sports field was burnt flapjack brown. The field after that was the colour paintbrush water goes* (Mitchell, 252).

Для субъекта восприятия имеет значение цвет полей осенью, для наиболее полного описания которого он прибегает к образному сравнению, позволяющему сопоставить цвет одного поля с блинчиком (*burnt flapjack brown*), а другого с водой, в

которой моют кисточки при рисовании (*the colour paintbrush water goes*).

– освещённость пространства и его заполнителей:

(4) *On the cold, dark train, Klaus wrote to Elsa in 1932 ...* (Freud, 36).

– обонятельное восприятие пространства:

(5) *Dad's office smells of pound notes* (Mitchell, 1).

– акустическое восприятие пространства:

(6) *School corridors're sort of sinister during classtime. The noisiest spaces're now the silentest. Like a neutron bomb's vaporized human life but left all the buildings standing. These drowned voices you hear aren't coming from classrooms, but through the partitions between life and death* (Mitchell, 266).

– осязательное восприятие пространства:

(7) *Sometimes Max climbed the ladder all night long, his hands folding over each rung ...* (Freud, 131).

– характеристика объектов, заполняющих пространство:

(8) *Our house is bags emptier with Julia gone. Her and Mum drove up to Edinburgh two weeks ago. She'd spent the second half of the summer with Ewan's family in the Norfolk Broads, so you'd think I'd've had time to get used to sisterlessness. But it's not just the person who fills a house, it's their **I'll be back later!'s**, their toothbrushes and not-being-used-right-now hats and coats, their belongingsnesses. Can't believe I miss my sister this much, but I do* (Mitchell, 276).

Повествователь сообщает о том, что дом заполняют не только предметы, но и само присутствие человека как частички, принадлежащей единице более высокого уровня (семье), его слова словно приобретают форму и становятся материальными. Интересно употребление слова *bags* в сравнительной конструкции *The house is bags emptier*, свидетельствующее о том, что предметы, которыми пользовалась сестра рассказчика, и которые более не заполняют данное пространство, говорят об её отсутствии.

– наличие/отсутствие преград при восприятии пространства:

(9) *The people live and die in the valley. They are locked away from the world by mountains: by the green moss-forests and the high blue peaks. Time has stopped here. Isolated, they have known no influences, learned no skills. They know only the cycle of a man's life: birth, and maturity, and death* (Lively, 27).

Перцептуальное пространство жителей долины со всех сторон ограничено горами, что оказывает значительное влияние на образ их жизни, мировосприятия и мышления. Время представляется застывшим, а жизнь человека – состоящей из трех циклов: рождения, зрелости и смерти. Как показывает данный пример, особенности восприятия пространства влияют и на восприятие времени, что подтверждает предположение о неразрывности пространственно-временного континуума.

– динамичность/статичность пространства и объектов внутри него:

(10) *Houses like this have stood and watched the processes of change. People swept by the current, go with it: they grow, learn, forget, laugh and cry, replace their skin every seven years, lose teeth, form opinions, become bald, love, hate, argue and reflect. Bricks, roofs, windows and doors are immutable. Before them have passed carriages, and the carriages have given way to bicycles and the bicycles to the cars that line up now, bumper to shining bumper, along the pavement* (Lively, 5).

В данном отрывке дома представляют собой статичное пространство, а люди и транспортные средства обладают признаками динамичности, так как они меняются с течением времени.

Различные пространственные выражения, используемые для номинации или индексации пространственных отношений, делятся на локутивные и директивные. Характер пространственного выражения определяется его составляющими. Локутивные выражения обязательно име-

ют в своём составе локационный элемент, например,

(11) *Max stood in his narrow hallway* (Freud, 13).

Директивные выражения имеют один или несколько следующих элементов в своём составе: цель, источник, путь:

(12) *Lily rushed to the window expecting to see a fight ...* (Freud, 5)

Пространственные локализации могут выражаться в языке с помощью временных понятий, например,

(13) *Mum and Julia left first thing 'cause Scotland's a **day away by car*** (Mitchell, 276).

(14) *Panama City Beach was **three hours away*** (Grisham, 455).

(15) *The **four minutes to his home** felt endless now* (Patterson, 254).

Языковые средства с временной семантикой, такие как день, час, минута, употребляются для обозначения местоположения объектов в пространстве. Пространственные отношения в отличие от временных не выходят на уровень грамматизации (формализации) в английском языке, поэтому выражаются морфологически, при помощи различных частей речи. Некоторые словообразовательные элементы также имеют пространственное значение, среди них можно выделить приставки *inter-* 'between, among a group' (*intercity roads, intercontinental trade*), *trans-* 'between' (*transatlantic, transcontinental*), *under-* 'inner, beneath others' (*undercurrent, undergarments*), *sub-* 'under, below' (*subsoil, subway*); суффиксы *-wards* 'towards the stated direction or place' (*northwards, earthwards*), *-dom* 'an area ruled by a king' (*kingdom*), *-ery* 'a place where the stated thing lives or is done, made or sold' (*rookery, bakery, refinery*), *-ful* 'a place or space filled with people or things' (*shelf-ful of books, roomful of people*) [LDELС 1998: 1561-1568]. Однако преимущественно пространственные показатели выражаются в языке с помощью лексических единиц, которые называют или указывают на различные

свойства и параметры пространства и могут быть представлены с помощью следующих оппозиций:

- вертикальное/горизонтальное пространство;
- точечное/линейное пространство;
- плоскостное/объёмное пространство;
- закрытое/открытое пространство.

При восприятии окружающей действительности человек, прежде всего, определяет верх/низ и вертикаль/горизонталь расположения предметов в пространстве, поскольку, по-видимому, именно эти параметры являются для него ключевыми. Оппозиция вертикальное/горизонтальное пространство включает в себя оппозицию верх/низ.

(16) *The lawn was rich and wide* (Freud, 2).

(17) *The picture must have been taken from a boat. The sea, the shore, the sky, all turned to molten gold* (Freud, 25).

В данных предложениях горизонтальным, плоскостным пространством можно считать газон, море, берег. В большинстве случаев номинация пространства осуществляется при помощи существительных, среди которых можно выделить слова обобщенно-пространственной семантики (*space, place, direction*) и слова с конкретно-пространственным значением, которые В.Л. Ибрагимова делит на следующие группы:

- обозначения ландшафтных элементов (*woods, field, sea*);
- обозначения населенных пунктов и их частей (*city, village, street*);
- обозначения сторон света (*north, south, east, west*);
- обозначения пути перемещения (*road, path*);
- обозначения помещений, построек (*house, telephone booth, shed*);
- обозначения предметов и приспособлений для осуществления какой-либо деятельности (*bed, table, chair*);

- названия вместительных, ёмкостей, транспортных средств (*box, bottle, car, train*) [Ибрагимова 1986: 70].

В примерах (16), (17) слова *lawn, sea, shore, sky* являются существительными с конкретно-пространственным значением и обозначают ландшафтные объекты. Как море, так и небо представляют собой открытые, безграничные пространства.

Обратимся к рассмотрению примеров вертикального пространства:

(18) *Lily stood for a long time in the phone box, her nose pressed against the pane* (Freud, 6).

(19) *Instead he drew a miniature version of the house. An arched front door, double-height windows and a steeped roof ...* (Freud, 11).

Существительные *phone box, house* также имеют конкретно-пространственное значение и называют помещения для жилья или какой-либо иной деятельности. В предложениях (18), (19) телефонная будка и дом являются вертикальными, объёмными, закрытыми видами пространства.

Рассмотрим еще один пример, в котором рассказчик повествует о различных видах пространства, которые он воспринимает как комнаты.

(20) *Once again, the butler led me to the solarium. (I looked 'solarium' up. It just means 'an airy room'.) The sequence of doors we passed made me think of all the rooms of my past and future. The hospital ward I was born in, classrooms, tents, churches, offices, hotels, museums, nursing homes, the room I'll die in. (Has it been built yet?) Cars're rooms. So are woods. Skies are ceilings. Distances're walls. Wombs're rooms made of mothers. Graves're rooms made of soil* (Mitchell, 191).

В словаре существительное *room* определяется следующим образом 'an area within a building enclosed by a floor, a ceiling, and walls or partitions' [MED 2006: 1233]. Из дефиниции следует, что существительное "room" определяет закрытое со всех сторон пространство. В данном случае происходит переосмысление и метафоризация пространственных признаков. Интерес

представляет сравнение леса с комнатой, а расстояний – со стенами, что позволяет четко очертить границы пространства и подчеркивает его закрытый характер.

Что касается позиционных глаголов, то глагол *to lie* является горизонтально-ориентированным, а глагол *to stand* вертикально-ориентированным:

(21) *That night he lay awake in the quiet of his room* (Freud, 132).

(22) *Lily locked the door and stood with her back pressed hard against it* (Freud, 129).

Объекты перемещаются в пространстве, как по горизонтальной, так и по вертикальной оси.

(23) *The lady with the torch'd be going **up** and **down** the aisles putting popcorn cones and Fruit Gum boxes and empty Malteser bags into a bin bag* (Mitchell, 227).

(24) *Joke is, once you get it into your brain about that hidden step, and think Hey, life isn't such a shit-house after all again, then **BUMP! Down** you go, a whole flight of hidden steps* (Mitchell, 266).

В данном примере вертикально-ориентированными являются наречия *up* и *down* и междометие *bump*, предполагающие движение сверху вниз.

(25) *A sky-blue VW Jetta **was crawling along** the kerb* (Mitchell, 18).

Горизонтально-ориентированное движение объекта, в данном случае машины, передается с помощью глагола *to crawl* 'to move slowly with the body close to the ground' [LDELС 1998: 302] и предлога *along* 'from one end to the other; in a line in the direction of the length of' [LDELС 1998: 32]. Приведенная дефиниция свидетельствует о том, что семантическая структура предлога *along* имеет сему [линейность], то же самое можно сказать и о предлоге *across* 'moving from one side to the other' [LDELС 1998: 10].

(26) *Composers spent half their lives walking across Germany to work for different archbishops and archdukes* (Mitchell, 265).

Точечное нахождение субъекта в про-

странстве можно проиллюстрировать с помощью следующего примера:

(27) *I met your mother at the art exhibition last year, in the village hall* (Mitchell, 208).

В данном случае выбранная в пространстве точка обозначена с помощью предлогов *at* и *in* в сочетании с существительными с пространственным значением.

На такой параметр, как объем, указывают предлоги *through*, *in*, *into*, *within*; наречия *inside/outside*:

(28) *Inside was colder than outside* (Mitchell, 22).

(29) *We crossed the crossroads by the Black Swan and went into the woods* (Mitchell, 5).

Вышеназванные языковые средства указывают на то, что субъект находится внутри или вне какого-либо пространства или движется по направлению к нему.

Таким образом, проведенный краткий обзор теории вопроса и языковых примеров номинации и индексации пространственных отношений в языке позволяет сделать следующие выводы:

1. Восприятие пространства может быть зрительным, акустическим, обонятельным, осязательным. Большую роль играет цветовая окраска, освещенность, статическая/динамическая характеристика пространства и заполняющих его объектов, а также наличие/отсутствие преград при восприятии пространства.

2. Индексация пространственных отношений предполагает выражение языковыми средствами того, как человек воспринимает свое положение или положение какого-либо объекта в пространстве. Отсчет пространства ведется от субъекта восприятия, и все окружающие объекты располагаются относительно него как близкие/далекие, расположенные спереди/сзади, справа/слева, сверху/внизу, а также внутри/снаружи какого-либо замкнутого пространства.

3. Воспринятая и осмысленная индивидом информация о реальном, физическом пространстве находит отражение в

языке. Морфологические языковые средства служат для номинации и индексации таких пространственных параметров, как вертикаль/горизонталь, точечность/линейность, плоскостность/объёмность, закрытость/открытость.

Библиографический список

1. Ахундов, М. Д. Пространство и время в структуре физической теории / М. Д. Ахундов // Вопросы философии. – 1978. – № 5. – С. 153–163.
2. Брагина, Н. Н., Доброхотова, Т. А. Функциональные асимметрии человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1981. – 288 с.
3. Ибрагимова, В. Л. Отражение в языке категории пространства / В. Л. Ибрагимова // Исследования по семантике: семантика слова и фразеологизма. – Уфа: Изд-во БГУ, 1986. – С. 18–26.
4. Кравченко, А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А. В. Кравченко // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 1996. – № 3. – Т. 55. – С. 3–24.
5. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1997. – № 3. – Т. 56. – С. 22–31.
6. Лейбниц, Г. В. Сочинения: В 4-х томах. / Г. В. Лейбниц. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
7. Меринг, Т. А. О различных формах отражения времени мозгом / Т. А. Меринг // Вопросы философии. – 1975. – № 7. – С. 119–127.
8. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон; пер. с латин. А.Н. Крылова. – М.: Наука, 1989. – 690 с.
9. Потемкин, В. К., Симанов, А. Л. Пространство в структуре мира / В. К. Потемкин, А. Л. Симанов; отв. ред. А. Г. Москаленко. – Новосибирск: Наука, 1990. – 176 с.
10. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.
11. Успенский, Б. А. Избранные труды / Б. А. Успенский. – Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 430 с.
12. Хасанов, И. А. Две концепции пространства и времени / И. А. Хасанов // Вопросы философии. – 1966. – № 2. – С. 59–67.
13. Яковлева, Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 45–55.
14. Ярская-Смирнова, В. Н. Время и пространство / В. Н. Ярская-Смирнова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969. – 48 с.
15. Clark, H. H. Space, Time, Semantics, and the Child / H. H. Clark // Cognitive Development and the Acquisition of the Language. – New York and London: Academic Press, 1973. – P. 27–63.
16. Fillmore, Ch. J. Towards a Descriptive Framework for Spatial Deixis / Ch. J. Fillmore // Speech, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics. – Chichester. New York. Brisbane. Toronto. Singapore, 1982. – P. 31–59.
17. Hill, C. A. Up/down, front/back, left/right. A Contrastive Study of Hausa and English / C. A. Hill // Linguistic Studies on Deixis and Demonstration. Here and There. – Amsterdam: John Benjamins, 1982. – P. 13–42.
18. Miller, G. A., Johnson-Laird, Ph. N. Language and Perception / G. A. Miller, Ph. N. Johnson-Laird. – Cambridge, 1976. – 760 p.
19. [LDEL] Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 1998. – 1568 p.
20. [MED] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Malaysia, 2006. – 1692 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Blake, W. Auguries of Innocence / W. Blake // In the Realm of Beauty. – М., 1967. – 320 p.
2. Freud, E. The Sea House / E. Freud. – Penguin Books, 2004. – 277 p.
3. Grisham, J. The Pelican Brief / J. Grisham. – New York: Island Books, Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1993. – 436 p.
4. Lively, P. The House in Norham Gardens / P. Lively. – Jane Nissen Books, 2004. – 154 p.
5. Mitchell, D. Black Swan Green / D. Mitchell. – Sceptre, 2006. – 373 p.
6. Patterson, R. N. Silent Witness / R. N. Patterson. – Arrow Books, 1997. – 568 p.

УДК 811.111
ББК 81.43Англ-3

Н.В. Сергиенко
Барнаул

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Ключевые слова: неопределённость, интонация, восходящий тон, темп речи, растягивание звуков.

Key words: indefiniteness, intonation, rising tone, speech tempo, sound stretching.

Неопределенность представляет собой понятие, характеризующее познаваемый объект с позиции его восприятия индивидом (и социумом) и вместе с понятием определённости составляет оппозицию в рамках категории детерминации. Неопределённым может быть объект, признак, явление, ситуация, т. е. индивид воспринимает объект, признак, явление, ситуацию как неопределённые. С позиции прагматического подхода понятие «неопределённый» можно трактовать как: неизвестный, неидентифицируемый, не входящий в фон знания актантов коммуникации, недифференцируемый, равновозможный, удалённый. Значения неопределённости актуализируются посредством разноплановых и разноуровневых единиц.

В рамках данной статьи рассматривается вопрос о выражении смыслов неопределённости посредством фонетических средств: интонации (мелодики речи), темпа речи и растягивания звуков.

Интонация является одним из основных фонетических средств выражения семантики неопределенности в английском языке.

В каждом языке интонация служит для внешнего оформления высказывания, речи в целом. «В высказывании интонация выполняет следующие функции: различает коммуникативные типы высказывания, побуждение, вопрос, восклицание, повествование, импликацию (подразумевание); различает части высказывания соответственно их смысловой важности, выделенности; оформляет высказывание

в единое целое, одновременно расчленяя его на ритмические группы и синтагмы; выражает конкретные эмоции; вскрывает подтекст высказывания; характеризует говорящего и ситуацию общения» [ЛЭС 1990: 197-198].

Любой язык уникален не только в содержательном плане, но также и выразительном, он характеризуется особой, характерной, типичной лишь для него, отличающейся от других языков, интонацией. Английский язык – аналитичен по своей природе, поэтому интонация играет очень важную роль. Повышение или понижение голоса в определённом месте высказывания акцентирует внимание слушающего не только на содержании, но и на цели высказывания. Для интонации английского языка характерны два основных тона: нисходящий и восходящий.

В английском языке нисходящий тон представляет собой постепенное понижение тона голоса на ударных слогах. На последнем ударном слоге голос довольно резко опускается вниз. Нисходящий тон – это тон утверждения, законченности, категоричности, определённости. Восходящий тон – это тон неуверенности, незаконченности, сомнения, неопределённости. С восходящим тоном обычно произносятся общие вопросы, начинающиеся со вспомогательных, модальных глаголов и глаголов-связок и требующих ответов «да» или «нет»; вторая часть разделительного вопроса, если спрашивающий выражает желание получить какую-либо дополнительную информацию, так как он не уверен в

правильности сведений в первой части вопроса; первая часть альтернативных вопросов; повелительные предложения, выражающие вежливую просьбу и т. д.

Исходя из определений очевидно, что в рамках данной статьи внимание сосредоточивается на восходящем тоне, т. к. именно этот тон используется в ситуации неопределённости.

Приведем следующие примеры, взятые из художественных фильмов, в которых имеются разделительный и альтернативный вопросы:

(1) – *She was asking after you, Marcus.*

– *That's nice of her.*

– *Listen, you know this has nothing to do with you, don't you?* (Weitz)

(2) *What family have you got: a small or a big one?* (Agresti)

В приведенных примерах выделенная часть высказывания произносится с восходящим тоном, т. к. говорящий не имеет необходимой информации об обсуждаемом предмете и желает уточнить её. Таким образом, разделительный и альтернативный вопросы используются в тех случаях, когда говорящий не обладает достаточным знанием, когда объект, признак, явление или ситуация являются неопределёнными для него, и, задавая такие типы вопросов, ожидает получить определённый ответ на интересующую его тему.

Общие вопросы, начинающиеся со вспомогательных, модальных глаголов и глаголов-связок, произносятся также с восходящим тоном и используются в ситуациях коммуникации, когда нечто неопределённо для одного коммуниканта и он запрашивает информацию об этом у другого.

(3) *Do you need some company, Mrs. Adler? Could we eat at the bar?* (Meyers, 12)

В данном примере говорящий (бывший муж мисис Адлер) желает составить ей компанию, однако, осознаёт то положение, в котором он находится, являясь просто *бывшим*. Он переживает новый виток чувств к мисис Адлер, но он не уверен от-

ветит ли она взаимностью, возможны ли новые отношения. Всю ситуацию можно определить как неоднозначную, неопределённую. Исходя из этого, говорящий выстраивает своё языковое поведение, и в высказывании используется интонационная модель: восходящий тон.

Английский восходящий тон может иметь несколько разновидностей. Так, низкий и средний восходящий тоны могут употребляться для передачи значения незаконченности, незавершённости, отсутствия категоричности. Низкий и средний восходящий тоны в диалогической речи является сигналом того, что следует продолжение, что процесс коммуникации не закончен, что нечто, о чём говорится, является ещё не понятным, неясным, неопределённым. Низкий и средний восходящий тоны чаще всего употребляются в незаконченных частях высказывания, например, в предложениях с перечислением, переспросах. Уровень начала повышения голоса при произнесении высокого восходящего тона зависит от коммуникативного типа предложения, в котором он употребляется, и от интенций говорящего. С точки зрения передачи значений неопределённости высокий восходящий тон используется в вопросах-переспросах, в утвердительных предложениях, которые звучат больше как вопросы, нежели утверждения.

Под темпом речи понимают среднюю скорость речи на протяжении определённого отрезка речи. Темп измеряется либо количеством слогов (звуков), произнесённых в секунду, либо измерением среднеслоговой длительности отрезка в сотых или тысячных секунды (миллисекунды). Темп речи во многом зависит от обсуждаемой темы (насколько она хорошо знакома, известна, определённа для говорящего), количества языковых клише, употребляемых говорящим (темп возрастает с возрастанием количества клише), количества времени, отведенного говорящему (при сокращенном времени темп речи

возрастает), чувства времени говорящего и длительности речевого отрезка. Темп имеет важное значение, наряду с другими компонентами интонации, в передаче информации. При помощи темпа выделяются наиболее существенные участки высказывания.

Темп играет немаловажную роль в передаче значений определенности/неопределенности в высказывании. Выражение неопределенности характеризуется отклонением темпа в сторону замедления. Однако определенность связана с различной степенью ускорения темпа речи [Антипова 1979: 107-109].

Рассмотрим примеры, в которых темп речи является одним из средств передачи неопределенности говорящим.

(4) – *So what do you do?*

– *Well, --- I'm sort of --- taking a bit of time off --- at the moment.*

– *Time off from what?*

– *To be absolutely honest, --- time off --- from time off, in fact. (Weitz)*

(5) – *Is she gonna marry him?*

– *What do you think?*

– *I --- don't --- know... He is --- kind of --- old... (Agresti)*

В данных ситуациях общения мы видим, что один из собеседников использует замедленный темп речи в своих высказываниях, поскольку он озадачен и смущен поставленным перед ним вопросом и с помощью такого темпа речи выражает неуверенность и неопределенность относительно своей позиции в данном разговоре. При этом речевая ситуация становится более эмоциональной, и следовательно проверяется такой фактор, как умение говорящего четко выражать свои мысли и не испытывать затруднений в разговоре, когда затрагиваются наиболее важные и откровенные темы.

Темп речи играет немаловажную роль в передаче неопределенности и неуверенности в высказываемом. Замедленный темп показывает, насколько говорящий не

готов к выражению своей мысли или своей точки зрения, насколько он не уверен в том, что хочет высказать, или что мысль ещё не сформирована, понятие не идентифицировано, ситуация неясна, неопределённая. Также замедленный темп речи может указывать на то, что говорящий колеблется в выборе слова или конструкции.

Следующим средством выражения семантики неопределенности является растягивание звуков. Когда человек находится в замешательстве и не знает, что сказать, когда ситуация или явление для него неопределённые, он растягивает звуки типа *hmmm*, *mm* и т. д.

Рассмотрим следующие примеры:

(6) *'Shall I come back in a couple of minutes?' said Marcus.*

'Ummmm...' (Weitz)

(7) – *You have a girlfriend?*

– *Nnnooo...Nnnooo...*

– *What is that? You hesitated!* (Agresti)

В подобных ситуациях мы можем заметить, что говорящий находится в замешательстве, он не знает, что ответить на поставленный вопрос, он озадачен и старается подобрать наиболее подходящие слова в конкретной ситуации общения. Говорящий использует междометие “*um*” неопределенного значения или местоимение “*no*”, при этом растягивая звук, тем самым оттягивая тот момент, когда нужно будет дать четкий ответ на поставленный вопрос.

Растягивание звуков и междометий указывает на неопределенность знания говорящего, его неуверенность в высказываемом, некоторую растерянность, озадаченность происходящим. Следует отметить, что растягивание звуков и междометий является наиболее выгодным средством для того, чтобы не создавать каких-либо пауз в общении, тем самым не нарушая коммуникацию между собеседниками.

Таким образом, значения неопределенности в системе языка могут выражать-

ся различными языковыми средствами, включая и фонетические средства, такие как интонация (мелодика речи), растягивание звуков и различный темп речи.

Библиографический список

1. Антипова, А. М. Система английской речевой интонации / А. М. Антипова – М.: Высшая школа, 1979. – 131 с.
2. [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева, Н. Д. Арутюнова, В. А. Виноградов и др. – Москва, Советская энциклопедия, 1990. – 674 с.

Список источников иллюстративного материала (видео материалы)

1. About a Boy. Weitz C. – Universal, 2002.
2. The Lake House. Agresti A. – Warner Brothers, 2006.
3. It's Complicated. Meyers N. – Universal Pictures, 2009.

УДК 32.019.5 + 808

ББК 66.0 + 81

С.Е. Соколов

Бийск

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: политическая коммуникация, каналы коммуникации, источники коммуникации, дискурс, аргументация.

Key words: political communication, communication channels, communication sources, discourse, argumentation.

Обмен информацией посредством речи, жестов и разнообразных символических форм ведет свой отсчет от возникновения человеческого общества. Коммуникация, функционирующая как инструмент политического воздействия, использовалась и осмысливалась уже в глубокой древности.

Первые исследования пропаганды в период Первой мировой войны послужили началом изучения политической коммуникации в развитых странах, которое во второй половине XX в. развилось в самостоятельное научное направление [Ирхин 2002: 306-307].

Сопоставляя подходы к определению термина «политическая коммуникация», М.Н. Грачев замечает, что сущностную сторону политико-коммуникационных процессов составляют «передача, перемещение, оборот семантически значимой в политическом контексте информации – тех сведений, которыми в процессе конкретной общественно-практической деятельности обмениваются (собирают, хранят, перерабатывают, распространяют

и используют) «источники» и «потребители» – взаимодействующие в обществе индивиды, общности, институты». Под «значимой в политическом контексте информацией», очевидно, следует понимать ту совокупность сообщений, которые влияют на положение политических акторов в процессе их общественно-практической деятельности, а именно – в процессе борьбы за власть, ее удержания или использования [Грачев 2004: 73-74].

Политически значимая информация может распространяться с помощью разных каналов. Критерий источника информационного воздействия позволяет выделить четыре основных разновидности каналов: официальный, персональный, опосредованный и анонимный. Два первых канала передают информационные потоки непосредственно от адресантов (в случае официального канала – это политические организации и учреждения, а персонального – конкретные участники политических событий), причем необходимо понимать, что адресант сообщений

необязательно является его полноценным автором (поскольку большую роль в политике играют специалисты, занимающиеся составлением речей, имеет место редакция в целях поддержания имиджа политических сил или отдельного политика и т. д.). Информация, передаваемая через названные каналы, очевидно, нередко несет в себе характерные речевые особенности, отличающие дискурс той или иной политической стороны. Название опосредованного канала предполагает наличие посредников – это могут быть СМИ, научно-исследовательские и социологические центры, а также другие свидетели и интерпретаторы политических событий. Опосредованный канал предполагает наличие конкретного, достоверно известного источника, в отличие от канала анонимного, проводящего основанную на слухах информацию, которая получает распространение в печати и других СМИ [Пушкарева 1995: 51-53].

Политическая коммуникация имеет преимущественно институциональный характер, в этой связи справедливо будет говорить о передаче информации между представителем одного социального института (правительства, парламента и т. д.) и представителем другого социального института, или же «гражданином», «избирателем». Для каждого института свойственно существование определенного стандарта поведения (и речевого в том числе), который будет соблюдаться (в большей или меньшей степени) его представителями. Перенос характеристик институциональной коммуникации (дискурса) на политическую сферу взаимодействия, В.А. Чудинов отмечает, что «в институциональном общении, в отличие от личностного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, пред-

ставитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга)» [Чудинов 2009: 44]. Таким образом, несмотря на разграничение официального и персонального каналов политической информации, и, соответственно, на деление адресантов на «коллективного» и «индивидуального», нужно учитывать, что рече-поведенческая характеристика отдельного коммуниканта будет своего рода отражением той организации, «силы», которую он представляет.

Указание на источник политического сообщения (адресанта), разумеется, не идентично называнию автора этого сообщения, ведь конкретный оратор зачастую всего лишь озвучивает мнение представляемой им организации, а политические документы, обнародуемые от лица государства или его структур, формально вообще не имеют авторства. Но и выступление с ярко выраженной персонификацией мнения (речь президента, лидера политической партии) совсем не обязательно является авторской работой политика. Как уже упоминалось ранее, зачастую реальное авторство текста принадлежит одному или целой группе специалистов, а организация или представитель политической силы, берущие на себя ответственность за такое сообщение, становятся авторами формальными. Именно формальному автору в дальнейшем будет адресована критика в отношении сообщения [Чудинов 2009: 59].

Одним из определяющих факторов в организации политического текста (соответственно, и политической коммуникации) является его адресат. В зависимости от того, в каких взаимоотношениях они состоят с автором, обобщенно можно выделить следующих адресатов: политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население).

Количественный критерий позволяет говорить об индивидуальном, групповом

и массовом адресате. Последние два адресата являются наиболее характерными в сфере политической коммуникации. Так, на массового получателя информации ориентированы ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные жанры (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь). К числу жанров с групповым адресатом можно отнести обращения, листовки, выступления на митингах. Значительно реже встречаются политические тексты с индивидуальным адресатом (телеграммы и письма граждан к политику или в средства массовой информации, а также ответы на эти обращения) [Чудинов 2009: 60].

Дискурсивное пространство политической речи образуется за счет взаимодействия между исходными высказываниями и высказываниями-аргументационными реакциями на них [Юдина 2001: 3]. Для интерпретации политической речи необходимо установить своего рода точку опоры, то утверждение, событие, к которому апеллирует «автор», ту политическую традицию, к которой он примыкает или с которой конфронтирует. Таким образом, политическая речь во многом формируется из уже сделанных высказываний. Однако каждый раз они приобретают новое значение в интерпретации разных ораторов, и каждая новая речь будет представлять в определенной степени новое видение затрагиваемого вопроса [Юдина 2004: 175].

Отправитель сообщения, руководствуясь целью повлиять на сознание реципиента, прибегает к логическим и эмоциональным убеждениям, что в полной мере характерно и для коммуникации в политической сфере. Эмоциональные убеждения затрагивают ценностную ориентацию личности реципиента, заставляя людей действовать в соответствии с определенной системой политических ценностей; использование данного способа ярко на-

блюдается в политической печати и других средствах массовой информации [Ирхин 2002: 315].

Логические убеждения выражаются в использовании аргументации. Аргументативная сила речевого убеждения, как отмечает Т.В. Юдина, «формируется на основе целого ряда разнопорядковых факторов, к которым относятся, в частности ситуативные (место и время), медийные (непосредственная или опосредованная коммуникация), а также ряд других факторов» [Юдина 2004: 176]. Усложненность аргументативной системы напрямую зависит от сложности механизмов общественного взаимодействия. Высокая степень усложненности аргументативных систем в современных демократических обществах объясняется преобладанием дискурсивных форм взаимодействия над директивными [Юдина 2004: 175].

Как замечает Й. Коппершмидт, интересы самосохранения общества и интересы общественных групп, ориентированных на достижение хотя бы минимального уровня лояльности по отношению к принимаемым политическим решениям, диктуют «потребность в кооперации», которая постоянно растет в демократических обществах. Эта потребность реализуется через аргументативную форму при обосновании мотивации тех или иных действий политиков, правительства [Kopperschmidt 1995: 52] (см. [Юдина 2004: 175-176]).

Для эффективного функционирования аргументации в общественной и политических целях, по мнению Й. Коппершмидта, необходим целый ряд предпосылок: индивидуальная способность аргументировать (компетенция, рассматриваемая уже в рамках психологии), индивидуальная готовность аргументировать (наличие у субъекта коммуникации мотивации и достаточный потенциал аргументов), социокультурная необходимость аргументировать (объясняется принадлежностью процесса аргументации к современной об-

щественной жизни), ситуативная потребность в аргументации.

Через аргументацию осуществляется демократически оформленное участие граждан в принятии общественно значимых решений. Кроме того, аргументативная стратегия становится единственным легитимным способом разрешения общественных конфликтов. Политическая аргументация – это одновременно и форма проведения политики, это само по себе уже политическое действие, соединение политического и речевого действия [Юдина 2004: 176].

Библиографический список

1. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития : монография / Грачев Михаил Николаевич. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
2. Ирхин, Ю.В. Политология : учебник / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М. : Юристъ, 2002. – 511 с.
3. Пушкарёва, Г. В. Политические коммуникации / Г. В. Пушкарёва // Политическое обеспечение бизнеса / под ред. Ю. С. Коноплина. – М. : Изд-во МАИ, 1995. – С. 45–54.
4. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / Отв. ред. А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.
5. Юдина, Т. В. Теория общественно-политической речи / Т. В. Юдина. – М. : Изд-во Московского университета, 2001. – 160 с.
6. Юдина, Т. В. Дискурсивное пространство политической речи / Т. В. Юдина // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 172–185.
7. Kopperschmidt, J. Grundfragen einer allgemeinen Argumentationstheorie unter besonderer Berücksichtigung formaler Argumentationsmuster // Wahlrapp, H. (Hrsg.) : Wege der Argumentationsforschung. – Stuttgart-Bad Cannstatt, 1995.

УДК 81'37
ББК 81.2-3

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова
Белгород

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА «САМ» В РУССКОМ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: дейксис, местоимение, прагматическая функция, аппроксимация.

Key words: deixis, pronoun, pragmatic function, approximation.

В данной статье мы хотели бы обратиться к местоимению русского языка *сам*, производным от него словам, фразеологическим единицам, важным компонентом которых является местоимение *сам* или однокоренные прилагательные и наречия, а также его эквиваленты в других языках, а также средства передачи семантики этих слов русского языка в других языках. В частности, представляется целесообразным сначала рассмотреть содержательные

Краткий обзор теоретического материала позволяет говорить о политической коммуникации как о непрерывном процессе обмена политически значимой информацией. При изучении отдельных этапов этого процесса можно обозначить групповых и массовых адресатов и реже – индивидуальных; авторство информации же зачастую является формальным. Дискурсивное пространство политической коммуникации во многом образовано «прошлыми» высказываниями и аргументативными реакциями на них.

и функциональные характеристики этого местоимения в русском языке, затем аналогичные процедуры необходимо проделать в других языках, не только славянской, но и языков других языковых групп в пределах индоевропейской языковой общности (в частности, ряда германских языков), а затем провести сравнительно-сопоставительный анализ полученных данных.

Выбор объекта представляется обоснованным особым статусом как первичного

значения данного местоимения, так и его производных форм. В первичном значении местоимение *сам* проявляет достаточно диверсифицированную с точки зрения семантики картину. В «голом» виде данное местоимение фактически означает «один, без помощи и участия других лиц, существ, средств и т. п. к совершению определённого вида деятельности», и в этом можно убедиться на примерах из различных источников, например:

... – «Скуйте мне прут в двадцать пуд».
– «Сковать – неважное дело, да где тот силач, что столько железа ворочать будет?»
– «Я *сам* буду ворочать» (Нар. Рус. Сказки. Безногий и слепой богатыри: т. 2).

Сам в данном контексте фактически означает один, без чьей-либо помощи.

Сам Андрей при всем желании не мог определить, в какой степени эти офицеры представляют интерес и следует ли ими заниматься (В. Богомолов. В августе 44-го).

Сам в этом контексте можно заметить адвербиальным словосочетанием в одиночку.

Самсонов положил на стол десяток фотографий Леньки. Комиссар долго рассматривал парня, а потом спросил:

– *Сами* снимаете?

– Жена. Я только проявлял.

– Проявитель готовый берете или дома составляете?

– Нет, *сам* составляю... Вместе с Ленькой (Ю. Семенов. Петровка, 38).

В первом случае *сам* в вопросе означает интерес к тому, кто делал данные фотографии, а о втором случае фактически реализуется смысл *делаю без участия других людей, не покупаю, предпочитаю делать своими руками*.

При чётко выраженной объективной реляции между предметами местоимение *сам* обладает широким спектром прагматических смысловых реализаций. Рассмотрим следующие примеры.

Охраняли тюрьму сами колхозники, вылитые басмачи (А. и Г. Вайнеры. Евангелие от палача).

Сам в данном контексте свидетельствует о необычности, нетривиальности, своеобразии, неординарности данной ситуации. Анализ других примеров даёт основания говорить о семантической парадигме «необычное явление или ситуация», где исследуемое местоимение фактически создаёт данное содержание, в частности:

Командира судили, но суд его оправдал: «Новик» не виноват – корабль сам не знал своей мощи... (В. Пикуль. Моонзунд).

В этом примере показана достаточно непростая ситуация, когда у полезного дела оказались катастрофические характеристики. Ситуация интересна ещё и стилистически: в данном случае под кораблём имеется в виду даже не команда, а командование кораблём – капитан, старпом, командир машинного отделения и т. п. Таким образом, здесь местоимение *сам* является одним из средств создания метонимического стилистического эффекта.

В следующем примере местоимение *сам* показывает своего рода тема-рематические отношения между фактом (сгоревший немецкий автомобиль) и причиной его приведения в негодность. Неординарность ситуации состоит в том, что, при всей известной бережливости немцев, они уничтожили автомобиль в рабочем состоянии; но здесь же объясняется и то, что немцы предпочли уничтожить автомобиль, чем отдать его врагу:

В самом начале [леса], метрах в двухстах от опушки, я наткнулся на обгоревший немецкий штабной автомобиль. Его не подбили, а сожгли сами фрицы: деревья тут совсем зажали тропу, и ехать стало невозможно (Богомолов).

В начале данного примера также трудно заметить слово *самом* (начале), но это не местоимение, а производное от него прилагательное *сам-ый/-ая/-ое*, его функ-

ционально-семантические характеристики мы предполагаем рассмотреть далее.

Одним из характерных употреблений местоимения **сам** в иллокутивно-прагматической функции в сочетании с существительным, передающим значение человека, занимающего определённую должность или положение (часто это имя собственное или его заменитель, типа «сам Шеф здесь!»), является подчёркивание важности данного человека, например:

*Ольга убеждала маму послать письмо **самому** Сталину. Ведь он даже не знает, наверное, что арестовывают хороших, честных людей, которые **сами** завоевывали советскую власть* (В. Успенский. Неизвестные солдаты).

В предыдущем примере отмечается ещё одно достаточно рекуррентное использование исследуемого местоимения в прагматическо-усилительной функции. Можно предположить, что данная функция имеет разнообразные частные функционально-семантические парадигмы. В частности, в данном случае словоформа **сами** призвана усилить рационально-доказательный эффект, создаваемый противительной структурой. Так, в следующем примере:

– Он... кто? – Я **и сам** не знаю, зачем такой вопрос задаю (В. Суворов. Аквариум)

подчёркивается индивидуальная неспособность индивида что-то сделать, понять, осознать, предпринять.

Данное использование, во-первых, необязательно относится к первому лицу, а, во-вторых, может быть положительно оценочным, в частности:

*Петька Сквородников уверял, что прежде в Спасской башне жили черти и что он **сам** видел, как они перебирались за наш берег, – перебрались, затопили паром и пошли жить в Покровскую башню* (В. Каверин. Два капитана).

В данном примере усиление того факта, что человек реально совершил какой-то вид деятельности, является

безусловно положительным с точки зрения выражаемого в нём отношения к действию. Кроме того, оно апеллирует к третьему лицу и тем самым может выражать объективированную особую экспрессивность какого-то факта.

В целом следует отметить, что выделяемые функционально-семантические парадигмы носят несколько условный характер, поскольку они обладают общим значением усиления, своего рода экспрессивно-прагматическим значением. В ряду этих функционально-семантических парадигм можно выделить ещё одно прагматико-экспрессивное значение. Его специфика очевидна – местоимение **сам** свидетельствует о появлении чего-то важного, атрибутом или частью которого был предмет или явление, информация о котором прошла несколько ранее, как в следующем примере.

*Так, однажды мы нашли туго набитую письмами сумку, а потом вода принесла и осторожно положила на берег **и самого** почтальона* (В. Каверин. Два капитана).

Особо следует отметить использование местоимения **сам** как управляемого глаголом в повелительном наклонении. В этом значении осуществляется апелляция к разуму реципиента, его логике, поскольку используются словосочетания типа **сам подумай, сам рассуди, сам посмотри** и другие, им подобные, например:

Ведь манкин печально слушал счастливого Кирясова:

– Ну **скажи сам** по чести, мелкий мой: могу я признать эту вшивую десятку равной сталинской сотне? Конечно, не могу, поскольку и в этом Хрущ народ свой надул! (А. и Г. Вайнеры. Евангелие от палача)

Наконец, следует отметить такую важную и достаточно частотную в разговорной речи функцию исследуемого местоимения, как ответная оскорбительная реакция, например, в таких реакциях литературных персонажей известных произведений, как следующие:

В бельэтаже послышался голос: «Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мне летела!» И другой голос: «Да ты не толкайся, я тебя **сам** так толкну!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Теперь хотелось бы обратиться к такому аспекту функционирования местоимения *сам*, как его присутствие в качестве важного в семантическом плане компонента более или менее устойчивых сочетаний типа *сам с собою, само собою* (*разумеется*) и т. п., например:

– ... Когда капитан об этом узнал, он вызвал нас всех, выстроил и говорит: «Пусть выйдет вперед каждый десятый». **Само собою** разумеется, я оказался десятым. Стали по стойке «смирно» и «не моргни».

Нетрудно заметить, что данное устойчивое словосочетание употребляется парентетически, но не в качестве слов-паразитов типа *как бы, так сказать* и т. п., а во вполне конкретном и уместном усилительном значении, подчёркивающим предполагаемый как естественный порядок событий в некоем повествовании.

Следующий пример демонстрирует специфическое значение фразеологизма, которое можно интерпретировать как «я знаю, как мне поступать», «я и сам многое в этом плане умею, знаю и понимаю» и т. п., иными словами, отстаивание своего мнения или позиции посредством фразеологизма «*сами с усами*», как в следующем примере:

– Ну ладно, давай сматывайся отсюда! Стыдить меня нечего. **Сами с усами!** (В. Беляев. Старая крепость. Город у моря)

Далее представляется логичным обратиться к таким производным от местоимения *сам* словоформам, как *сам-ый/-ая/-ое*. Безусловно, основным употреблением данной лексемы является модификация ею превосходной степени имён прилагательных, в таких, например, случаях, как:

– ... Месяца не пройдет, как я буду **самым** богатым человеком в Ломбардии (А.К. Виноградов. Осуждение Паганини).

– А какая у вас должность сейчас?

– **Самая** отвратительная – военнопленный (В. Пикуль. Барбаросса).

Интерес представляет особое, уже устаревшее и стилистически маркированное (в основном, характерное для малообразованных слоёв носителей русского языка до XX века) употребление местоимения *самое* в сугубо экспрессивном значении. Следует отметить, что в данном значении исследуемое местоимение может выступать и в функции отглагольного существительного (... *Потом они с барином поют удивительную песню... Горкин поднимает руки и кричит – «самое наше, волжское!»* (И.С. Шмелев. Лето Господне)), либо же выполняют функцию модификатора прилагательного или наречия («*Нет, – говорит, – не кончено, ты смотри, – говорит, – как хан Джангар трубку жжёт. Видишь, па-лит: это он непременно еще про себя что-нибудь думает, самое азиатское*» (Н.С. Лесков. Очарованный странник)).

Другое весьма рекуррентное использование исследуемой лексемы с функциональной точки зрения фактически демонстрирует его адъективные характеристики, поскольку оно модифицирует имена существительные с семантическим интенционалом места и времени в явно аппроксимативном значении, когда событие, отражаемое в высказывании, происходит практически в определённое время или в определённом месте, и его синонимами в этом случае являются наречия *практически, прямо, совсем* (где-то или когда-то), например:

Как тот ни натягивал утиный козырек кепки на глаза, чтобы бросить тень на лицо, как ни вертел газетным листом, – финдиректору удалось рассмотреть громадный синяк с правой стороны лица у **самого** носа (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Интересно, что в формах данной лексемы сочетаются внешне противоположные значения – аппроксимации и точности во временном или пространственном измерении, но в этом случае точность связана с определённой крайней точкой в измерении, например:

Скинув опять сапоги, я облазил деревья на краю поляны к западу и северо-западу от этого места, с особым вниманием осматривая ветви **от** нижних **до самой** вершины, но при всем старании никаких следов забрасывания антенны так и не нашел (В. Богомолов. В августе 44-го).

Следует отметить и третье распространённое использование исследуемой лексемы в значении усилительных наречий *очень*, *весьма* и других из этой лексико-семантической парадигмы. Особенностью этого значения является полная синонимия его сочетания с прилагательным и указанного наречия, с той лишь разницей, что *самый/-ая/-ое* является намного более экспрессивным. Очень часто сочетание словоформы *самый* с прилагательным является фразеологизированным, например:

*Внезапно размышления Варвары Андреевны были прерваны **самым** бесцеремонным образом* (Б. Акунин. Турецкий гамбит).

Примечательно, что в английском языке тоже существуют функционально-семантические варианты использования одной и той же соответствующей лексемы в данном значении в значении модификатора превосходной степени при качественном прилагательном. В виду имеется словоформа *most*, где главное значение модификатора при прилагательных в превосходной степени употребляется с определённым артиклем, а усилительное значение выражается словосочетанием *most + качественное прилагательное/наречие* с неопределённым артиклем (во множественном числе – без артикля), например: *Mr. McKee was a pale, feminine man from the flat below. He had just shaved, for there was a white spot of lather on his cheekbone, and he was **most** respectful in his greeting to every one in the room* (F.S. Fitzgerald. The Great Gatsby).

Заканчивая краткий обзор функционирования исследуемых лексем в русском языке, хотелось бы обратить внимание на семантическую парадигму их использования с указательными местоимениями *то* и *это*, поскольку экспрессивность местоимений *сам* и *са-*

мый часто выражается их использованием в синтаксической функции предикатива высказываний, в частности: – ... *Она говорит, как большая, но причудливый ее разговор. Прислушиваешься – как будто **все то же самое**, что мы с вами сказали бы, а у нее то же, да не совсем так* (А. Грин. Алые паруса).

Объективности ради полагаем необходимым обратиться и к соответствующему материалу языков других групп индоевропейской языковой семьи, в частности, германских языков. В английском языке, в частности, существует определительное местоимение *same*, этимологически родственное русскому *сам*, но это единственная черта изоморфизма в передаче ситуаций общего семантического плана.

*The car was going west with no apparent attempt to elude any trailers. It went up on to the West Side Highway, speeding in and out of traffic. Anyone following would have had to do the **same*** (M. Puzo. The Godfather).

*Машина двигалась в западном направлении, не пытаясь, насколько можно было судить, оторваться от возможных преследователей. Выехали на уэст-сайдское шоссе и покатали вперед, то ныряя в гущу движения, то вырываясь на свободу. Всякому, кто попытался бы следовать за ними, пришлось бы делать **то же самое*** (перевод М. Кан).

Однако чаще на русский язык данное местоимение переводится иными действительными словами, как например, в следующем случае: *Where was Luca Brasi? It was the **same** question that Hagen was asking himself at that moment. It was the **same** question that was worrying Sonny Corleone out in Long Beach* (M. Puzo. The Godfather).

*Неужели Люка еще не знает? Об **этом** спрашивал себя сейчас Хейген. **Этот же** вопрос тревожил Санни Корлеоне.*

В остальных случаях эквивалентами местоимения *сам/самый* в английском языке являются самые разнообразные языковые средства. Так, для передачи временной или пространственной аппроксимации может использоваться наречие

времени или места с семантикой близости, как, например, в следующем случае: *The house was set up close to the road* (R.P. Warren. All the King's Men). Дом стоял у **самой** дороге.

Во фламандском варианте нидерландского языка проявляются похожие функционально-семантические особенности передачи данного дейктического содержания, т. е. это, очевидно, является характерным для германских языков в целом. Так же, как и в английском языке, часто функцию «самости» принимает на себя определённый артикль, ср: *Uilin, zij die hare schoonheid verkoopt, de beste harten van jongelieden vermorst, dat heeten: de jeugd vormen, en ze zonder eenen cent, achterlaat in het slijk waarin zij hen sleepte* (Charles de Coster. De legende en de heldhaftige, vroolijke en roemrijke daden van Uilenspiegel en Lamme Goedzak in Vlaanderenland en elders). *Сова – это та, что торгует своими прелестями, развращает невинных юношей – это у нее называется «развивать» их – и, выманив у них все до последнего гроша, бросает их в том самом болоте, куда она же их и завлекла.*

Then, on down the row, behind its own live oaks and magnolias, there would be the Stanton house, locked up and nobody behind the jealousies, for Anne and Adam were in town now, and grown up and never went fishing with me anymore, and the old man was dead (R.P. Warren. All the King's Men).

А дальше, под своими собственными дубами и магнолиями, стоит дом Стентонов, запертый и пустой, потому что Анна и Адам давно выросли, живут в городе и больше не ездят со мной на рыбалку, а сам старик умер.

Как и в английском языке, одним из основных эквивалентов русского *сам/самый* в нидерландском языке является возвратное местоимение *zelf* (эквивалент английского *self*):

– *Man, waarom gaat gij niet alle dagen vischen? vroeg Soetkin.*

Klaas antwoordde:

– *Wel, omdat ik zelf niet geerne zou spartelen in de netten van de stadsserjanten* (Charles de Coster. De legende en de...).

– Почему же ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю, муженек? – спросила Сооткин.

– *А чтобы самому не попасться в сеть к стражникам, – отвечал Клаас.*

К сожалению, ограниченный объём данной статьи не позволяет показать все частные случаи изоморфизма и алломорфизма отражения содержания, передаваемого в русском языке местоимением *сам*, во всех деталях. Тем не менее, данные общие результаты проведённого сопоставительного анализа показывают, что в ряде индоевропейских языков семантическое пространство дейксиса, выражаемое в русском языке местоимением *сам* и производными от него формами, имеет ряд общих черт и в то же время характеризуется своим специфическим содержанием. Казалось бы, местоимение не передаёт содержание, наполненное реальными, онтологическими характеристиками, и поэтому его функции, как это видно из самого названия данной части речи в различных языках, и как это считалось до сравнительно недавнего времени, ограничиваются простой заменой знаменательных частей речи. Но в целом мы постарались на конкретном языковом материале обосновать положение о том, что семантическая структура данного местоимения достаточно сложна для дейктической части речи, и поэтому его функционально-семантические характеристики нуждаются в более детальном научном исследовании как в отдельных языках, так и в сравнительно-сопоставительной парадигме лингвистических знаний.

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ
АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

LOGICO-PHILOSOPHICAL ASPECTS
OF THE LANGUAGE

УДК 811.111
ББК 81.432.1

О.Д. Вишнякова
Москва

ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НОВОЗЕЛАНДСКОГО СОЦИУМА: ПРОБЛЕМЫ МОТИВИРОВАННОСТИ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПОЛНОЦЕННОСТИ

Ключевые слова: мотивированность, концептуальная полноценность, новозеландский, лингвокультура, концептуальное поле «кулинария, еда, культура питания».

Key words: motivation, conceptual integrity, New Zealand, linguistic culture, conceptual field of cuisine, food, food culture.

Give me, give me God's own country! There to live and there to die,
God's own country! Fairest region resting 'neath the southern sky.

(Thomas Bracken, 1893)

Давно признанный факт, что новозеландский вариант английского языка представляет собой, как и любой национальный язык, уникальное явление в плане передачи национально-культурной картины мира, находит подтверждение в исследованиях целого ряда ученых [Huygens 1983, Bell 1996, Ощепкова 2006, Kirkpatrick 2007, Vishnyakova 2011]. В новозеландской национальной культуре языковые выражения, свойственные англоязычной культуре в целом, могут приобретать новые значения и смыслы в зависимости от конкретных условий своего бытования [Вишнякова 2011]. Лингвокультура Новой Зеландии, получившей название "God's own country", представляет в данном отношении исключительно благодатную почву для исследователя.

Известно, что наиболее ярким представителем лингвокультурной специфики социума является фразеологический фонд национального языка (где под фразеологизмом понимается устойчивое сочетание слов с осложненной семантикой, «не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [Кунин 1996: 5]). Так, например, распространенное выражение *to go bush* имеет значение 'to eschew urban life altogether and live by choice in a rural area without the usual modern conve-

niences', либо употребляется в переносном смысле – 'to hide deliberately, as from authorities such as the police'. В то же время данный фразеологизм употребляется в контекстах, характеризующих лицо, которое сложно или невозможно найти ('someone who cannot be found, even in a big city'). Вместе с тем, стоит отметить, что сама лексическая единица *bush* является типичной для новозеландской лингвокультуры, представляя ее специфику как принадлежащую социуму, проживающему в конкретных природных условиях.

Другим показательным примером национально окрашенной языковой единицы может считаться выражение *flat as a gumdigger's dog*, имеющее значение 'silly, showing little sign of normal commonsense'. Своим происхождением данное словосочетание обязано фактам экономического и культурного развития Новой Зеландии, связанным с добычей смолы и древесины каури: "Images concerning gum-digging arose during the period when kauri gum was dug for, particularly in the north of the North Island, and used for a variety of purposes. Gumdigger's soap was a kind of flower that lathered when scrunched and gumdigger's spud was the edible bulb of a New Zealand orchid. The dogs living in the tough gumfields environment would not have been elegant creatures, and dogs are renowned for their loyalty

and keenness to forage, so a combination of all these factors is the probable origin of skinny as a gumdigger's dog, useless as a gumdigger's dog and mad (meaning silly) as a gumdigger's dog" [Cryer 2006: 104]. Обращаясь к справочным источникам, мы обнаруживаем следующее толкование единицы *gumdigger*, выступающей в качестве типичной национально-культурной реалии новозеландского социума: 'Gum-diggers were men and women who dug for kauri gum, a fossilized resin, in the old kauri fields of New Zealand at the end of the nineteenth and early twentieth centuries. The gum was used mainly for varnish. The term may be a source for the nickname 'Digger' given to New Zealand soldiers in World War I' [TAENZ: URL]. Безусловно полезными, на наш взгляд, оказываются и следующие пояснения: "Kauri forests once covered most of the upper North Island of New Zealand; the change of climate, geological activity (volcanic activity and earthquakes) and the impact of Maori and European settlers had led to much deforestation, with some areas reverting to sand dunes, scrub or swamp, but these ancient kauri fields continued to provide a source for gum, as well as the remaining forests" [Hayward 1982: 4-5]; "Kauri gum was formed when resin from the kauri tree leaked out through fractures or cracks in the bark, hardening with the exposure to air. Lumps commonly fell to the ground and became covered with soil and forest litter, eventually fossilizing. Other lumps formed as branches forked or trees were damaged, releasing the resin" [Hayward 1982: 2]. Иными словами, вопрос адекватного понимания фразеологического выражения 'flat as a gumdigger's dog' теснейшим образом связан с такими факторами, как обращение к фоновому знанию представителей лингвокультурного социума, выявляющему особенности мотивированности данного языкового элемента и степень его концептуальной полноценности, т. е. наличие у словосочетания определенной понятийной основы, обусловленное тем, что каждому

словосочетанию в естественном речевом общении предшествует определенная понятийная ситуация, отражающая физический или интеллектуальный опыт говорящего или пишущего [Гвишиани 1979, Тер-Минасова 1981, Ахманова 1996].

Значительный интерес в этом плане вызывают вербальные элементы, репрезентирующие концептуальное поле «кулинария, еда, культура питания», в значительной степени определяющее и формирующее национальный характер [Павловская 2013: 7]. Данная область относится к числу базовых, универсальных, в ней наиболее полно отражается национальная специфика, характерная для определенного лингвокультурного сообщества. В то же время – что совершенно естественно – в англоязычном социуме целый ряд примеров языкового представления указанной области может рассматриваться в качестве реализаций универсального характера, находящих отражение как в английском, так и других языках. Например, единица *eskimo pie* – 'a small oblong of ice cream coated with chocolate' – восходит к названию, предложенному чикагской торговой маркой Stover Confectionery в 1922 году. Как известно, данная реалия характерна не только для англоязычного мира [TFEW: URL].

Обусловленный историческими причинами мультикультурный характер новозеландской кухни отразился в ряде названий. Например, название мясного блюда *luncheon sausage* имеет в языке и такой аналог, как *German sausage* ('finely ground meat, pre-cooked, flavoured and packed into a very large sausage shape, from which slices are cut to be eaten cold' [Cryer 2006: 103]). Целый ряд названий пищевых продуктов имеет отношение к тем или иным местным национально-культурным реалиям. В этом плане может быть представлено словосочетание *Chesdale cheese*, имеющее довольно необычную историю с точки зрения мотивированности своей

семантики: “Chesdale cheese. A brand name for a processed cheese developed by Butland Industries. It was discovered, in 1968, that the public had a low regard for processed cheese. Chesdale, however, was a good cheddar cheese, especially made for processing and it became the focus of a popular advertising campaign, involving two animated characters called Ches and Dale, created by well-known New Zealand artist Dick Frizzell. Their song was composed by Terry Grey, and sung by Brian Borland and Gordon Hubbard from The Yeomen with Peter Carter on guitar. The jingle became enormously popular – The Yeomen included it in their performances for years – and most New Zealanders of a certain age can sing it without thinking twice” [Cryer 2006: 36]. Очевидна отсылка названия Chesdale, непосредственно связанного с вымышленными именами Ches и Dale, к героям широко известного американского мультфильма “Chip ‘n Dale Rescue Rangers”, что несомненно сыграло позитивную роль в рекламе сыра, название которого приобрело более понятную потребителю мотивировку. В этой связи может ставиться вопрос о прагматическом потенциале кулинарных языковых реалий, выводящий исследование за пределы лингвистических разысканий в междисциплинарную сферу.

Особое внимание русскоязычного исследователя привлекает прозрачно мотивированное название появившегося в 1929 году в Новой Зеландии и распространившегося в англоязычном мире торта-безе со свежими фруктами, получившего свое имя в честь русской балерины Анны Павловой, гастролировавшей там в 1926 году, – “Pavlova”, которое приобрело, как и очень многие единицы в новозеландской языковой среде, сокращенную форму *pav*: ‘A meringue dessert, usually topped with whipped cream and some sliced fruit’ [Cryer 2006: 124]. Разумеется, имя русской балерины явилось не единственным случаем, послужившим целям языковой репрезентации понятия, представляющего дости-

жение новозеландского, а также австралийского кулинарного искусства, подаваемое в наши дни во время мини-фуршета после церемонии принятия австралийского гражданства: в честь лорда Ламингтона, губернатора Нового Южного Уэльса, были названы пирожные, которые появились в Австралии и затем в Новой Зеландии: “Cubes of sponge, chocolate-coated and rolled in grated coconut. The recipe originated in Australia and its exact provenance is unclear, but the name is not: the cakes were named after Lord Lamington, Governor of new South Wales in 1896. Only 36 and keen on sports, he was popular with the Australians, who enjoyed his relaxed style. During his tenure, someone invented this delicacy. Julia Robinson, author of *Voices of Queensland*, reports that Lord Lamington referred to the cakes as ‘bloody poofy’ but nevertheless, because of his popularity, the confection was named after him and the lamington was born” [Cryer 2006: 99-100]. Иными словами, названия кулинарных изысков, происходящие от имен собственных – фамилий известных личностей, обязаны своей мотивированностью различным факторам, в первую очередь – факторам ассоциативного характера, связанным с представлениями носителей данных языка и культуры об этих личностях, их внешнем облике, талантах, причинах их известности, а также относящихся к ним событиях – реальных или вымышленных.

Вместе с тем, анализ материала показывает, что мотивированность и концептуальная полноценность кулинарных названий, черпающих свое происхождение в специфике внешнего вида блюд, далеко не всегда соответствуют критерию эстетичности, хотя, по-видимому, данные языковые единицы употребляются говорящими как вполне полноценные идиоматичные структуры, нейтральные в экспрессивно-эмоционально-оценочном отношении, не имеющие никакой стилистической окраски. Отметим также,

что в этом плане определенная роль принадлежит и элементам иронии и сарказма, свойственным англоязычному социуму в целом и воспринимаемым его представителями как совершенно естественный процесс, не требующий специальных когнитивных усилий. В качестве примера приведем словосочетание *fly cemeteries* («кладбища мух»), нашедшее свое толкование у новозеландцев: “Popular soft biscuit-like delicacies, formally known as fruit squares, with two slim layers of pastry or cake containing a compressed dried-fruit mixture with a large proportion of raisins and currants. During cooking the fruit mixture becomes a glossy black colour and develops a chewy toffee-like texture. Early in the 20th century a British wit coined the name fly cemeteries for currant-pudding and currant-cakes and New Zealanders applied the term to fruit squares because the central fruit layer resembled a collection of squashed dead flies” [Cryer 2006: 64].

В целом ряде случаев изучение семантической специфики национально-культурно окрашенных языковых единиц, репрезентирующих сферу «кулинария, еда, культура питания», требует обращения к новому уровню исследования. Так, например, анализ словосочетания *lamb's fry* непосредственно связан с процессом эвфемизации, поскольку, как отмечают специалисты, существительное *fry* употребляется в данном случае вместо существительного *liver* в целях создания более благоприятного прагматического эффекта, своего рода «политкорректности»: “Although the meat is often prepared by frying, the name ‘fry’ has tended to become a genteel substitute for the more pragmatic word ‘liver’, which some find distasteful” [Cryer 2006: 99].

Авторы лексикографических трудов указывают на необходимость отличать рассмотренное выше словосочетание *lamb's fry* от характеризующей американскую кухню единицы *lamb fries* (‘an American term describing cooked testicles’),

представляющей в языке блюдо, название которого в новозеландском социуме вызывает еще большую сложность с точки зрения мотивированности и концептуальной полноценности – *mountain oysters*. Приведем описание из толкового словаря: “Testicles from young male carves, cleaned, peeled and fried. In Spanish they are called eggs of the bull. Another name variant is prairie oysters, which can also describe an egg yolk swallowed whole with lemon juice and pepper” [Cryer 2006: 112]. Исходя из содержания заключительного предложения, можно предположить, что присутствие в данном названии единицы *oysters*, имеющей регулярный характер в языковой репрезентации пищевого рациона жителей островного государства, обусловлено способом поглощения описанной пищи. Вместе с тем, в целом словосочетание *mountain oysters* может рассматриваться как единица, обладающая метафорическим характером.

Особого внимания с точки зрения репрезентации национально-культурной специфики и ее модификаций заслуживает словосочетание *colonial goose*, получившее полное переосмысление в связи с географическим положением и природными особенностями Новой Зеландии, но, вместе с тем, сохранением исконных традиций переселенцев. Это словосочетание используется для обозначения следующей реалии, которая в понятийном плане оказывается совершенно не связанной с данным языковым выражением: “Boned mutton, filled with savoury stuffing, roasted and served with potatoes, usually at Christmas. The practice arose when British pioneer settlers discovered that there were no geese in New Zealand – and Christmas was in summer. Unwilling to abandon old traditions, they evolved a new Antipodean version. Apart from the name, it has nothing to do with geese at all” [Cryer 2006: 41]. Следующий пример, напротив, отражает повсеместное распространение овец в

сельском хозяйстве Новой Зеландии, хотя в денотативном плане данная языковая единица оказывается не связанной с этой национальной особенностью: “underground mutton” имеет следующие толкование и историю: “Cooked rabbit. Rabbits were introduced into New Zealand in 1838, to provide meat for the settlers, but soon proliferated to become a menace, especially in the South Island. Rabbit meat went out of fashion completely during most of the 20th century, until the health-conscious became alerted to its lean qualities, and interest began again” [Cryer 2006: 176]. В данном случае в основе семантической мотивированности рассматриваемой единицы лежит отношение носителей языка и культуры к той роли, которую выполняет денотат (*cooked rabbit*) в обществе, как бы негласно заменяя доступное в Новой Зеландии блюдо из баранины, что обуславливает присутствие метафорического компонента (*underground* – ‘under the

surface of the ground; secret’).

В заключение отметим, что национально-культурная специфика, отраженная в новозеландском варианте английского языка, позволяет проследить целый ряд тенденций в плане выявления мотивированности и концептуальной полноценности словосочетаний-репрезентантов различных концептуальных сфер, в том числе – концептуального поля «кулинария, еда, культура питания». В наиболее сложную для анализа группу языковых единиц входят словосочетания, в которых наблюдается нарушение мотивационной связи с представляющим реальность денотатом (например, вследствие сохранения традиционного, не имеющего отношения к действительному состоянию дел названия), а также те, которые не реализуются полностью с точки зрения их концептуальной полноценности и лексико-семантической сочетаемости, обладая метафорическими особенностями.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. Вишнякова, О. Д. Структурно-содержательные трансформации языковых единиц с национально-культурным компонентом в новозеландском английском / О. Д. Вишнякова, О. В. Скурихина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – № 6. – Вып. 9 – Белгород : Изд-во БелГУ, 2011. – С. 120–126.
3. Гвишиани, Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи / Н. Б. Гвишиани. – М. : Высш. школа, 1979. – 200 с.
4. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. – 288 с.
5. Ощепкова, В. В. Языки культуры Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В. В. Ощепкова. – М./СПб. : ГЛОССА/КАРО, 2006. – 336 с.
6. Павловская, А. В. Съедобная история моей семьи / А. В. Павловская. – М. : СЛОВО / SLOVO, 2013. – 550 с.
7. Тер-Минасова, С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 152 с.
8. Bell, A. Holmes J. English, Maori and Minority Languages / A. Bell, J. Holmes // English around the World : Sociolinguistic Perspectives. – Cambridge University Press, 1996. – P. 153–168.
9. Cryer, M. The Godzone Dictionary of Favourite New Zealand Words and Phrases / M. Cryer. – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2006. – 319 p.
10. Hayward, B. W. Kauri Gum and the Gumdiggers: A Pictorial History of the Kauri Gum Industry in New Zealand / B. W. Hayward. – Auckland : Lodestar Press, 1982.
11. Huygens, I. Language Attitudes, Ethnicity and Social Class in New Zealand / I. Huygens, G. Vaughan // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1983. – № 4. – P. 207– 223.
12. Kirkpatrick, A. World Englishes : Implications for International Communication and English Language Teaching / A. Kirkpatrick. – Cambridge University Press, 2007. – 257 p.
13. Vishnyakova, E. New Zealand English : Cultural and Conceptual Basis of Semantic and Structural Transformations / E. Vishnyakova, O. Vishnyakova // Linguistics and ELT today : Tradition and Innovation. LATEUM. – Материалы X Международной научно-практической конференции по вопросам преподавания английского языка в вузе. – М. : MSU, 2011. – С. 158–160.
14. [TAENZ] Te Ara Encyclopedia of New Zealand: The New Zealanders [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.teara.govt.nz/en>
15. [TFEW] The Free Encyclopedia Wikipedia [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Eskimo_Pie

УДК 81'23
ББК 81.006.2

А.В. Гольдман
Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ГОВОРЯЩЕГО

Ключевые слова: социальный статус, регистр, речевая ситуация, коммуникативная задача, вежливость, уровень общения.

Key words: social status, register, speech situation, communicative aim, politeness, level of communication.

Понятие социального статуса в социолингвистике трактуется как положение индивида в социальной системе, определяемое по комплексу признаков. В зависимости от подхода к классификации, выделяются постоянные (приписанные, прирожденные или наследуемые) и временные статусы (приобретенные или ситуативные) [НФС: 356]. При этом статусом называют как недифференцированную совокупность всех социальных признаков говорящего – и постоянных и временных, так и комплекс только постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида [Швейцер 1982: 40].

В первом случае социальный статус становится одним из факторов, влияющих на стратификационную и ситуативную вариативность языка, во втором случае, статус участвует только в стратификационной вариативности языка, при которой выбор говорящим средств зависит от его постоянных признаков [СЛТ: 213].

Как бы не определяли это понятие, все исследователи согласны с тем, что статус личности говорящего является одним из ведущих факторов, обуславливающих выбор языковых средств в той или иной ситуации общения. Для нас актуальным является понимание речевой ситуации как системы взаимоотношений коммуникантов, порождающих потребность в целенаправленной деятельности, тогда как коммуникативное намерение говорящего определяет роль говорящего как участника общения и роль слушающего как того, на кого направлена цель говорящего.

Отношения между участниками той или иной речевой ситуации строятся по шкале «выше-ниже-равны», т. е. независимо от вариативности переменных, составляющих статус говорящего (гендерные, возрастные, профессиональные, национальные, классовые и пр.), собеседники в данной речевой ситуации занимают определенную позицию относительно друг друга.

Реализация статусных отношений проявляется в речевом регистре. Традиционно выделяются нейтральный, сниженный и повышенный регистры. Каждый из них характеризуется определенным набором фонетических, лексических, грамматических средств, которые характеризуют канал общения, роли участников, а иногда и предмет общения.

Статус личности говорящего непосредственно связан с понятием вежливости. Он является одной из составляющих, наряду с должностью, ролью и другими, обуславливающими правила вежливости, применительные к той или иной ситуации общения.

Понятие вежливости соотносится с понятием «малой этики» – «этикетом», некоей совокупностью правил, регулирующих безличные отношения между людьми, формы взаимного обхождения, ситуативно и статусно определенное поведение. Посредством простых по содержанию, но зачастую изысканных по форме требований, эта «малая этика» регулирует проявления индивида в обществе. Определяя категорию вежливости, лингвисты и социологи, как правило, склоняются к одному из двух подходов. Условно можно охарак-

теризовать эти подходы как пассивный – вежливость, понимаемая как форма существования в определенных условиях, и активный – вежливость, трактуемая как стратегия или инструмент для достижения определенной цели.

В ходе исследования, средства выражения более высокого социального статуса были проанализированы на различных языковых уровнях – морфологическом, синтаксическом, текстовом.

К морфологическому уровню мы относим те части речи, которые могут отражать социальный статус. Для демонстрации своего более высокого социального статуса, говорящий использует прилагательные и существительные с тенденцией к преобладанию книжной или терминологической лексики, а также оценочной лексики.

(1) *But pecuniary interest is clearly not in your nature. How quaint.* <...> *Therefore I conclude that difficulty concerns integrity. People whose lives are not balanced by a healthy love of money suffer from an appalling obsession with personal integrity* (Setterfield: URL).

Писательница Вида Уинтер оценивает девушку, претендующую на роль биографа, и выражает свою негативную оценку, используя термин из бизнес и юридической лексики *pecuniary* и оценочное прилагательное *quaint*. Кроме того, она продолжает свою оценку, характеризуя любовь к деньгам как положительное качество с помощью оценочного прилагательного *healthy*, и демонстрирует свое отрицательное отношение к стремлению других к честности с помощью оценочного прилагательного *appalling* и существительного *obsession*.

(2) *'You unspeakable blackguard! How dare you!'* (Hailey (a), 127)

В данном примере использованы оценочное прилагательное *unspeakable* и эмоционально-оценочное существительное с ярко выраженной негативной оценкой *blackguard*.

Кроме оценочной лексики, к средствам подчеркивания своего более высокого статуса относятся также глаголы и существительные, в чью семантику входит значение подчинения.

(3) *'Morgan, I've instructed Archaimbaud to see to your needs <...> I pay him well to serve, and serve he will <...>'* (Ransom, 32).

К морфологическим средствам выражения статуса можно отнести модальные глаголы, семантика которых включает различную степень долженствования или волеизъявления. Например, желая подчеркнуть свое прирожденное социальное превосходство в примере (2), герцогиня бросает гневное *How dare you!* Модальный глагол *dare* со значением «осмеливаться, сметь» демонстрирует более высокий статус герцогини, собеседник которой не должен был посметь говорить и делать при ней то, что он сделал.

(4) *'I will not listen. Instead, you will listen to me.'* (Hailey (a), 133)

Использованный герцогиней модальный глагол *will* со значением волеизъявления демонстрирует ее более высокий статус – ведь это ее воля будет исполняться.

Интересно с точки зрения изучаемых явлений употребление личных местоимений. Так, например, при подчеркивании своего статуса, говорящий использует оппозицию личных местоимений 'I :: you'. Эта оппозиция помогает определить позицию участников речевой ситуации относительно друг друга. В примере (4) противопоставляются личные местоимения *I* и *you*. Противопоставление здесь особенно ярко на фоне повторяющегося модального глагола и контраста отрицания и утверждения.

На уровне синтаксиса к средствам выражения более высокого статуса, наиболее часто встречающимся в тексте, можно отнести различные повелительные конструкции. Это могут быть собственно повелительные предложения – прямые речевые акты приказа, повеления, инструкции.

(5) *'If we are to work together, I shall need to know a little more about who you are. So **tell me about yourself... Well, answer me!**'* (Setterfield: URL)

Высокомерная знаменитая писательница не считает нужным опускаться до вежливых конструкций и использует прямой приказ *tell me, answer me!*

Кроме того, сюда же можно отнести предложения смешанного коммуникативного типа (косвенные речевые акты), в которых во внешне вежливой форме вопроса скрывается побудительная цель.

(6) *'My husband and I find strong smoke offensive. **Would you kindly put that out.**'* (Hailey (a), 125)

К подобным смешанным коммуникативным предложениям с ярко выраженной повелительной ремой относятся формально повествовательные предложения. Повеление в этом случае выражается с помощью модальных глаголов, модальных конструкций или лексически с помощью существительных или глаголов, в значение которых входит элемент побуждения.

(7) *'In return for that,' she continued evenly, 'you **will drive our car north.**'* (Hailey (a), 133)

Побуждение в данном случае выражается с помощью модального глагола *will*.

(8) *'Miss Winter **invites you to meet her in the library at eight o'clock.**' She did her best to make it sound like **an invitation**, but I understood, as I was no doubt meant to, that it was **a command*** (Setterfield: URL).

Девушку не обманывает оформленный как приглашение приказ явиться в библиотеку на встречу с писательницей. Подобное скрытое повеление демонстрирует неравенство статусов.

(9) *McDermott instructed, '**Never mind the argument, I want that complaint attended to.**'* (Hailey (a), 9)

Управляющий отелем с помощью прямого повеления *never mind* и косвенного повеления, выраженного с помощью глагола *want* в конструкции сложного дополнения, ставит на место капризного служа-

щего, который не хочет заниматься жалобой постояльца.

К синтаксическим средствам выражения можно отнести и прерывание чужого высказывания – прием, нарушающий одну из максим вежливости, цель которого состоит в том, чтобы не дать собеседнику, чей статус ниже, закончить мысль, и тем самым указать на свое превосходящее положение.

(10) *'**That's a chance you gotta...**'*

'Silence!' Her voice was a whiplash (Hailey (a), 133)

(11) *'**Well, yes, that is –**' The voice ran off as if it had not registered the interruption. 'I could suggest increasing the monthly stipend and the final fee.'* (Setterfield: URL)

Часто этот прием фиксируется в авторском контексте.

(12) *She waived a hand, **dismissing my words before they were out of my mouth*** (Setterfield: URL).

На текстовом уровне анализ проводится в диктете – элементарной текстовой единице, в которой полностью раскрывается речевая ситуация [Блох 2000].

(13) *'I know what to do, Milton,' I said, each word enunciated. 'I might not know exactly how this place works, or what each bell means, but somebody who works for **me – like you – can teach me that. As for the rest of this job, I'll follow my instincts. And if you want to work for me, you'll follow my lead. And one other thing. Keep your feet off my coffee table.**'* (Mikulski, 29)

Сенатор Елеанор Горзак отчитывает «зарвавшегося» подчиненного, ставя своего секретаря на место с помощью много раз повторенного в разных формах (вариативный повтор) противопоставления личных местоимений. Подобный повтор является одним из средств создания текстовой когезии. В этой диктете также используется повелительная конструкция *Keep your feet off my coffee table*.

На синтаксическом уровне к основным средствам, при помощи которых подчеркивается более высокий статус говоряще-

го, относятся вокативы, употребленные в соответствии с правилами этикета.

(14) *'To be perfectly honest, Your Grace, I was not aware that you required Mr. Trent personally.'* (Hailey (a), 15)

Управляющий отелем обращается к госте-герцогине по всем правилам этикета: *Your Grace*.

(15) *'Senator – that's what I'm going to call you all the time, so you don't forget. Senator Gorzack.'* (Mikulski, 18)

В соответствии с занимаемым положением к героине обращается ее подчиненная: *Senator Gorzack*. Целью данного обращения является необходимость вернуть сенатору веру в себя, в то, что ее статус является более высоким.

Как отмечает В.И. Карасик, проявление языковых единиц, имеющих отношение к статусу, наиболее ярко заметно при нарушении дистанции, поскольку их адекватное употребление настолько привычно для всех носителей языка, что перестает замечаться [Карасик 1992]. Действительно, намеренное «занижение» регистра или его «завышение» сразу бросается в глаза.

Нарушения статуса-кво в языковом выражении статусных позиций участников коммуникативной ситуации происходит по двум направлениям. Во-первых, человек с более низким статусом может использовать средства выражения более высокого статуса, т. е. происходит «восходящее нарушение» – от низкого к высокому.

При подобном восходящем нарушении статусных соотношений на морфологическом уровне мы видим оценочные существительные с отрицательной оценкой, употребленные в отношении человека, занимающего более высокий статус:

(16) *'You are something else, Senator,' Milton finally hissed... 'Where the hell did you come up with that Norwegian nonsense? And while we are at it, why can't you play by the rules?'* (Mikulski, 137)

Также в таких случаях используются существительные, в чью семантику вхо-

дит значение «осуществлять контроль, проверять, советовать».

(17) *'No, please, stop that. Senator! I want you to talk to the press! But only when you have something to say. And after you've run it by me first. To get my input. My counsel.'* (Mikulski, 126)

При «восходящем нарушении» используется большое количество синтаксических средств. К ним относятся различные повелительные конструкции.

В примере (17) секретарь сенатора использует побудительное предложение *stop that* и предложение смешанного коммуникативного типа с повелительной ремой (косвенный речевой акт) *I want you to talk to the press!*

(18) *The butler made to go in thinking to retrieve the infant but the missus raised her finger and hissed, 'Don't you dare!' He was so startled that he obeyed* (Setterfield: URL).

Дворецкий, занимающий более высокий статус, чем экономка, тем не менее, слушается, когда она использует нехарактерный для ее статуса тон *hissed* и жест *raised her finger*, а также, усиленную повелительную конструкцию *Don't you dare!*, в которой к тому же употребляется модальный глагол *dare*.

В другом примере в номер, заселенный молодыми белыми людьми, входит негр – служащий отеля, и приказывает отпустить девушку, что очень не нравится юнцам:

(19) *A young Negro was entering. He took the situation in at once and said sharply, 'Let the young lady go.'*

'Take a look, fellas,' Dixon said. 'Take a look at who's giving orders.' (Hailey (a), 43)

Использование негром-служгой повелительной конструкции *Let the young lady go* показывает, что он повышает свой статус, для того, чтобы спасти девушку.

Вокативы являются следующей группой синтаксических средств, с помощью которых происходит «повышение статуса».

Это может быть намеренное использование неправильного титула или обращения.

(20) *'A little careless habit like that, Duke – look at the mess it gets you in...'* (Hailey (a), 128).

Возможно также использование имени собственного вместо подходящего ситуации обращения.

(21) *'Thank you, Harold. At a time like that, one is never sure exactly what is best. The only thing certain is that someone must exercise leadership.'* (Hailey (b), 10)

Вместо официального обращения к одному из директоров – членов правления банка, вице-президент Роско Хейворд использует имя собственное *Harold*, желая тем самым показать, что его статус немногим отличается, если не равный статусу собеседника.

Использование имени собственного может быть вызвано не столько намерением повысить свой статус, сколько желанием сблизить дистанцию за счет перехода из официального регистра в фамильярный, как это происходит в следующем примере.

(22) *We did more pictures and were just wrapping up when a half-dozen Viet vets, all wearing fatigues, arrived with a lot of cheering and clapping.*

'Hey, Norie,' one said, sweeping me up in an unsenatorial-style hug. 'Now we know we've got another real friend on the Hill.' (Mikulski, 13)

Ветераны Вьетнамской войны обращаются к сенатору Элеаноре Горзак, используя производное от ее имени *Norie*, которое употребляют только близкие и друзья, да еще обнимают ее, чтобы показать, что рады еще одному политику, отстаивающему их интересы в Сенате. В их намерение не входило повысить свой статус и приравнять его со статусом сенатора, скорее, им хотелось продемонстрировать, что они видят в сенаторе своего друга.

Во-вторых, человек с более высоким статусом может намеренно занижать свой статус, т. е. происходит «нисходящее

нарушение». Происходит добровольный переход из официального регистра в неофициальный регистр и, как следствие, сближение дистанции. Коммуникативной задачей в таком случае является установление дружеского контакта с собеседником, отход от официальных титулов для достижения определенной коммуникативной цели.

Из морфологических средств, маркирующих выражение подобного нисходящего нарушения, основным является использование лексических единиц со значением «неформальности».

(23) *Ben Rosselli waved a hand to the others. 'This is informal. Won't take long. If you like, pull chairs around. Ah, thank you.'* (Hailey (b), 5)

В противоположность описываемой выше оппозиции личных местоимений 'I :: we', здесь мы встречаем употребление местоимения *we*, использование которого призвано сблизить дистанцию между собеседниками, создать атмосферу доверия.

(24) *'Mrs Nuñez, please stay.'*

When the others were out of hearing Edwina said with deliberate informality, 'Juanita, I thought this might be a moment for us to talk frankly to each other, perhaps as friends.' (Hailey (b), 38)

Эдвина использует местоимение *we* для того, чтобы убрать дистанцию, существующую между топ-менеджером банка и рядовой сотрудницей, показать, что Эдвина хочет по-дружески помочь Хуаните, разговорить девушку, вызвать ее на откровенность и, в конце концов, уговорить признаться в совершении приписываемой ей кражи.

К синтаксическим средствам выражения нисходящего нарушения соотношения статусов говорящих можно отнести использование неполных конструкций, как в примере (23), где президент банка Бен Роселли, обращаясь к своим сотрудникам и желая подчеркнуть неформальность обстановки, использует эллиптическую конструкцию *Won't take long* – признак нефор-

мального регистра. Контрастный переход на более вежливый вариант речи также используется с этой целью.

(25) *Green eyes looked at me with something like a plea. 'Miss Lea, **won't you please sit down,**' said a voice shaking, a voice that was and was not Vida Winter's* (Setterfield: URL).

Непривычное в устах резкой и властной писательницы Виды Уинтер, до сих пор использовавшей в разговоре исключительно повелительные конструкции, вежливое выражение просьбы, выраженной с помощью смешанного коммуникативного типа предложения, изменяет соотношение статусов в этой ситуации, снижая статус самой Виды и поднимая статус девушки, способной теперь управлять самой Видой Уинтер.

Вокатив также используется для добровольного понижения статуса. Переход на использование личного имени – необходимый шаг для установления дружеских отношений. Статусные отношения при этом не нивелируются полностью, поскольку ситуация общения не меняется – это по-прежнему разговоры в деловой обстановке, а не семейная или дружеская неформальная беседа.

(26) *'Hilda! Senator Mendelssohn. Oh, it's you.'*

'It usually is. Drop the 'senator'. 'Hilda' is perfect. So glad to run into you. You're settling in? So sorry I missed the swearing-in.' (Mikulski, 42)

На неформальность регистра и близкую дистанцию в диктее указывают также эллиптические предложения и разрешение на использование имени *Hilda* вместо *Senator Mendelssohn*.

(27) *'I understand how busy you are, Senator.'*

'Call me Phil, Norie. We're all working for the same goals, here in the majority side of the aisle.' (Mikulski, 36)

Сенатор Фил Фокс разрешает Сенатору Элеанор Горзак обращаться к нему по имени, чтобы немного «растопить лед».

Рассмотрим, как различные средства комбинируются, и как статусные соотношения реализуются на текстовом уровне:

(28) *'Now then,' he said. 'You two **was** in that **h't-'n-run.**'*

'What are you talking about?'

'Don't play games, Lady. This is for real.'

*'What you are suggesting is **the most disgusting, ridiculous...**'*

*'I told you – **cut it out!**'... 'You listen to me, your **high-an'-mightiness.** This city's burning mad ...'* (Hailey (a), 125-126).

Говорящие принадлежат к разным слоям общества – аристократка, герцогиня Крейдон, чей статус, по рождению, выше, чем у ее собеседника – частного детектива из «простых». В данной диктее употребляются средства, относящиеся к разным уровням языка – фонетическому, морфологическому синтаксическому. О различии статусов свидетельствуют фонетические признаки – использование полных форм герцогиней и редуцированных сыщиком, лексические – герцогиня пользуется оценочной лексикой, сыщик употребляет разговорную, грамматические – синтаксически правильные – конструкции речи герцогини противопоставляются неправильным конструкциям сыщика. Однако герцогине не удается удержать соотношение статусов – сыщик намеренно нарушает повышенный регистр, используя несоответствующую статусу графини форму обращения *Lady*, вместо привычного и положенного *Your Grace* и далее саркастическое *high-an'-mightiness*. Более того, в процессе разговора сыщик использует повелительные конструкции, которые, скорее, ожидалось от герцогини, и прибегает к оппозиции личных местоимений. Это нарушение регистра необходимо сыщику для достижения своей цели – сбить природную спесь с собеседницы и заставить ее действовать угодным ему образом.

Как мы видим, средства демонстрации своего изначально более высокого статуса соответствуют тем, что используются в случае восходящего нарушения соотношения статусов. Таким образом, независимо от того, является ли говорящий носите-

лем статуса как совокупности постоянных признаков или временных, употребление рассматриваемых средств выражения статуса обуславливается лишь желанием и волей говорящего показать свой реально более высокий статус или присвоить его для решения конкретной коммуникативной задачи.

Библиографический список

1. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2000. – 450 с.
2. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
3. Швейцер, А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 5. – С. 39–48.
4. [НФС] Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. – Минск, 2009. – 1280 с.
5. [СЛТ] Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и дополн. – Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Hailey, A. (a) The Hotel / A. Hailey. – Pan Books LTD. – London, Cavaye Place, London, 1965. – 413 p.
2. Hailey, A. (b) The Moneychangers / A. Hailey. – Bantam Books. USA, 1979. – 500 p.
3. Mikulski, B. Capitol Offense / B. Mikulski, M. Oates. – Signet, Penguin Books, USA, 1999. – 413 p.
4. Ransom, D. Sweet Texas Dreams / D. Ransom. – Zebra Books. – Kensington Publishing Corp., USA, 1996. – 348 p.
5. Setterfield, D. The Thirteenth Tale / D. Setterfield [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fictionbook.ru/ru/author/setterfield_diane/the_thirteenth_tale

УДК 81:1

ББК 81

И.П. Исаева
Бийск

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ

Ключевые слова: глубинное знание, наличное знание, ментальные репрезентации, языковые репрезентации.

Key words: deep knowledge, actual knowledge, mental representations, language representations.

Обращаясь к описанию когнитивной активности человека, реализуемой в плоскости ментальных пространств и материализуемой в языковых формах, необходимо четко осознавать вектор проводимого исследования. Интерпретация корпуса фактологии должна иметь целью не только лингвистическую экспланаторность заданного фрагмента языковой реальности, но и реализацию принципа о том, что «результат порождается исключительно причиной» (“The effect is contained entirely in the cause” [Fauconnier 1999: 99]).

Очевидно, что языковые формы сами по себе несут очень мало информации, но, безусловно, обладают мощным потенциа-

лом для раскрытия механизмов перехода глубинного знания в знание наличное.

По нашему мнению, глубинное знание представляет собой пласт структурированной информации, хранящейся в сознании и представляющей собой результат познавательной активности человека. Любая познавательная активность носит четко организованный характер, поскольку структурирование опыта и полученной информации как результатов интеракции с окружающей действительностью протекает в актах категоризации воспринятого. Категоризация предполагает «способность классифицировать явления, распределять их по разным группировкам и

классам», а, следовательно, делать вывод об идентичности и различии объектов [Кубрякова 2004: 463-464].

Глубинное знание содержится в сознании в виде ментальных репрезентаций. Ментальные репрезентации включают в себя «правила, концепты, образы и аналогии» [Thagard 2005: 4]. Они являются облигаторным условием для реализации познавательной деятельности с целью корректировки представлений об окружающей реальности и выработки новых межобъектных связей, поскольку «усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже обладает» [Павиленис 1983: 101].

Предполагается, что человек владеет набором особых ментальных процедур, которые используются им при оперировании ментальными репрезентациями [Thagard 2005: 5]. В целом, осознанное мышление протекает в виде обработки ментальных репрезентаций особыми процедурами, обладающими свойством автоматической обработки воспринимаемых данных. Так, например, арабская и римская традиции численного обозначения запускают различные механизмы оперирования ментальными репрезентациями идеи количества, что, в конечном итоге, результируется в разных алгоритмах выполнения арифметических действий (сравним деление CIV (104) на XXVI (26)) [Thagard 2005: 5].

Наличное знание представляет собой информацию, объективированную в некоем знаковом образовании. Применительно к языку, здесь, несомненно, имеется в виду явление репрезентативной индикации концептуальных структур знания посредством языковых форм. Таким образом, языковая репрезентация есть «отображение» или объективация в языковой форме ментальных репрезентаций как конструктов человеческого сознания. Иными словами, язык кодирует знания о мире, хранящие-

ся в сознании познающего субъекта. Язык «объективирует всю информацию, поступающую к человеку извне с помощью материальных знаков, обеспечивает все виды деятельности с информацией, либо давая обозначения её отдельным фрагментам, либо служа их аналитическим дескрипциям и их описанию» [Кубрякова 2012: 37].

Знания о мире, репрезентированные в ментальных конструктах и в языковых формах, представляют собой совокупность обобщенного опыта о фрагментах материального мира. Однако в данном случае вопрос о степени корреляции двух миров – мира познаваемого и мира познанного – остается открытым. Действительно, насколько соотносимы между собой *объективная* онтология бытия материального мира и *субъективный* психологизм перцептуального бытия индивида, и, в конечном итоге, какой собственно мир кодирует язык: «мир «как он есть» или мир нашей психики, мир, данный нам и постигаемый нами в прямом его непосредственном восприятии или же «пропущенный» через наше сознание и каким-то образом уже препарированный мозгом, рассудком, интеллектом» [Кубрякова 2004: 78]?

Ответ на поставленный вопрос лежит в плоскости философских рассуждений. Несомненно, любые языковые формы являются продуктами субъективными, поскольку их появление и функционирование неотъемлемо от фигуры творящего человека (язык не существует *вне* человека и *без* человека), а необходимость создания данных форм обусловлена индивидуально *субъективными* потребностями человека (например, необходимостью обобщения и передачи накопленного опыта в ходе эволюционного развития и т. п.).

Однако, даже если человек и выступает как мера всех вещей в «картировании» языкового пространства, то его физическое бытие неотделимо от существования других материальных систем. В этой связи спорным кажется утверждение о том, что

мир без человека «не имеет измерений – точнее, мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчета и мерой всего, в конечном итоге, является человек» [Кравченко 1996: 29]. Вероятно, мир как измеренная и расчлененная на фрагменты данность действительно существует только в человеческом сознании. Но нельзя отрицать, что прежде чем что-то выделить и описать, это нечто должно попасть в фокус восприятия человека в виде нерасчлененного информационного потока, провоцируя в сознании запуск механизмов аналитической обработки. Иными словами, некая нерасчлененная масса материи существует *независимо* и *вне* сознания человека.

Таким образом, анализируя область ментальных сущностей и их материальных репрезентантов, мы неизбежно приходим к вопросу о степени объективности связи между структурами реальности и их ментальными корреспондентами, фиксирующими результат актов познания. На наш взгляд, между субъективной ментальной реальностью, воссоздаваемой в сознании индивида в результате структурирования опыта собственной экзистенции, и собственно объективной реальностью существует промежуточное звено, определяемое нами как референциальная реальность. Действительно, «когда мы говорим о чем-то или мыслим что-то, это, как правило, сопровождается теми или иными образами: мы практически произвольно представляем себе предмет, о котором идет речь» [Лебедев, Черняк: URL]. Кроме того, «люди обозначают фактически не вещи (как заранее существующие объекты), а ощущения от них» [Кубрякова 2012: 72].

Постулируя каузальные связи между элементами мира, субъект познания воссоздает в сфере собственных ментальных представлений мир объектов, который он интерпретирует как объективно существующий и обладающий определенным набором топологических характеристик,

независимых от индивидуальных особенностей собственного восприятия. Однако в данном случае нет никаких доказательств, что воспринимаемый образ мира является тождественным коррелятом объективно существующей реальности.

Таким образом, референциальная реальность трактуется нами как сфера субсистенции объектов, выступающих в качестве референтов предметов / ситуаций реального мира. В пространстве указанной сферы происходит установление онтологических сходств и различий между характеристиками, определяющими те или иные виды сущностей.

Человек, будучи субъектом познания, постигает окружающий мир посредством осознанных, направленных на исследуемый объект актов. Результат акта познания частично фиксируется в визуальном воспринимаемом образе объекта – референте. Референт обладает рядом основополагающих характеристик, позволяющих дифференцировать его от других референтов, конституирующих пространство референциальной реальности. Сюда, помимо элементарных идентификационных признаков (размер, форма, цвет и т. п.), относятся черты, требующие установления иерархичности в системе (например, включенность объекта в систему взаимосвязанных элементов); а также характеристики каузальной связи между предметами, признаки устойчивости дескриптивных связей и т. п.

Указанные топологические черты референта формируют общую смысловую нагруженность предметного образа, что в дальнейшем закрепляется в конкретном значении, которое субъект познания отождествляет с наблюдаемым смысловым образом и номинирует посредством той или иной языковой формы.

Здесь, в свою очередь, возникает еще ряд частных вопросов об эпистемологической сущности связи между языковой формой и значением: как языковая форма

приобретает смысловую наполненность и как языковая форма, будучи фактом объективной настоящей действительности, может отсылать к уже или еще не существующим предметам или описывать не реальное, а гипотетически возможное положение вещей?

Решение указанных вопросов возможно с учетом изменения парадигмы лингвистического анализа. Лингвистика не должна быть «замкнутой и ограниченной областью изучения языка», она должна вносить «вклад в развитие и объясне-

ние общих черт процесса человеческого познания» [Fauconnier 1999: 124]. В этом смысле когнитивная парадигма исследования может способствовать решению поставленных вопросов, поскольку именно лингво-когнитивный анализ предполагает выявление соответствия между языковой формой и её когнитивным аналогом, определение круга причин «выбора или создания» определенной «упаковки» для заданного содержания [Кубрякова 2012: 33], а также выход на структуры знания, стоящие за языковыми формами.

Библиографический список

1. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
4. Лебедев, М. В., Черняк, А. З. Онтологические проблемы референции / М. В. Лебедев, А. З. Черняк [Электронный ресурс]. – URL: philosophy.ru/library/chern/01/02.html.
5. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 127 с.
6. Fauconnier, G. Methods and Generalizations / G. Fauconnier // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / ed. by Theo Janssen, Gisela Redeker. – Berlin ; New York : Mouton de Guyter, 1999. – pp. 95–127.
7. Thagard, P. Mind: Introduction to Cognitive Science / Paul Thagard. – 2nd ed. – Cambridge, Mass. : Bradford Book, 2005. – 280 p.

УДК 81'1.001
ББК 81.2

И.Ю. Колесов
Барнаул

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: ментальная репрезентация, когнитивное конструирование, языковая репрезентация концепта.

Key words: mental representation, cognitive construal, lingual representation of concepts.

Как известно, наиболее сложными и мощными системами репрезентации являются естественные языки. В общении при помощи языка значения выражаются (репрезентированы) в символической форме физическими явлениями – звуками речи или знаками письменности. В основании другого часто используемого типа репрезентации – визуально воспринимаемого изображения (например, иконические

или картиноподобные репрезентации типа фотографий, портретов, рисунков и т. п.) – лежит визуальное подобие (сходство) репрезентируемого и репрезентирующего. Поскольку разграничивают средство (vehicle) и содержание репрезентаций (mental content), то описание ментальных репрезентаций должно опираться на разграничение *репрезентирующих средств, их референтов* в мире и *отношений* между

первыми и вторыми. Как известно, отношение между некоторыми аргументами можно установить, зная и понимая сами аргументы, поэтому в проблеме ментальных репрезентаций важное место принадлежит *природе репрезентирующего средства*. Многие теоретики, преимущественно философского направления, считают, что более важным является *содержательный аспект* репрезентации, который не сводится к референции (например, понятие смысла у Фреге [Frege 1948; 1997]), либо *пропозиция*, которую репрезентация выражает.

Системы репрезентации обладают такими функциями, как сохранение информации, способной к постепенному исчезновению, или такой, к которой не имеется непосредственного доступа; наглядность актуальной, но не непосредственно воспринимаемой информации; ориентация, регулирование действий индивида; систематизация; сигнализирование, связанное с коммуникацией [Denis 1991: 25-27].

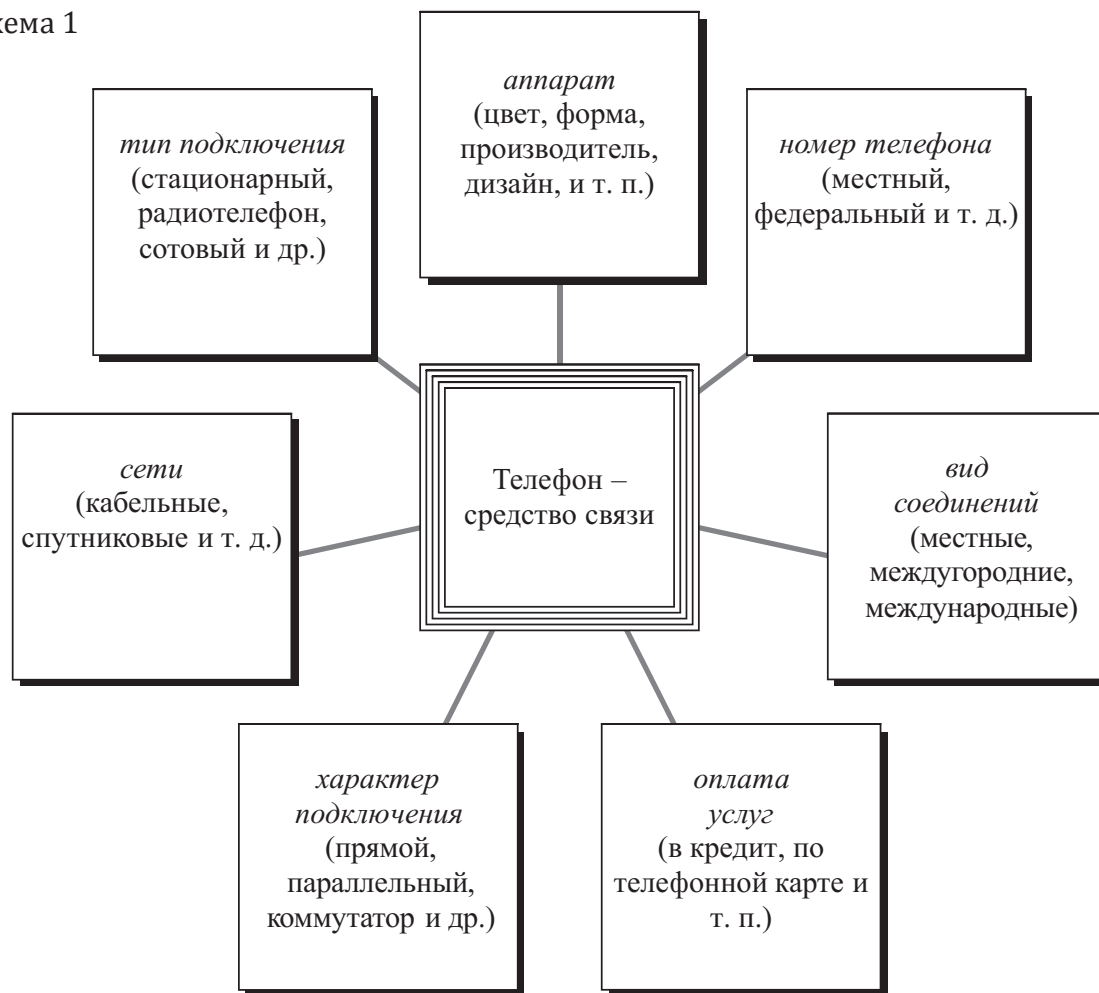
В ряде случаев наблюдается некоторое мотивационное отношение между видом репрезентации (картиноподобные, образно-схематичные, пропозициональные) и репрезентируемым ею предметом, свойством, событием и т. п. Имеются в виду различия в содержании или форме репрезентаций, мотивированные референтом, которыми выступают предметы, пространство, занимаемое предметами, события (действия), мыслимые с участием данных предметов и т. п., которые могут сказываться на форме (виде) репрезентаций. Например, *событие* может репрезентироваться схемой приложения / распределения сил (*войска разогнали бунтовщиков – бунтовщики разбежались; гадалка рассыпала карты по столу – дочь рассыпала сахар на столе, расставляя посуду*), схемой движения ОСНОВА–ПУТЬ–ЦЕЛЬ (*поезд прибыл на станцию; отправились мы не скоро; вот уже миновали перевал*). Предмет может репрезентироваться как схемати-

чески, указанием на действие, в котором он участвует, так и образно: *Мобильный телефон – это удобное современное средство для связи миллионов людей. Мне больше подойдет вот тот бежевый телефон в стиле ретро, он хорошо будет смотреться в нашей гостиной.*

Является ли связь между видом репрезентации и спецификой репрезентируемого постоянной, однозначно утверждать, скорее всего, не следует. Соответствующий вид репрезентации обуславливается, как представляется, не столько природой репрезентируемого, сколько глубиной и характером, направлением его осмысления. Сравним различную интерпретацию одного и того же референта в следующих репрезентациях: *мобильный телефон* (современное средство связи – репрезентация ТЕХНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО), *бежевый телефон* (внешний вид аппарата – репрезентация ПРЕДМЕТ), *телефон опять подорожал* (пользование услугами связи – репрезентация ОПЛАТА УСЛУГИ), *параллельный (спаренный или прямой) телефон* (характер подключения к телефонным сетям – репрезентация ПОДКЛЮЧЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ), *телефон горячей линии* (телефонный номер – репрезентация АБОНЕНТ) и т. п. По существу различия между репрезентациями пролегают по линиям разграничения слотов во фреймовой структуре концепта (см. Схему 1.)

На характере репрезентации, несомненно, сказывается разграничение в плане конкретности или абстрактности референта: чем более конкретно отображаемое, тем больше осмыслений можно допустить при ее метальной репрезентации (см. примеры о телефоне, включающие как «предметные» репрезентации – *бежевый телефон*, так и «абстрактные» – *телефон подорожал*). Абстрактные сущности могут иметь репрезентации, схожие с предметными, и наоборот, предметные осмысляются в формате абстрактных репрезентаций.

Схема 1

Фреймовая модель структуры концепта 'телефон'

В следующих примерах семантизации концепта 'view' в употреблении существительного *view* различаются репрезентации трех видов:

1) репрезентация предметного заполнения пространства – ландшафта:

Everything within his view was lovely and placid. The rich foliage of the trees, the luxuriant grass diversified with wild flowers, the little green islands in the river, the beds of rushes, the water-lilies floating on the surface of the stream... (Ch. Dickens).

And when, one day, from the top of the Talfourd Hill, he beheld the sea lying open to his view, his eyes roamed afar, lost in an air of wild surprise, as though he had never seen such a sight before (J. Conrad).

2) репрезентация ментального пространства мнения (точки зрения):

His view about reading for pleasure, however, was that such stories should be easy – that the writer should do everything except move your eyes back and forth for you. If not, how much pleasure could there be in it (S. King).

In Annie's view all the people in the world were divided into three groups: brats, poor poor things . . . and Annie (S. King).

3) метафорическая репрезентация личного пространства как ландшафтного пространства:

Flagg advised him to take a wife soon, and never mind waiting for a lady of noble birth who would take his fancy. If such a lady had not come into view by the time a man was fifty, Flagg pointed out, she probably never would (S. King).

Несомненно, что природа вещи определяет ее использование, и возможных репрезентаций какого-либо предмета столь-

ко, какое количество его «измерений» – т. е. способов концептуализации, допускается при его осмыслении. Например, концепт *МОТНЕР* в современном английском языке, как показал Дж. Лакофф, представлен репрезентациями, имеющими в своем основании различные модели: *модель рождения* (мать – это женщина, родившая ребенка), *генетическая модель* (матерью является женщина, вложившая генетический материал), *модель воспитания* (взрослая женщина, вырастившая и воспитавшая ребенка), *супружеская модель* (жена отца является матерью), *генеалогическая модель* (ближайший родственник женского пола по восходящей линии). Эти модели объединяются в кластерную модель, составленную, т. о., из нескольких когнитивных моделей [Лакофф 2004: 99-110].

Предметом речи может стать как любой воспринимаемый (зрительно, аудиально, и т. п.) предмет, так и *ментальные* «предметы», предметы осмысляемые и актуально не воспринимаемые – представления о том, что было воспринято или сказано кем-то ранее. Центральной гипотезой когнитивной семантики выступает идея принципиального единства формы хранящихся в памяти «следов» воспринимаемых событий или объектов и значения слов [Gärdenfors 1999; Jackendoff 1983; 1988]. В противоположность гипотезе «языка мысли» Дж. Фодора, в когнитивной семантике ментальные структуры – концептуализации – рассматриваются в качестве значений языковых выражений [Jackendoff 1994; Evans 2007]. В отдельных теориях концептуальные схемы, репрезентирующие значения, рассматриваются не как символичные системы, обладающие синтаксической структурой, а как основанные на геометрических или пространственных построениях (гипотеза «геометрии мышления» П. Гёрденфорса [Gärdenfors 2000]).

По своей связи с тем, что активировано в сознании воспринимаемой ситуацией,

репрезентации могут также не совпадать: различают репрезентации *актуальные*, вызываемые воспринимаемой ситуацией, «триггерные» (*cued*), и *обособленные*, отделенные от нее (*detached*). Данное различие проходит по линии демаркации долговременной и кратковременной памяти. Актуальные репрезентации (*cued*) замещают нечто, имеющееся в данный момент во внешней по отношению к репрезентатору среде, обособленные репрезентации (*detached*) могут замещать объекты или события, которые не вызваны никакой актуальной ситуацией [Gärdenfors 1995]. Так, один и тот же объект либо событие могут иметь репрезентации разных видов – ситуативно-актуальные и обособленные, образно-картино-подобные и схематичные, абстрактные. Например в предложении *Идет дождь* заключена актуальная образная репрезентация – репрезентируется *природная стихия*. А в предложении *Я опоздал из-за дождя* – та же природная стихия репрезентирована как *причина опоздания*, следовательно, в момент речи (концептуализации) дождь может и не идти, т. е. может уже составлять более схематичную репрезентацию. Содержательно в данном случае, репрезентации не различаются, но они отличны по линии конкретности-обобщенности своей активации в сознании при произнесении (восприятии) данных высказываний. В высказывании *Я опоздал из-за дождя* отражается *знание* о дожде как причине приостановки или замедления деятельности людей. В таком случае правомерно в концептуализации разграничивать *экспериенциально-оценочное* содержание, более конкретное и окрашенное личным опытом индивида, и *эпистемический* компонент, подобно тому, как в концепте можно выделить наряду с понятийным содержанием, образное, оценочное, эмоциональное, индивидуально-личностное.

Структуризация ментальных репрезентаций, их организация, придание им того или иного вида есть результат создания

ментальных моделей и когнитивного конструирования (construal). Ментальные модели, которые упорядочивают знание посредством своих структур, Дж. Лакофф называет *идеализированными когнитивными моделями (ИКМ)*, каждая из которых является комплексным структурированным целым, гештальтом, в котором используются следующие типы структурирующих принципов: а) пропозициональная структура как во фреймах Ч. Филлмора, б) образно-схематическая структура как в когнитивной грамматике Р. Ленекера, в) метафорическое отображение (mapping), и г) метонимическое отображение (mapping) у Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф 2004: 99]. Дж. Лакофф рассматривает ИКМ на материале различных языков, однако, представив теоретико-философские следствия своей концепции, он не предлагает какой-либо лингвистической методологии выявления когнитивных моделей кроме интроспективного приема семантической интерпретации, основанной на употреблении языковых единиц в определенном языковом или коммуникативном контексте.

Учитывая сказанное, считаем, что важным для когнитивного изучения языка представляется то, *как именно языковая форма указывает на характер репрезентации*, поскольку на этом может строиться понимание связи между концептуальной структурой и языковыми формами. Есть ли адекватные лингвистические модели для описания данного соотношения – такой вопрос ставится в работах К. Фишер [Fischer 2000; 2003], в которых аргументируется, что для идентификации репрезентаций при их языковом воплощении требуются совершенно специфические методы, в отличие от тех, которые применяются в экспериментальных условиях психологами.

Каким образом ментальные репрезентации управляют порождением языковых феноменов (linguistic output) можно

представить на основании изучения того, как структурируется когнитивный опыт и репрезентируется информация о мире, например, о расположении объектов в помещении или движении некоего субъекта в пространстве с точки зрения языковых следствий репрезентаций такого рода. Можно предположить, что от того, как ментально репрезентированы пространственные конфигурации, например, комнаты с помещенными в них объектами, зависит то, как о них будут говорить общающиеся на языке субъекты. Естественно, что данные о ментальных состояниях в головах говорящих может предоставить психология, а в отношении языка – психолингвистика и когнитивная лингвистика, в связи с чем данный вопрос может проясниться в результате соответствующих экспериментов. Однако в имеющихся психологических работах пока не достигнуто общего мнения о том, каким образом строится тот или иной вид репрезентаций в свободной от ограничений ситуации (т. е. вне экспериментальных условий), и какие мотивации избираются субъектами при выборе из доступных им стратегий построения языковых выражений либо развертывания дискурса [Fisher 2003].

Экспериментальная психология и психолингвистика предоставили огромное количество эмпирических данных о способах хранения знания, например, пространственных представлений (пространственных концептов). Одним из видов репрезентации пространственных отношений являются, например, ментальные модели Ф. Джонсона-Лэрда, аналогичные мыслимым диаграммам состояний дел, они исчислимы, конечны, экономны, а их внутренняя структура соответствует репрезентируемым ситуациям [Habel 1997; 2000; Rickheit 1999].

Однако нельзя согласиться с тем, что мышление о пространстве базируется исключительно на ментальных моделях (например, на фреймах М. Минского [Minsky

1977]). По данным, приводимым в работе М. Робертса и Э. Ньютон [Roberts 2001], у испытуемых выявлялись стратегии, указывающие на значительно различающиеся виды репрезентаций пространства. В наблюдении за ситуативным дискурсом становится также очевидно, что концептуализации ситуации участниками коммуникации могут существенно различаться, и данные различия отражены явным образом в языковом воплощении репрезентируемых ситуаций. На этом основании можно судить, что структура отраженной ситуации также определяется и способом ее ментальной репрезентации говорящими субъектами [Fisher 2000]. Проблема, таким образом, заключается не только в том, что, как полагают, имеется целый ряд видов ментальных репрезентаций, но и в том, что возможны *различные стратегии*

их использования в зависимости от того, как говорящий концептуализирует структуру ситуации. Это требует непосредственного внимания к дискурсивным реализациям ситуаций с тем, чтобы увидеть, как в них «использованы» различные вариации концептуализации ситуаций внешнего мира. Не последнюю роль играет позиция самого наблюдателя и то, как наблюдатель ее учитывает при ментальной репрезентации наблюдаемого пространства – включает ли он «точку отсчета» в *свое* ментальное пространство. В случае ориентации на наблюдателя, репрезентация характеризуется как в большой степени эгоцентрическая, т. е. отражающая позицию наблюдателя в реальном топохроносе (пространственно-временном континууме) и формирующая пространство наблюдателя.

Библиографический список

1. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Denis, M. Image and Cognition / M. Denis. – N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 1991.
3. Evans, V. The Cognitive Linguistics Enterprise: An Overview / V. Evans, B. K. Bergen, J. Zinken // The Cognitive Linguistics Reader. – London, 2007. – P. 12–86.
4. Fischer, K. Linguistic Methods for Investigating Concepts in Use / K. Fisher // Stolz T., Kolbe K. (Eds.). Methodologie in der Linguistik. – Frankfurt a. M., 2003. – P. 39–62.
5. Fischer, K. What Is a Situation? / K. Fisher // Proceedings of GötaLog 2000, Fourth Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue, Göteborg University. – 15–17 June 2000. – Gothenburg Papers in Computational Linguistics. – 2000. – Vol. 5. – P. 85–92.
6. Frege, G. On 'Sinn' and 'Bedeutung' // Beaney M. (Ed.). The Frege Reader. – Oxford (UK); Cambridge, MA, 1997. – P. 151–171.
7. Frege, G. Sense and Reference // The Philosophical Review. – 1948. – Vol. 57. – P. 207–230.
8. Gärdenfors, P. Language and the Evolution of Cognition / P. Gärdenfors / Lund University Cognitive Studies – LUCS. – Lund, 1995. – [Электронный ресурс]. – URL: www.lucs.lu.se/ftp/pub/LUCS_Studies/LUCS41.ps
9. Gärdenfors, P. Some Tenets of Cognitive Semantics / P. Gärdenfors // Allwood J., Gärdenfors P. (Eds.). Cognitive Semantics: Meaning and Cognition. – Amsterdam, 1999. – P. 19–36.
10. Gärdenfors, P. Conceptual Spaces: the Geometry of Thought / P. Gärdenfors. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
11. Habel, C. Einleitung: Räumliche Konzepte und sprachliche Strukturen – Eine Einleitung / C. Habel, C. von Stutterheim // Habel C., Stutterheim C. von. Räumliche Konzepte und sprachliche Strukturen / Linguistische Arbeiten 417. – Tübingen, 2000. – P. 1–8.
12. Habel, C. Abstract Structures in Spatial Cognition / C. Habel, C. Eschenbach // Freksa C., Jantzen M., Valk R. (Eds.). Foundations of Computer Science: Potential – Theory – Cognition. – Berlin, 1997. – P. 369–378.
13. Jackendoff, R. S. Conceptual Semantics / R. Jackendoff // Eco U., Santambrogio M., Violi P. (Eds.). Meaning and Mental Representations. Bloomington, 1988. – P. 81–97.
14. Jackendoff, R. S. Patterns in the Mind: Language and Human Nature / R. Jackendoff. – N.Y.: Basic Books, 1994.
15. Minsky, M. L. A Framework for Representing Knowledge / M. L. Minsky // Winston P. H. (Ed.). The Psychology of Computer Vision. – N.Y., 1977. – P. 211–277.
16. Rickheit, G. Mental Models in Discourse Processing and Reasoning / G. Rickheit, C. Habel (Eds.). – Amsterdam, New York: North-Holland, 1999.
17. Roberts, M. J. Understanding Strategy Selection / M. J. Roberts, E. J. Newton // International Journal of Human-Computer Studies. – 2001. – Vol. 54. – P. 137–154.

УДК 81+81.111
ББК 81.0+81.43Англ.

М.Ю. Лопатина, С.В. Шелкова
Барнаул

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА КАК СИСТЕМЫ

Ключевые слова: система, языковые изменения, языковые вариации, внешние факторы языковых изменений, внутренние факторы языковых изменений.

Key words: system, language changes, language variations, external factors of language changes, internal factors of language changes.

В современном философском понимании объективный мир представляет собой систему систем, элементы которой находятся во взаимодействии и взаимообусловленности [Аверьянов 1974: 35, Свидерский 1983: 73].

Система определяется как множество элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, которое образует определенную целостность, единство [ФС 1991: 365].

Каждая система характеризуется своими элементами, подсистемами, уровнями, состояниями и законами поведения. Структура системы – это ее внутреннее строение, определяющее состав системы [Костюк 1993: 13]; способ связи элементов, выражающий их непосредственную зависимость и взаимозависимость [Свидерский 1983: 46]. Структура системы предполагает обязательную бинарность: необходимы по крайней мере два составляющих для её существования [Гийом 1992: 105].

Согласно закону функциональной эволюции и целостности [Моросанов 1996: 104-106], любая система способна претерпевать изменения, сохраняя себя. Каждая система на протяжении своего существования находится в состоянии непрерывного изменения, или, используя базовое понятие синергетики (термин Г. Хакена), самоорганизации. Отмечается, что направленность процессов самоорганизации детерминируется внутренними свойствами объектов (подсистем) в их индивидуальном и коллективном проявлении, а также воздействиями со стороны

среды, в которую «погружена» система [Хакен 1980].

Одна система может преобразоваться в другую при сохранении одних и тех же элементов. Причины преобразований, происходящих в системе, заключаются в ослаблении и видоизменении признака (признаков) отдельных предметов или элементов и их связи с остальными элементами, функционирующими по-прежнему в системе. Осуществляется процесс уменьшения количества старых элементов и накопления новых, обладающих новым способом взаимодействия с уже изменившимися элементами. Таким образом, разрушается одна система и возникает другая [Аверьянов 1974: 60].

Вышеупомянутые законы существования систем применимы и к языку, также представляющему собой систему.

Живой язык как динамическое явление развивается вместе с людьми, которые говорят на нем. Все процессы, происходящие в обществе носителей языка, находят свое отражение в языке данного социума. Однако языковые изменения происходят медленно и постепенно, а сам процесс преобразования представляется наиболее сложным для исследования.

Языковое изменение начинается с языковых вариаций, то есть с появления иных единиц, синонимичных по своей семантике уже существующим в языке. Накопление новых средств выражения, например, одного и того же значения служит «сырьем» для предстоящих изменений [Рас-торгуева 2003: 19].

Так, например, в древнеанглийском языке глагольная форма простого прошедшего времени имела широкую сферу употребления и выражала не только повторяющиеся, однократные действия, но и действия, происходящие в определенный момент в прошлом, а также действия, завершённые к определенному моменту в настоящем или прошлом.

Обратимся к примерам.

(1) *And manega tozædere cōmon and hē tō heom spræc.* («И многие шли вместе, и он им говорил.») [Иванова, Беляева 1980: 17].

В примере (1) глаголы в форме простого прошедшего времени *cōmon* и *spræc* передают действия, происходящие в определённый момент в прошлом.

(2) ... *þæt hīe zedydon æt ... zeweorce ...* («Они добрались до крепости.») [Иванова, Беляева 1980: 3].

В примере (2) глагольная форма простого прошедшего времени *zedydon* выражает законченное действие в прошлом. Формальным маркером завершенности является префикс *ze-*.

Кроме того, для актуализации завершенного действия в древнеанглийский период используется сочетание глагола *habban* + причастие II, как например:

(3) *Hē hæfde þā stafas awritene.* («Он написал те письма.») [Иванова, Чахоян 1976: 177]

(4) *Æfter þæm þe hē hīe oferwunnen hæfde ...* («После того, как он их завоевал ...») [Иванова 2006: 380]

В дальнейшем синтаксическое сочетание *habban* + причастие II стало общепотребительным для описания предшествования, что привело к оформлению грамматической категории временной отнесенности с оппозицией Perfect : Non-Perfect.

Языковые вариации обнаруживаются в языке на каждом этапе его развития, а их появление связано с двумя главными факторами, обусловленными диалектически: тенденцией исторического развития языка и функциональной дифференциацией языка.

Соответственно, выделяются два вида факторов, влияющих на развитие языка: внешние (экстралингвистические) и внутренние (собственно языковые) [Расторгуева 2003: 22, Ильиш 1968: 16, Аракин 2011: 16-17].

Экстралингвистические или внеязыковые факторы отражают влияние разных сфер жизни (культуры, религии, общественного строя и т. п.) на развитие языка.

Так, предполагается, что первый перебой согласных и изменения в системе ударения в германских языках вызваны событиями в общественной жизни племён, говоривших на германских языках (теория субстрата). (Есть и иные толкования причин данного феномена. Так, например, по мнению польского лингвиста Е. Куриловича, первый перебой согласных произошёл в силу фонетических изменений в самой языковой системе, вызванных требованием наличия более четких дифференциальных признаков у фонемы в любом фонетическом окружении [Kurylowicz 1960: 240-247]). Германские языки появились как результат завоевания тевтонцев племенами, говорящими на индоевропейских языках. Покорённые племена усвоили язык победителей, но, усваивая его, внесли в него некоторые произносительные привычки, свойственные языку, на котором они говорили ранее. Произносительные привычки отразились в германских языках, возникших в результате этого смешения [Ильиш 1968: 30], в силу «запаздывания артикуляции голосовых связок по сравнению с артикуляцией губ и языка» [Мейе 2003: 39].

Внутриязыковые факторы манифестируют различные тенденции языковых изменений [Расторгуева 2003: 22].

Во-первых, тенденция к выражению различных значений разными формами. Например, замещение древнеанглийского личного местоимения женского рода третьего лица единственного числа *hēo* новым местоимением *shē* актуализировалось в силу элиминации грамматической

омонимии. В среднеанглийском периоде *hēo* совпало с *hē*, местоимением мужского рода. Другой пример. В древнеанглийском языке было два глагола с синонимичным значением «умирать» – *steorfan* и *sweltan*. После заимствования скандинавского глагола *deyia* (современный глагол ‘die’ со значением «умирать») слово *sweltan* вышло из употребления, сохраняясь лишь в диалектах, в то время как глагол *steorfan* (‘starve’) сузил своё значение, поскольку в основном употреблялся в речи носителей языка в сочетании с существительным ‘hunger’. Лексическое значение данного глагола преобразовалось сначала в «умирать от голода», а затем – в «морить голодом» [Аракин 1955: 291].

Во-вторых, тенденция к выражению одинаковых значений одной формой. Например, распространение флексии множественного числа существительных -(e)s на большинство существительных, имевших в древнеанглийском периоде разные грамматические окончания.

В-третьих, тенденция к устранению форм, утративших свою исконную функцию или имеющих малую семантическую нагрузку. Например, отмирание грамматической категории рода у существительных в среднеанглийском периоде вследствие исчезновения морфологических признаков рода у прилагательных и указательных местоимений. Последние согласовывались с существительными в числе, падеже и роде, поддерживая тем самым существование данной категории.

Системный подход к анализу становления языковых категорий в диахронии детерминирует решение поставленной в связи с этим задачи о понимании эволюции языка, причинах и условиях языковых

изменений. Главной причиной изменений, происходящих в языке, является взаимозависимость экстралингвистических и собственно лингвистических факторов на всех уровнях языковой системы. Проиллюстрируем сказанное на примере развития морфологии имени существительного. В древнеанглийский период племенных диалектов имена существительные обладали грамматическими категориями числа, падежа, рода и разветвлённой системой склонений. Начало среднеанглийского периода характеризуется наличием большого числа региональных (местных) диалектов, появление которых было вызвано географическими, экономическими, социальными причинами, а именно становлением феодализма, а также историческими событиями этого периода – скандинавскими нашествиями и нормандским завоеванием. Затруднение процесса коммуникации привело в итоге к реорганизации и упрощению морфологии существительного: количество падежей сократилось с четырёх до двух. Данное изменение в диахронии манифестируется на всех уровнях английской языковой системы. Фонетическая редукция и унификация падежных окончаний в Средневековье объективируют стабилизацию порядка слов.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что язык является динамично развивающейся системой. Движущие силы, определяющие направление эволюции языка, состоят из оппозиций, заключающихся, с одной стороны, в растущей потребности человека к общению в социуме, с другой стороны, представляющих язык как средство коммуникации. Доминантой развития языка является изменение мировоззрения человека, его творца.

Библиографический список

1. Аверьянов, А. Н. Категория «Система» в диалектическом материализме / А. Н. Аверьянов. – М. : Мысль, 1974. – 70 с.
2. Аракин, В. Д. История английского языка : учеб. пособие / В. Д. Аракин; под ред. М. Д. Резвевой. – Изд. 3-е, испр. – М. : Физматлит, 2011. – 304 с.
3. Аракин, В. Д. Очерки по истории английского языка : пособие для преподавателей английского языка / В. Д. Аракин; под ред. М. И. Перпер. – М. : Госуд. уч.-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1955. – 316 с.
4. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; под общ. ред.

- Л. М. Скределиной. – М. : Прогресс, 1992. – 218 с.
- Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. – М. : Высшая школа, 1968. – 419 с.
  - Костюк, В. Н. Изменяющиеся системы / В. Н. Костюк. – М. : Наука, 1993. – 352 с.
  - Мейе, А. Основные особенности германской группы языков. Пер. с фр. / Антуан Мейе. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 168 с.
  - Моросанов, И. С. Первый и второй законы теории систем / И. С. Моросанов // Системные исследования. Методологические проблемы : Ежегодник 1992-1994. – М., 1996. – С. 97-114.
  - Расторгуева, Т. А. История английского языка: учебник / Т. А. Расторгуева. Изд. 2-е, стер. – М. : Астрель, 2003. – 348 с.
  - Свидерский, В. И. О диалектике отношений / В. И. Свидерский – Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. – 137 с.
  - Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.
  - Kurylowicz, E. Lesens des mutations consonantiques / E. Kurylowicz // В сб. статей «Esquisses linguistiques». – Wrocław, 1960. – p. 240-247.
  - [ФС] Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – Изд. 6-е. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.

Список источников иллюстративного материала

- Иванова И. П., Беляева Т. М. Хрестоматия по истории английского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103 «Иностр. яз.» / И. П. Иванова, Т. М. Беляева. – Л. : Просвещение, 1980. – 191 с.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка : учебник / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян. – М. : «Высшая школа», 1976. – 319 с.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева, Т. М. История английского языка : учебник / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – Изд. 3-е, перераб. – СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2006. – 560 с.

УДК 81'42

ББК 80.9+81.055

И.Г. Серова
Барнаул

КОНТРАСТ КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ

Ключевые слова: контраст, литературный приём, Э. Манро, эмоциональное воздействие.

Key words: contrast, poetic device, Alice Munro, emotional impact.

Вопросы восприятия действительности и его отображения в языке давно и широко обсуждаются лингвистами. Как известно, мнения говорящих относительно одного и того же события, явления или характеристики могут интерпретироваться по-разному. «Люди думают, что они общаются друг с другом на уровне правды, которая, однако, у каждого из них своя» [Шаховский 2005: 133]. Сопоставление и противопоставление фактов и мнений приводит к определённым умозаключениям и, если они значительно отличаются от собственных убеждений, возникает контраст. Необходимым условием для появления контраста на уровне понимания текста служит уровень общеизвестных истин, понятий, социально-признанных ценно-

стей, стереотипов и ожиданий. Восприятие одного и того же события или понятия становится контрастным под определённым углом зрения. Герои произведения, а вслед за ними и читатели, формируют свое отношение к проблеме, опираясь на свой жизненный опыт, систему ценностей и верований.

Контраст как литературный прием есть словесно-художественное отражение в тексте конфликтов и противоречий реальной действительности. Описание резко выраженной противоположности свойств человеческого характера, предмета или явления оказывает определенное эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя. Контраст создается языковыми средствами разного уровня, которые об-

ладают экспрессивностью. И.В. Арнольд под экспрессивностью понимает «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть, образным» [Арнольд 2002: 158]. Сложная и разнообразная система художественных средств, являющаяся непосредственным отражением познания человеком мира через соотношение противоположностей, позволяет говорить о поэтике контраста.

В этой связи интересным для анализа представляется рассказ известной канадской писательницы Элис Манро “The Progress of Love”. Автор, убеждает читателя, что восприятие действительности субъективно, описывая воспоминания детства двух сестёр, которые абсолютно противоположно относятся к попытке самоубийства своей матери. Всё, что девочки знали о своей матери, основано на их воображении, их воспоминания искажают действительность, лишая обеих возможности понять и полюбить друг друга.

Рассказ начинается с печальной для героини (Фэйм) новости о смерти матери, что заставляет её вспомнить своё детство, родителей, их взаимоотношения. Нежность, трогательность и искренность их непростой жизни приводит её к осознанию главных ценностей (пример 1):

(1) *Moments of kindness and reconciliation are worth having, even if the parting has to come sooner or later.*

Фэйм вспоминает свою мать Мариэтту, и её сестру Бэрил, которые долго не виделись после смерти своей матери, т. к. жили в разных семьях. Основным противоречием реальной действительности этих двух уже взрослых женщин становятся воспоминания о взаимоотношениях их родителей. Мариэтта винит отца в том, что он почти довёл свою жену до самоубийства, в то время как Бэрил считает, что их мама просто хотела

пошутить и попугать неверного мужа. Они обе становятся свидетелями того страшного события, но описывают его по-разному. Мариэтта просыпается утром и не может найти свою маму, зовёт её, но она не откликается. Она ищет её повсюду и, наконец, бежит к сараю, где видит маму, которая пытается покончить с собой (пример 2):

(2) *At the end of the yard is a small barn, where they keep firewood, and some tools and old furniture. A chair, a straight-backed wooden chair, can be seen through the open doorway. On the chair, Marietta sees her mother's feet, her mother's black laced shoes. Then the long, printed cotton summer work dress, the apron, the rolled-up sleeves. Her mother's shiny-looking white arms, and neck, and face.*

Her mother stood on the chair and didn't answer. She didn't look at Marietta, but smiled and tapped her foot, as if to say, "Here I am, then. What are you going to do about it?" something looked wrong about her, beyond the fact that she was standing on a chair and smiling in this queer, tight way. Standing on an old chair with back runs missing, which she had pulled out to the middle of the barn floor, where it teetered on the bumpy earth. There was a shadow on her neck. The shadow was a rope, a noose on the end of a rope that hung down from a beam overhead.

Интересно как Мариэтта «видит» маму – сначала стул, потом её ноги и туфли, потом одежду, руки, шею и, наконец, лицо. При этом каждая деталь подробно описывается, как бы врезаюсь в память девочки. Это зрелище приводит маленькую Мариэтту в ужас, она боится пошевелиться, произнести слово, она боится потерять маму. Она бежит за отцом, не думая о том, что она почти раздета, бежит, боясь не успеть (пример 3):

(3) *With terror in her legs, she ran. In her nightgown, in the middle of a Saturday morning, she ran.*

Она думает только об одном, но замечает все малейшие подробности окружающей действительности, которая может измениться навсегда, если она не успеет. Не

найдя отца, она бежит обратно, но в сарае никого нет. Ей кажется, что всё кончилось, что мама мертва, что смерть пришла к ним в дом. Но, к счастью, всё обошлось, соседка подросла вовремя. Однако странная реакция матери, которая спокойно пила кофе и смеялась, лишает Мариэтту чувств (пример 4):

(4) *Marietta's mother laughed, and Marietta blacked out. She fainted, after running all that way uphill, howling, in the warm, damp morning. <...> Her heart was broken. That was what I always heard my mother say. That was the end of it.*

Бэрил тоже вспоминает этот случай, но её восприятие происходящего коренным образом отличается. Она была совсем маленькой, но она уверена, что помнит этот случай с детства, а не потому, что об этом рассказывал ей отец (пример 5):

(5) *Daddy told me all about it, but I can remember anyway. I remember Marietta tearing off down the hill in her nightie, and I guess the German lady saw her go, and she came out and was looking for Mama, and somehow we all ended up in the barn – me, too, and some kids I was playing with – and there was Mama up on a chair preparing to give Daddy the fright of his life. She'd sent Marietta after him. <...> I was just a little squirt, but I was the one who noticed that rope. My eyes followed that rope up and up and I saw it was just hanging over the beam, just flung there – it wasn't tied at all! Marietta hadn't noticed that, the German lady hadn't noticed it. But I just spoke up and said, 'Mama, how are you going to manage to hang yourself without that rope tied around the beam?' <...> I spoiled her game.*

Бэрил уверена, что это была злая шутка. Она не помнит детали, они не важны для неё. Главное очевидно, мама умела и любила пошутить и это был просто розыгрыш. Бэрил кажется шуткой то, что почти парализовало Мариэтту, коренным образом изменило всю её жизнь. Может быть, поэтому позднее Мариэтта почти не улыбается, и никогда не смеётся. Смеющиеся

люди вызывают у неё отвращение. Она становится очень серьезной и набожной. Но даже вера в Бога и всепрощение не позволяет ей простить отца. Она ненавидит его всем сердцем, ненавидит само напоминание о нём, избавляясь от всего, что когда-то их связывало. После смерти матери она предпочитает жить в чужой семье, а став взрослой и получив в наследство от отца крупную сумму денег, сжигает всё до последнего фунта, несмотря на бедность своей семьи. Её ненависть становится почти физической. Даже став полностью седой, она счастлива, потому что теперь она ничем не похожа на своего отца (пример 6):

(6) *I was glad that I wouldn't have hair anymore that was the same color as my father's.*

Эта ненависть вызывает недоумение у Фэйм, т. к. поведение матери противоречит её же собственным убеждениям (пример 7):

(7) *Hatred is always a sin, my mother told me. Remember that. One drop of hatred in your soul will spread and discolor everything like a drop of black ink in white milk.*

Ненависть становится одной из основных тем рассказа о любви. Ненависть как яд проникает во всё, что окружает героев (пример 8):

(8) *There was a cloud, a poison, that had touched my mother's life. And when I grieved my mother, I became part of it.*

Этой ненависти Мариэтта противопоставляет любовь к матери, она называет свою дочь её именем – Юфемия, но героиня предпочитает называть себя Фэйм. Фэйм не помнит других рассказов Мариэтты о родителях. И хотя в целом её воспоминания о детстве приятные и положительные, ей кажется, что её мама не была счастливой. «Развитие любви», которое начала её бабушка, страдая от потерь и разочарований, мучая своих дочерей, останавливает Фэйм. Родив двух сыновей, она считает, что им не придётся переживать такие мучения [Buried In Print: URL]. В этом героиня противопоставляет себя братьям и

вообще мужчинам, считая, что они не способны на страдания.

Фэйм удаётся полностью изменить свою жизнь, она не становится такой как мать. Ей не достаточно просто жить на ферме своих родителей, продолжая смиренно трудиться и вести скромный, уединённый образ жизни. Сбежав из дома, она выбирает другой путь. Много лет спустя, когда их дом будет продан, ей удастся там побывать. Увиденное её шокирует. То, что было бедным жилищем праведных тружеников, стало центром любви и радости для коммуны хиппи. Этот контраст заставляет её по-другому относиться к прошлой жизни, понять, что родительский дом, очаг, тепло ушло невозвратно. Ей вдруг кажется, что она всё выду-

мала и поверила в это (пример 9):

(9) *How hard it is for me to believe that I made that up. It seems so much the truth; it's what I believe about them.*

Фэйм, а вместе с ней и читатель, испытывает разные эмоции относительно одних и тех же событий в разные периоды жизни. Эмоция, как и контраст, обладает двойственной направленностью. «Эта двойственность состоит в одновременном переживании отношения к факту окружающего мира и к самому себе» [Мягкова 2010: 120]. Воспоминания, сравнения и сопоставления основополагающих ценностей бытия (*love – hatred; marriage – divorce; life – death*) позволяют главной героине примириться с действительностью.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию / Е. Ю. Мягкова // Язык, сознание, коммуникация. – 2010. – Вып. 40. – С. 118–124.
3. Шаховский, В. И. Эмоции во лживой коммуникации / В. И. Шаховский // Язык, сознание, коммуникация. – 2005. – Вып. 30. – С. 133–145.
4. Munro, A. The Progress of Love / A. Munro // Among Sisters: Short Stories by Women Writers. – Ontario: Penguin Books Canada Limited, 1989. – P. 175–201.
5. Buried In Print [электронный ресурс]. – URL: <http://www.buriedinprint.com/?p=8048>

УДК 801.7
ББК 81.055

Е.В. Тархова
Новосибирск

СИМВОЛ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ

Ключевые слова: символ, образность, художественный образ, стилистические приемы, образное поле.

Key words: symbol, figurativeness, fiction image, tropes, image-bearing field.

Образность художественного текста определяется как категория эстетики, отвечающая за способность каждого текстового элемента создавать определенный художественный образ [Ахманова 1966: 175]. Последний имеет различные источники происхождения, например, социально-исторические явления (“Late-Victorian father” [Fowles: URL]); библейские мотивы (“his Garden of Eden” [Fowles: URL]); матема-

тические образы (“geometric, linear people” [Fowles: URL]); объекты природы (“European man should regard nature <...> as a hostile desert” [Fowles: URL]). Такой способ преобразования и понимания действительности характерен для искусства в целом и в частности для художественного текста, где представлены вербализованные образы. Система образности представлена ступенчато, в виде следующей градации:

«образ-индикатор» (использование прямого значения слова) → «образ-троп» (использование переносного значения слова) → «образ-символ» (совокупность значений на основе частных случаев). На первой стадии происходит реализация внутренней формы слова, на втором этапе производится переосмысление слова на основе понимания различных тропов и стилистических фигур, а на третьей ступени проявляется образ, выходящий за рамки контекста и конкретного значения [Валгина: URL]. Проанализируем этот процесс на следующем примере:

(1) ... *my father decided that we must quit the green paradise and return to the grey limbo* (Fowles: URL).

Образами-индикаторами здесь являются цвета, имеющие внутреннюю форму и вызывающие ассоциации. Эти же цвета превращаются в образы-тропы, представленные метафорами и создающие образ свежести, молодости (green) и образ заурядности, тоски (grey). На третьей стадии осуществляется процесс символизации: зеленый цвет означает расцвет жизни, а серый – однообразие и безысходность. Соответственно, символ является наивысшей стадией порождения образности и мощным инструментом ее создания, так как представляет собой скопление и соединение нескольких смыслов в одном слове. Символ в художественном тексте создает в нем большую плотность информации, явление, определяемое как компрессивность, означающую наличие скрытых смыслов и объемного глубинного содержания при сравнительно небольшом повествовании [Ахманова 1966: 380-387].

Раскрывая значения символа, авторы могут включать его в сложный стилистический контекст. При его создании чаще используются эпитет, метафора, метонимия, аллитерация, ассонанс. Роль данных приемов обусловлена порождением определенных ассоциаций у читателя, которые направлены на извлечение закрепленного

образа из сознания, и способствуют пониманию сообщения автора. Сам символ также формируется на основе метафорического переноса и отношений «предмет – признак» (метонимия) и «признак – предмет» (синекдоха) [Тодоров 1982: 242]. Примером такого символа может выступать следующее соответствие: “*garden – green paradise*”. Здесь слово *paradise* является метафорой для слова *garden*, в то время как зеленый цвет символизирует природу (стилистический прием – метонимия), функтором которой является сад (стилистический прием – синекдоха).

Сложный характер символа, определяемый его ингерентным (сущностным) признаком формально-содержательной асимметрии, разнообразие функциональных нагрузок в актуализационной среде и сложность общекультурно и контекстуально обусловленной прагматической интерпретации передаваемых им смыслов составляют причину неоднозначности терминологического определения. Так, А.Ф. Лосев понимает под символом особую образную конструкцию, объективную субстанциальность, содержащую множество смыслов [Лосев 1982: 443]. Ему также принадлежит классификация символов, основанная на их сфере употребления. С позиций данной классификации выделяются следующие виды символов: научные, философские, художественные, мифологические, религиозные, человечески выразительные, идеологические и побудительные, внешне-технические, природные, общественные символы [Лосев 1982: 123-150]. Многие ученые отождествляют символ и образ, подчеркивая многозначность и единство предметного образа и предметного смысла [Аверинцев 2001: 155-161]. Отмечается также, что символ обладает признаками иконичности, комплексности, архаичности, конвенциональности, принадлежности к сознанию человека, амбивалентности, наличия ярко выраженной границы образа, а также отражения выс-

шей реальности [Лотман 2000: 240-253]. Выше перечисленные определения могут быть сведены к единому пониманию: символ – это знак, имеющий конвенциональную связь между означающим и означаемым и представляющий единство предметного и абстрактного [Шелестюк 1997: 125].

Фокус исследования в настоящей работе составляет художественный символ. Сущность символа как явления, представленного универсальной категорией эстетики, раскрывается через сопоставление со смежными категориями образа и знака [Аверинцев 2001: 155].

Символы возникли на тех этапах существования общества, когда появилась потребность в обозначении и передаче универсальных идей. Ранее эту функцию выполняла мифология. Мифологические представления включали в себя идеи о явлениях и образах мира. В результате формирования данных представлений возникли новые способы передачи смысла – символы, имеющие форму языкового знака, который указывает не на денотат, а на идею [Маслова 2001: 95-103].

Символы зарождались в процессе развития культуры. В частности, отмечается, что во второй половине XVIII века культура определяется комплексным явлением, включающим знания, верования, виды искусства, законы, мораль, обычаи и другие привычки и традиции, обретенные человеком как членом общества [Маслова 2001: 18-26]. Известно, что культура обладает свойствами преемственности и изменчивости вследствие определенных исторических и социальных факторов. Благодаря преемственности человек приобщается к культуре своего народа, формируя при этом собственные способы понимания мира и запечатлевая в подсознании символы и их значения. В силу изменчивости культуры человек может менять стереотипы и придавать символу дополнительные новые значения, которые с течением

времени также становятся устойчивыми в обществе.

Следует отметить, что художественный символизм в литературе по причине обладания чрезвычайно высоким изобразительным потенциалом сформировался как целое направление в искусстве, особенностью которого являлась новая концепция человека. Данная теория была основана на философии трансцендентного познания высшей реальности. Художники слова создавали особый язык, в котором словесные знаки становились символами, содержащими не конкретные значения слов, а их оттеночные смыслы. Такие произведения характеризуются наличием скрытых сообщений особой метафоричности, приемов воздействия на интуитивное мышление [Лосев 1982: 180-200].

Символы используются в художественном тексте не только для обозначения и передачи универсальной идеи, но и для придания тексту особого колорита. Символ выступает инструментом обогащения художественного пространства текста, так как содержит в себе множество смыслов, может включать противоположные образы и выступает оболочкой индивидуальных представлений автора, которые могут отличаться от общепринятых значений символа.

Существуют два способа передачи символического смысла: прямой и косвенный. При прямой репрезентации символа автор использует соответствующее ему слово. При существовании аналогичных реалий и сходстве значений такой символ легко декодируется читателем. Например, в эссе "The Tree" Джон Фаулз использует слова "tree" и "garden" с символическими значениями путем прямой номинации символа:

(2) *...a longing to escape from those highly unnatural trees in our back garden <...> that minute garden, a physical sanctuary* (Fowles: URL).

Символы «Дерево» и «Сад» широко распространены практически во всех культу-

рах. Они относятся к природным символам, и это означает, что они представляют собой неотъемлемую часть окружающей среды человека, чем, собственно и объясняется их закрепленность в культурном сознании большинства народов. Источником происхождения данных символов является библейский текст об Эдемском Саде и Древах Познания и Жизни. Поэтому значения символов основывается на этих мотивах. Дерево символизирует образование и развитие мира, а также источник просветления. Сад представляет собой обретение гармонии и воскресение [Трессидер: URL]. В отличие от других символов (технических, математических и т. п.), художественный символ включает в себя несколько значений. Например, в английской культуре символ «Дерево» также предполагает образ человека, а «Сад» может обозначать место пристанища или убежища [Трессидер: URL].

Косвенная передача символа является особым языковым приемом, состоящем в ослаблении денотативного значения слов и интенсификации определенного скрытого смысла [Гоготишвили 2006: 73-78]. Например, круг представляет собой геометрическую форму, которая не имеет углов и отличается симметрией (денотативное значение), под кругом в философии понимается также и бесконечное движение линии, и ее возвращение в себя (процесс импликации), которое развивается, превращаясь в символическое значение вечности, закрепленное в христианской культуре [Карпенко 2006: 94]. В данном ниже примере представлена косвенная передача символа «Сад», которая создается контекстуально с помощью слова "trees" и символического значения слова «Сад» как убежища:

(3) *Slinking into trees was always slinking into heaven* (Fowles: URL).

Для создания символа Джон Фаулз в эссе "The Tree" использует совокупность указанных выше приемов. Например, образ дерева создается с помощью аллите-

рации, создающий эффект мелодии шороха листьев, шелеста страниц и одновременно указывающий на их скованность и старость:

(4) *I happily forgot his little collection of crimped and cramped fruit trees in my own new world...* (Fowles: URL).

В метафорической интерпретации дерево может символизировать человека, его сложный внутренний мир и отношения с миром внешним: рождение, рост, цветение, плодоношение, увядание, существование в «обществе» себе подобных и иных существей. В произведениях Дж. Фаулза дерево ассоциируется с книгой, листая которую, читатель восстанавливает развитие событий от когда-то пережитого до переживаемого «сейчас». При этом метафоризация основывается на сходстве не столько предметном, сколько вербальном, поскольку смысловое поле в обоих случаях включает одинаковые лексемы: cover, cut, flick, flip, fold, leaf, rustle. Метафора раскрывает отношение автора к природе, придавая символу значение божества:

(5) *...blind, immobile, speechless (or speaking only Baudelaire's confuses paroles), waiting . . . altogether very like the only form a universal God could conceivably take* (Fowles: URL).

Синекдоха "green woods" указывает на некоторым образом «социальную» сущность отношений в природе, а метонимия "the green man" имплицитно связывает человека с природой. Такие приемы позволяют читателю прийти к символической интерпретации символа «Дерево» как человека.

В рассматриваемом эссе Фаулза "The Tree" уже само название представляет собой сложное явление. С одной стороны, оно представлено однозначно, в виде простой номинативной лексической единицы. С другой стороны, после прочтения произведения это слово приобретает новый, символический смысл, поскольку дерево в этом произведении олицетворяет движение внутренних сил, человеческую сущность, социальный статус которой определяется

принадлежностью к сообществу подобных и ранжированием в «среде обитания».

(6) *Far more than ourselves they (trees) are social creatures* (Fowles: URL).

Сюжет и символ неразрывно связаны между собой. С точки зрения Ю.М. Лотмана символ выступает «геном сюжета», так как с развитием сюжета происходит дальнейшее развертывание значений символа [Лотман 2006: 239]. Соответственно, символ выполняет функцию организации сюжета. В начале символ «Дерево» направляет читателя к сфере природы, тем самым выполняя проспективную функцию.

Слово-символ «Дерево» рекуррентно на протяжении всего повествования, что оказывает влияние на структуру повествования. Символы «Дерево» и «Сад» многократно повторяются на разных этапах текста, создавая при этом «спиралеобразную» композицию. При этом, заставляя читателя вновь возвращаться к заглавию, его интерпретации и переосмыслению, способствуя актуализации ретроспективной функции:

(7) *The first trees I knew well were the apples and pears in the garden of my childhood home* (Fowles: URL).

Этот символ также выполняет функцию генерализации, так как конкретизирует, обобщает и связывает весь текст произведения:

(8) *...in the deepest of those countless million metaphorical trees for which we cannot see the wood, both the justification and the redemption* (Fowles: URL).

Символьное слово, включаемое в канву повествования, способно создавать определенные эффекты. Являясь многомерным репрезентантом, символьное слово раскрывает свое смысловое наполнение в определенные моменты повествования. Среди всех значений символа можно выделить второстепенные и доминирующие, иногда не совпадающие с общепринятой символикой – таким образом создается

эффект обманутого ожидания. Например:

(9) *In this they are like series of rooms and galleries, house-like, doored and screened, continuous yet separate; or paged and chaptered, like a fiction. Just as with fiction, there are in this sense good and bad tree congregations – some that tempt the visitor to turn the page, to explore further, others that do not* (Fowles: URL).

В этом примере «Дерево» сравнивается с книгой, происходит отождествление «Дерева» со сценой, ожидающей актеров, «Дерево» также представлено как собрание комнат и залов. Но в конце текста вновь акцентируется доминирующее значение символа «Дерево», в котором присутствует человеческий образ:

(10) *In the end what we must most defoliate and deprive is ourselves* (Fowles: URL).

Таким образом, использование символов имеет большое значение для художественного текста, так как они осуществляют функции построения и генерализации текста, проспективную и ретроспективную функции, могут выступать оформлением авторской модальности, представлять основание сюжета, создавать определенные эффекты, вступать в неожиданные символические отношения, тем самым обогащая художественное пространство текста.

С помощью символов «Дерево» и «Сад» в рассматриваемом тексте эссе строится образное поле современного общества. На протяжении всего повествования подчеркивается социальная природа деревьев, их олицетворение, их понимание через созданные человеком артефакты, что говорит об образе «дерево – человек». «Сад» представлен как сообщество деревьев, т. е. изображает картину общества. Символы «Дерево» и «Сад» раскрывают свое главное значение через ряд дополнительных, вспомогательных приемов и средств, способствующих очерчиванию четких границ образного поля.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Символ художественный / С. С. Аверинцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Бойко. – Киев : – Дух і Літера, 2001. – С. 155–161.
2. Ахманова, О. С. О принципах и методах лингвистического исследования / О. С. Ахманова. – М. : Наука, 1966. – 405 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина [Электронный ресурс]. – URL: <http://evartist.narod.ru/text14/18.htm>
4. Гоготишвили, Л. А. Непрямое говорение / Л. А. Гоготишвили. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 720 с.
5. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : Прогресс, 1982. – 218 с.
6. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиясфера – История. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – С. 239–250.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для вузов / В. А. Маслова. – М. : Прогресс, 2001. – 422 с.
8. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров. – М. : Наука, 1982. – 427 с.
9. Трессидер, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер [Электронный ресурс]. – URL: http://modernlib.ru/books/tresidder_dzhek/
10. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125–143.

Список источников иллюстративного материала

1. Fowles, J. R. The Tree / J. R. Fowles [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.harpercollins.com/books/The-Tree-John-Fowles/?isbn=9780061997778>

УДК 81'37

ББК 81.053.1

Я.П. Филиппова

Барнаул

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ДИВЕРГЕНТОВ ИМЕН ЛИЦ

Ключевые слова: концептуальная метонимия, лексико-семантический дивергент, имена лиц, когнитивная модель.

Key words: conceptual metonymy, lexico-semantic divergent, names of persons, cognitive model.

Формирование лексико-семантических дивергентов на уровне макросистемы английского языка является одним из проявлений дивергенции (расхождение вариантов), которая, по мнению ряда ученых [Швейцер 1971, Кристал 1997, Крицберг 2001], является одной из основных тенденций, характеризующих взаимодействие национальных вариантов и региональную вариативность английского языка. Формирование лексико-семантических дивергентов (регионально-маркированных значений, присущих определенному варианту английского языка), как правило, происходит путем метафорического переноса исходного (общеанглийского значения). Однако метонимия также является важнейшим процессом при формировании новых и, в частности, дивергентных значений.

По словам Е.В. Падучевой, метонимия является «одним из механизмов регулярной многозначности» [Падучева: URL]. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон в своем труде “Metaphors We Live By”, “Metonymy <...> has primarily a referential function, i.e. it allows us to use one entity to stand for another. <...> it serves the function of providing understanding. <...> it allows us to focus more specifically on certain aspects of what is being referred to” («Метонимия имеет главным образом референциальную функцию, т. к. позволяет нам использовать один объект вместо другого. Она имеет функцию обеспечения понимания. Она позволяет нам более пристально взглянуть на определенные аспекты объекта, на который ссылаются») (Перевод наш – Я.П. Филиппова) [Lakoff 1980: 36-37].

Метонимические переносы весьма разнообразны и порой неожиданны. Ф. Унгерер и Г. Шмидт в труде "An Introduction to Cognitive Linguistics" (1996) приводят список метонимических переносов, среди которых ВМЕСТИЛИЩЕ → ВМЕЩАЕМОЕ, АВТОР → ПРОИЗВЕДЕНИЕ, МАТЕРИАЛ → ИЗДЕЛИЕ, ОЗНАЧАЮЩЕЕ → ЗНАК, ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ, ЦЕЛОЕ → ЧАСТЬ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ → ПРОДУКТ, МЕСТО → УЧРЕЖДЕНИЕ и др. [Ungerer, Schmidt 1996]. Д.Н. Шмелев включает такие переносы как ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ → (занимающее его) СОБЫТИЕ, ИСТОЧНИК ЗВУКА → ИЗДАВАЕМЫЙ ЗВУК, ЧАСТЬ ТЕЛА → БОЛЕЗНЬ (этой части тела) [Шмелев 1977: 104]. Е.В. Падучева пополняет перечень следующими метонимическими переносами: ДЕЙСТВИЕ → ВРЕМЯ [ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ], ДЕЙСТВИЕ → МЕСТО ДЕЙСТВИЯ, СВОЙСТВО → МЕСТО, ПОВЕРХНОСТЬ → ПРОСТРАНСТВО и некоторые другие [Падучева: URL].

В настоящей статье мы фокусируем внимание на том, что является центром внимания американцев и британцев в процессе именовании лиц и формирования новых локально маркированных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) имен лиц, а также на моделях, по которым идет развитие новых локально маркированных значений в рамках полисеманта.

Концепт *ЛИЦО* привлекает наше внимание в той связи, что данный концепт характеризуется большим количеством репрезентантов дивергентных значений в отобранном материале (около 30% всего материала). Аналогичные данные были получены и другими исследователями. По наблюдениям О.А. Макаровой, например, «в британской литературе концепт "человек" репрезентируется чаще других» [Макарова 2003: 191]. Значительное преобладание вербальных репрезентантов концепта человек / личность / лицо свидетельствует о его важности в американской, британской и других культурах.

Дивергентные значения 'имена лиц' образуют заметную часть лексико-граммати-

ческого класса существительных в исследуемом материале. Изучение группы существительных, имеющих в семантической структуре дивергентные значения 'имена лиц', представляет большой интерес в той связи, что именование (называние) человека как ничто иное связано с ним самим. По словам М.Н. Лапшиной, в языковом материале, репрезентирующем концепт *ЛИЦО*, «наиболее ярко высвечивается антропологический характер познавательной мотивации или когнитивных детерминаций» [Лапшина 1996: 10]. В частности, имена собственные, как отмечает Н.Ю. Михайлова, «наполнены социокультурной информацией и < ... > представляют собой специфическую микросистему в языке, вобравшую в себя культурные факторы, запечатлевшие жизнь народа» [Михайлова 2004: 68].

Изучив около 100 (96) многозначных существительных (107 значений которых – дивергентные значения в британском (56) и американском (51) вариантах английского языка), в семантической структуре которых имеются локально маркированные дивергентные значения, образованные путем **метонимического** переноса с установлением импликационных связей между исходным и дивергентными значениями, было отмечено, что в трети случаев они являются именами лиц.

Полисеманты, содержащие в семантической структуре локально маркированные дивергентные значения, репрезентирующие концепт *ЛИЦО*, составили 33 единицы, образованные путем метонимического переноса (британские (19) и американские (14)). В подавляющем большинстве случаев формирование таких значений шло по концептуальной модели:

Модель 1

Модель концептуальной метонимии, основанной на переносе «Не лицо ← лицо»

Лицо ← Не лицо

Проиллюстрируем сказанное на примере существительного **report**. В семантической структуре указанного полисеманта взаимодействуют общеанглийское значение “*a written or spoken description of a situation or event, giving people the information they need*” и разговорное дивергентное значение в британском варианте английского языка “*someone who works for a particular manager*” [LDCE 2003: 1394]. Пример ярко демонстрирует разноплановость концептов, вербализуемых общеанглийским значением (**ОТЧЕТ**) и британским дивергентом (**ЛИЦО**). Формирование бритуцизма происходит на базе смежности ИНФОРМАЦИЯ → ЛИЦО [обладающее определенной информацией и способное сообщить ее] – ИНФОРМАТОР. В целом в изученной группе было обнаружено 29 единиц, образованных по указанной когнитивной модели в ее следующих модификациях: ЧАСТЬ ТЕЛА → ЛИЦО [ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ ПРИ ПОМОЩИ ЭТОЙ ЧАСТИ ТЕЛА]: **snout** “*the long nose of some kinds of animals, such as pigs*” → “Br informal a criminal who gives information about other criminals to the police” [LDCE 2003: 1567], ПРОЦЕСС → ЛИЦО [ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЕ ДАННЫЙ ПРОЦЕСС]: **signing** “*the act of writing your name at the end of document to show that you agree with it*” → “Br someone who has just signed a contract to join a sports team or work with a record company” [LDCE 2003: 1536], ОБРАЗ ЖИЗНИ → ЛИЦО, ВЕДУЩЕЕ ДАННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: **lowlife** “*the life and behaviour of people who are involved in criminal or immoral activities*” → “Am someone who is involved in crime or who is bad” [LDCE 2003: 965], ПОВЕДЕНИЕ → ЛИЦО [ИМЕЮЩЕЕ ТАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ]: **sleaze** “*immoral behaviour, especially involving sex or lies*” → “Am informal someone who behaves in an immoral or dishonest way” [LDCE 2003: 1552], МЕСТО/УСТРОЙСТВО → ГРУППА ЛИЦ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ЕГО: **gate** “*the part of a fence or outside wall that you can open and close so that you can enter or leave a place*” → “Br the number of people who go in to

see a sports event, especially a football match” [LDCE 2003: 666-667] и т. п.

Крайне редким случаем оказалось формирование дивергентных значений, репрезентирующих концепт **ЛИЦО**, по концептуальной модели

Модель 2

Модель концептуальной метонимии, основанной на переносе «Лицо (одного плана) – лицо (иного плана)»

Лицо ← Лицо

Например, в семантической структуре многозначного существительного **headliner** от общеанглийского значения «специалист по заголовкам; автор заголовков» образуется разговорное значение в американском варианте английского языка «знаменитость» [Multitran: URL], т. е. та персона, о которой пишут в заголовках их авторы. Формирование американского разговорного значения происходит на базе смежности АВТОР [ЗАГОЛОВКА] → ГЕРОЙ [ЗАГОЛОВКА].

Круг референтных областей британских дивергентных значений, образованных путем метонимического переноса охватывает области **спорта, менеджмента, образа жизни и стиля поведения**. Американские дивергентные значения относятся к более широкому тематическому кругу, а именно: к **кредитно-денежной** сфере, сферам **сервиса и обслуживания, маркетинга, образа жизни и стиля поведения, образования, недвижимости, журналистики**. Общими для американских и британских дивергентных значений оказались области **образа жизни и стиля поведения**. Полученные данные позволяют выделить специфические сферы жизнедеятельности, которые, по всей видимости, имеют более важное значение для британской или американской культур и привлекают большее количество номинаций.

Таким образом, основными когнитивными моделями концептуальной метонимии, лежащей в основе образования

локально маркированных дивергентных значений имен лиц являются: 1) Человек / Лицо – Не лицо; 2) Лицо – Лицо (иной сферы). Среди метонимических переносов 1) в британском варианте английского языка отметим такие как:

**УРОВЕНЬ/ОБРАЗ ЖИЗНИ → ЛИЦО,
ЖИВУЩЕЕ ТАКОЙ ЖИЗНЬЮ,
ПОВЕДЕНИЕ → ЛИЦО
[ИМЕЮЩЕЕ ТАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ],
ИНФОРМАЦИЯ → ИНФОРМАТОР,
ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЛИЦО
[ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ ПРИ
ПОМОЩИ ЭТОЙ ЧАСТИ ТЕЛА],
ПРОЦЕСС → ЛИЦО [ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЕ
ДАнный ПРОЦЕСС],
МЕСТО/УСТРОЙСТВО → ГРУППА ЛИЦ,
ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ЕГО;**

2) в американском варианте:

**УРОВЕНЬ/ОБРАЗ ЖИЗНИ → ЛИЦО,
ЖИВУЩЕЕ ТАКОЙ ЖИЗНЬЮ,
ПОВЕДЕНИЕ → ЛИЦО
[ИМЕЮЩЕЕ ТАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ],
АВТОР [ЗАГОЛОВКА] → ГЕРОЙ
[ЗАГОЛОВКА].**

Выделенные когнитивные модели концептуальной метонимии универсальны для обоих вариантов английского языка

(американского и британского), однако типы переносов заметно разнятся. Локально маркированные дивергенты, образованные путем метонимического переноса являются репрезентантами разнообразных концептов, одним из наиболее вербализованных из которых является концепт *ЛИЦО*.

Репрезентирующие концепт *ЛИЦО* дивергентные значения формируются от исходного значения на основе разнообразных переносов, с редкими совпадениями в двух культурах. Однако возможно выделить следующие универсальные типы метонимических переносов: **УРОВЕНЬ/ОБРАЗ ЖИЗНИ → ЛИЦО [ЖИВУЩЕЕ ТАКОЙ ЖИЗНЬЮ], ПОВЕДЕНИЕ → ЛИЦО [ИМЕЮЩЕЕ ТАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ]**. В британском варианте английского языка отмечается богатство типов метонимических переносов, в которых выявляются следующие донорские зоны: информация, часть тела животного, название процесса и устройства/места. В американском варианте английского языка донорская зона метонимического переноса соотносится со сферой средств массовой информации.

Библиографический список

1. Крицберг, Р. Я. Дивергенция региональных вариантов английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Роман Яковлевич Крицберг. – Киев, 2001. – 35 с.
2. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – UK : Cambridge University Press, 1997. – 229 p.
3. Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М. : Высшая школа, 1971. – 200 с.
4. Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии / Е. В. Падучева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Padocheva.htm>
5. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
6. Ungerer, F., Schmidt, H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H.-J. Schmidt. – L; N. Y. – Longman, 1996. – 304 p.
7. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1977. – 335 с.
8. Макарова, О. А. Метафоризация концептов в британской и американской литературе / О. А. Макарова // Волгоград, 23-24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 191-193.
9. Лапшина, М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Марина Николаевна Лапшина. – М., 1996. – 32 с.
10. Михайлова, Н. Ю. Лингвокультурологические особенности антропонимов немецкого языка / Н. Ю. Михайлова // Антропологическая лингвистика : Вестник ИГЛУ. Сер. Антропологическая лингвистика / Отв. ред. Ю. М. Малинович. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – № 7. – С. 67-73.
11. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English. – Italy: La Tipografica Varese, 2003. – 1951 p.
12. Multitran / On-line Dictionary. – [Электронный ресурс]. – URL: www.multitran.ru

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1-55

Н.В. Цветкова
Барнаул

ИКОНИЧНОСТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА В ПОЛИКОДОВЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале английского языка)

Ключевые слова: иконичность последовательного порядка, иконический знак, рекламный текст, вербальный и невербальный компоненты текста.

Key words: iconicity of sequence, iconic sign, advertising text, verbal and non-verbal components of the text.

Современная реклама, являясь продуктом эпохи индустриализации и научно-технического прогресса, прочно заняла свое место в сфере массовой коммуникации. Реклама обладает большим спектром способов влияния на потенциального потребителя, среди которых важную роль играют языковые средства. Тем не менее, создатели рекламных объявлений находятся в постоянном поиске новых приемов привлечения внимания потребителей. Печатный рекламный дискурс в настоящее время не просто информирует потенциального потребителя о качествах рекламируемого товара, но, в условиях конкуренции, представляет пример реализации лингвокреативного потенциала языка в совокупности с умелым комбинированием вербальных и невербальных средств.

В ряду средств реализации основных функций рекламы принцип иконичности занимает особое место. Мы определяем иконичность как сходство или аналогию, существующую между знаком и образом объекта, сформировавшимся в сознании человека в результате взаимодействия с действительным миром и представленную образным и диаграмматическим вариантами. В рамках данного подхода к иконичности иконический знак может быть определен как знак, имеющий некоторое сходство с ментальным образом представляемого им объекта.

Иконичность как принцип организации языковых единиц и ее проявление в

рекламном дискурсе представляет собой большой интерес для изучения и анализа. Мы считаем, что иконичность выступает одним из принципов организации языковой системы. Приступая к рассмотрению проявлений иконичности в языке, необходимо остановиться на существующих видах языковой иконичности, так они важны для дальнейшего осмысления этого явления.

В своей монографии Т. Гивон выделяет три частных принципа иконического кодирования, каждый из которых соотнесен со специфическими для него иконическими основаниями: 1) принцип количества; 2) принцип близости (смежности); 3) принцип последовательного порядка [Givon 1990: 968-973]. Развивая идеи Т. Гивона, мы предлагаем следующую классификацию видов иконичности, получающих реализацию в языке. В основе нашей классификации видов иконичности лежат следующие признаки: тип иконического знака, в котором принцип иконичности получает выражение, и характер сходства между знаком и образом объекта реального мира, сложившегося в сознании говорящего. Мы выделяем два основных вида иконичности по типу иконического знака, в котором они получают реализацию: образная и диаграмматическая. Образная иконичность является наиболее простым видом иконичности, так как образы имеют сходство с референтом, основанное на визуальных или аудиальных характеристиках. Образ-

ная иконичность представлена в языке двумя подвидами: звуковая (включает все виды проявления иконичности на фонематическом уровне языка) и иконичность отсутствия (отсутствие какого-либо явления или объекта действительности выражается отсутствием языкового знака, потенциально его выражающего). Диаграмматическая иконичность имеет более сложную природу и, следовательно, большее количество подвидов. В рамках диаграмматической иконичности реализуются основные иконические принципы, и выделяются 4 основных подвида: 1) иконичность близости/дистанции; 2) секвенциальная иконичность; 3) количественная иконичность и 4) звуковая иконичность.

Диаграмматическая секвенциальная иконичность включает в себя:

1. Иконичность последовательного порядка (последовательность языковых форм совпадает с последовательностью опыта или действий). 2. Иконичность значимости (предполагает, что языковые структуры построены таким образом, что выдвигают на первый план то, что находится в фокусе внимания говорящего). 3. Иконичность синтагматического изоморфизма (одна форма – одно значение в последовательности языковых знаков, т. е. избегаются, к примеру, нулевые морфемы).

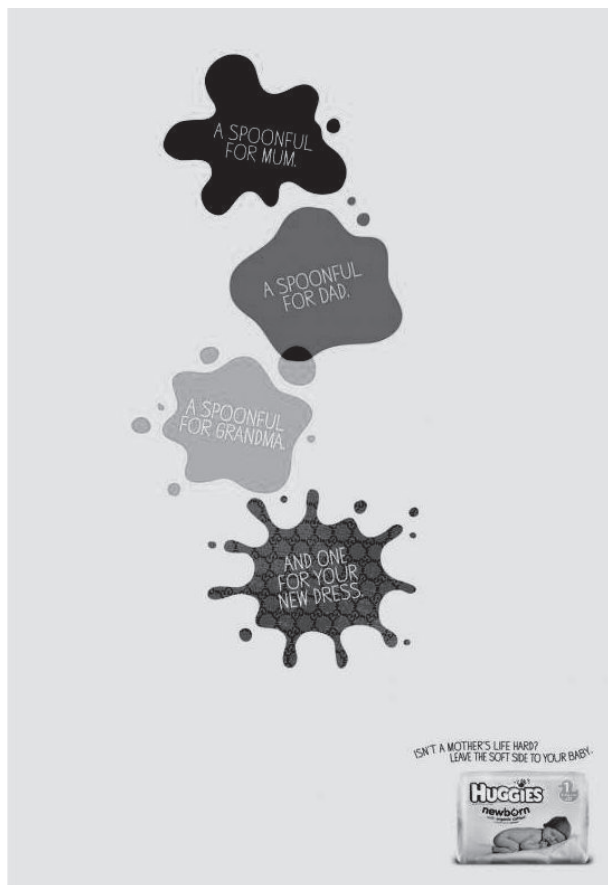
В данной статье мы рассмотрим иконичность последовательного порядка, так как этот тип иконичности является одним из наиболее распространенных в текстах рекламных объявлений. Данный принцип иконического кодирования предполагает, что последовательность языковых форм совпадает с последовательностью реальных действий или опыта. Наиболее известным примером этого типа иконичности может послужить фраза Цезаря “*Veni, vedi, vici*” (Пришел, увидел, победил), в которой отражен порядок реальных действий.

Иконичность последовательного порядка – достаточно распространенное явление в языке, и данный тип иконич-

ского кодирования, как правило, не осознается как говорящим, так и получателем информации, но достаточно часто используется для реализации какого-либо художественного намерения автора или для создания эффекта присутствия, как, например, в спортивном дискурсе. В основе спортивных комментариев лежит именно иконичность последовательного порядка, что не только позволяет потенциальному потребителю быть в курсе развития событий, но и создает эффект присутствия и непосредственного наблюдения за ходом игры (созданию этого эффекта также способствует употребление настоящего времени). Следует отметить, что в языке нередко встречаются проявления иконичности обратного порядка, то есть примеры инверсии, которые легко объясняются с позиций теории иконичности. В примерах с инверсией начальное, наиболее значимое место в предложении, отдается наиболее важной части информации, то есть структура предложения иконически отражает значимость того или иного отрывка информации в сознании говорящего.

Иконичность последовательного порядка достаточно часто используется в текстах объявлений как средство реализации рекламных целей, что наблюдается в следующем рекламном тексте (Пример 1).

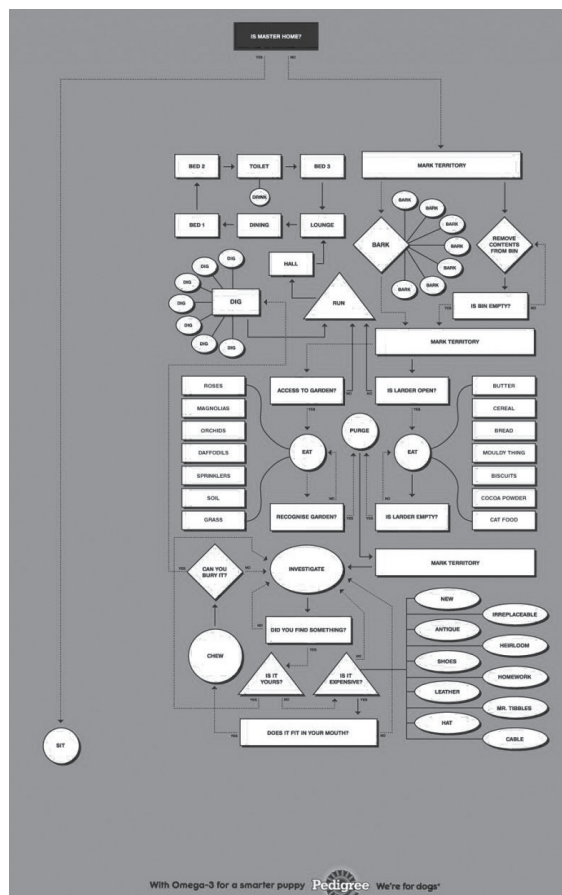
Вербальная составляющая этого примера представлена назывными односоставными предложениями, имеющими идентичную структуру и иконически представляющими процесс кормления ребенка: *A spoonful for Mum. A spoonful for Dad. A spoonful for Grandma. And one for your new dress.* Односоставные назывные предложения передают порядок и последовательность действий при кормлении, а тот факт, что текст составлен именно в виде односоставных предложений, позволяет автору воссоздать ритм процесса кормления: разделение предложений точкой иконически воспроизводит паузу, во время которой ребенок проглатывает пищу.

Пример 1

Как в британском, так и американском обществе большую значимость имеют такие понятия, как время, пунктуальность, план, расписание, в связи с чем широкое распространение получают различные таблицы, схемы, планы и т. д., что находит отражение в рекламных текстах. Создатели рекламных объявлений часто комбинируют языковые и экстралингвистические средства в виде различных схем и таблиц для реализации рекламных целей, примером чему выступает следующее рекламное объявление.

Данный пример (Пример 2) является иллюстрацией комбинации языковой и экстралингвистической иконичности последовательного порядка. В качестве вербального компонента выступает последовательность безличных односоставных предложений, которые представляют действия собаки. Однако данные предложения находятся не в линейной последовательности, а расположены в схематичном

Пример 2

порядке, отражающем последовательность действий собаки в отсутствие и присутствие хозяина дома, что представлено в авербальном компоненте поликодового текста. Отметим, что схема, в которой они расположены, предполагает выбор из нескольких вариантов. Начальным предложением служит вопрос *Is master home?*, который предполагает два варианта ответа и определяет дальнейшую структуру рекламного текста. При положительном ответе возможен лишь один вариант выбора – *sit*, при отрицательном – предоставляется множественный выбор, который отражает бесцельную последовательность действий и мыслей собаки в отсутствие хозяина. Например, *bark* → *is larder open?* → *yes* → *eat* → *butter* → *cereal* → *bread* → *cat food* → *run* → *hall* → *dining* → *bed¹* → *bed²* → *bed³* и т. д. Применение иконичности последовательного порядка на различных уровнях выполняет функцию привлечения внимания к данному рекламному объявлению.

ЛИНГВОДИДАКТИКА
И ВОПРОСЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

LINGUODIDACTICS AND PROBLEMS
OF LINGUISTIC EDUCATION

УДК 821(091)
ББК 83.3(4)52

Elena Munoz
Albuquerque

THE USE OF CHRONOTOPE IN THE STUDY OF THE EUROPEAN NINETEENTH-CENTURY NOVEL (LINGUA-DIDACTIC EXPERIMENT)

Ключевые слова: хронотоп, Михаил Бахтин, «Дэниэл Дэронда».

Key words: chronotope, Mikhail Bakhtin, Daniel Deronda.

“And the Word was Made Flesh”... and Illusion
“... what signifies a theater?”

Henry Crawford, Chapter 13, Mansfield Park

When Mikhail Bakhtin in his “Forms of Time and of the Chronotope in the Novel” describes the concept of the chronotope, he writes, “The chronotope makes narrative events concrete, makes them take on flesh, causes blood to flow in their veins.” He continues: “It is precisely the chronotope that provides the ground essential for the showing-forth, the representability of events... It serves as the primary point from which ‘scenes’ in the novel unfold... It functions as the primary means for materializing time in space, emerging as a center for concretizing representation... All the novel’s abstract elements... gravitate toward the chronotope and through it take on flesh and blood, permitting the imaging power of art to do its work” (Bakhtin 250).

Though Bakhtin aims to describe a ‘constitutive category of literature’ (84), the terminology he employs to communicate his ideas in is not that of language, or even narration, but rather, that of ‘theater’, of ‘scenes’, of ‘showing’, and of a form of artistic representation that exists in ‘flesh and blood.’ I do not suggest that Bakhtin considers chronotopes to be uniquely theatrical; rather, his use of theatrical language to describe the chronotope reveals the particular chronotopicity of theater. Theater is a ‘flesh and blood’ representation of an particular spacetime (the spacetime of the play being performed) and calls attention to its own spacetime as the audience gathers in a particular place (a theater) for a specifically delineated time (the duration of the

performance) in order to share a communal, artistic experience (the representation).

The invaluable versatility of the chronotope is illustrated when it is used to magnify the the versatile character of Gwendolen Harleth in *Daniel Deronda* by George Eliot. The chronotope reveals Gwendolen to be a self-conscious creature who moves with design and deliberation through the social conventions and mores of her world all the while acutely aware of what she wishes to achieve. She plays to a live audience in order to empower herself and manipulate her spectators. For her the “other” is a synonym to the tranquilized or the seduced. She moves relentlessly toward self-destruction in her own unique fashion.

It is in this milieu that this female heroine challenges the patriarchal social structure. In *Daniel Deronda*, George Eliot examines how a near social outcast such as Gwendolen might challenge or re-define narrative spaces, thus performing a role which she deems necessary in order to achieve contentment. Here, the pacing of a chronotope becomes essential in our understanding of this character. Gwendolen, for a while, is significantly without a dominant male presence in her life. Neither does she have a fixed home, a traditional Victorian household. Because social standards for her behavior haven’t been effectively enforced, Gwendolen has tremendous confidence in her ability to invent herself. The loci for inventing herself are in the drawing-rooms and other social spaces, where such scenes become theatrical productions which can be used to

analyze the character development, plot, or mood. I propose to examine the result of these chronotopic structures in their own terms, i. e. to examine how some of the critical moments in these theaters transform or “re-organize” the spatial geometry of the narrative.

In the first chapter of *Daniel Deronda*, set at Leubronn, George Eliot establishes the basic model for Gwendolen’s dynamic relationship to space and society that will persist throughout the rest of the novel. The gambling salon, with its hazy heavy atmosphere, has a soporific effect on gamblers, inspiring in them ‘a certain uniform negativeness of expression which had the effect of a mask...the same narrow monotony of action’ (Eliot, 9). While the gambling room is a social space, it doesn’t command performance, and people seem determined to avoid display. The anonymity of the gambling salon, specifically the suspension of social hierarchy, allows Gwendolen to enact an imaginative reinvention of self not at all in keeping with the ‘narrow monotony of action’ prescribed by that space. She places her bets with ‘an air of firm choice’ (Eliot, 10) that Eliot contrasts with the usual woman who puts down five francs ‘with a simpering air, just to see what the passion of gambling really was’ (Eliot, 8). While the simpering woman is aware of the indelicacy of the place and sees her act as transgressive, Gwendolen feels transformed, having ‘visions of being followed by a cortege who would worship her as a goddess of luck and watch her play as a directing augury’ (Eliot, 10). Here we see a veil over Gwendolen is lifted which reveals empowerment and the capacity to direct others. While Gwendolen’s fantasy is rather juvenile, the bold confidence she exudes is exciting and, unfortunately, arresting. Gwendolen’s ability to invent her persona is stymied by Deronda’s scrutiny, which shifts the locus of power and attention from her own imagination to his gaze and his impressions. Once she is aware of Deronda’s attention, Gwendolen begins to perform for him, rather than for herself. As Deirdre David notes in her essay “Gwendolen Harleth as

Heroine and Metaphor,” ‘... it is a response which determines, in part, the dependent nature of her relationship to him... This sense of being measured ...exacerbates her compulsion to perform... In this way she feels she can retain the attention... which is so essential for her confirmation of herself as a functioning being’ (David, 181).

Deronda’s gaze transforms the gambling room from a vernacular space in which Gwendolen can do and be as she likes to a dominated space in which she cannot help but act in response to him. The space which she has been using to her own inward advantage becomes an oppositional space in which Gwendolen cannot see ‘beyond the satisfaction of enraged resistance’ (Eliot, 11). Deronda returns to this scene much later in the book when, thinking about Gwendolen, he remarks that ‘roulette was not a good setting for her; it brought out something of the demon. At Diplow she seemed much more womanly and attractive – less hard and self-possessed’ (Eliot, 360). While it is true that Gwendolen’s persistence in gambling until she has lost all her money is perverse, the ‘demon’ Deronda speaks of is, ironically, the creation his own influence over Gwendolen. That he prefers her demeanor when she is at Diplow under the oppressive gaze of her husband reinforces the ideal of passive and insecure femininity.

Away from the weight of Deronda’s critical gaze, Gwendolen is again able to appropriate space to exercise in self-creation. The Offendene drawing room, with its ‘somber furniture and faded upholstery’ and ‘pictures that may be anything’, is the perfect staging ground for Gwendolen’s acts of self-invention (Eliot, 25). Gwendolen immediately recognizes Offendene’s potential, calling it ‘a romantic place; anything delightful may happen in it; it would be a good background for anything’ (Eliot, 26). In the absence of a husband or a father, Gwendolen may perform on this stage as she likes. What will she do? Gwendolen takes on a masculine role. Her mother and sisters anxiously await

her approval and follow her as she tours the house. In the way that Gwendolen dominates this space and directs the other women's actions in it, Eliot reveals the immutable relationship between gender, social rules and space. Gwendolen cannot see past her desire for power that control of the domestic space affords her, and she oppresses her mother and sisters, reinforcing the patriarchal social code she claims to despise. Eliot notes that '... if Gwendolen came into the room on a rainy day when everybody else was flaccid and the use of things in general was not apparent to them, there seemed to be a sudden, significant reason for keeping up the forms of life' (Eliot, 41). While Gwendolen's character becomes more assertive and defined in this space, the effect of her dominance on the other women in the household is that they merely 'keep up the forms of life' according to the roles prescribed to them. This contrast corresponds with the general dichotomy of gendered space: men use space, while women merely occupy it.

Asserting her force of will over the house and family circle, Gwendolen organizes a performance of Christmas charades that engages 'the whole of the establishment' (Eliot, 60). What distinguishes Gwendolen's charades from mere play-acting is the way in which she assigns roles and directs everyone else's movements within the space. Mr. Middleton, generally thought to be both clever and entirely in love with Gwendolen, 'was persuaded to play various grave parts, Gwendolen having flattered him on his enviable immobility of countenance' (Eliot, 57). In addition to the bold talent of mocking with subtlety, Gwendolen inverts the drawing room power structure by assigning her would-be lover a part to play in her scene and by making him the object of her insincere flattery. She similarly dominates Rex Gascoigne, another would-be lover, when she alters the tableau so that Rex, as Leonates, kneels to kiss the hem of her dress, rather than embracing her (Eliot, 59-60). The power of appropriated space to transform is also seen in the effect on Anna Gascoigne, who 'caused a

pleasant surprise; nothing could be neater than the way in which she played her little parts; one would even have suspected her of hiding much sly observation under her simplicity' (Eliot, 58). Gwendolen's 'masculine' use of space reflects Lefebvre's argument that space is a product to be appropriated and exploited in order to gain power and dominion over others (Lefebvre, 85).

Despite her best efforts to dominate the space, Gwendolen's charade fails, and her act of self-production is reduced to mere performance. Her failure is foreshadowed by the discovery of the concealed painting of a figure fleeing from a dead man's face (Eliot, 27). The morbid painting serves as a grisly reminder not only of Gwendolen's mortality, but also of the adamant rigidity which Victorian mores force upon her making her place in society unalterable. This theatrical performance, or intentional pretense, reveals what is not pretended, the real nature of things. Continuing with the dead man scene, we can say that the fleeing figure in the painting reflects Gwendolen's attempts to escape the rigid boundaries and suffocating restraints imposed on her by Victorian society. The painting, abandoned there by the home's previous owner, is spectacularly incongruous in a room meant for entertainment and delicate sensibilities. The painting represents a masculine presence in the space and acts as the oppressive male gaze. When the panel pops open, revealing the dead face to Gwendolen in her moment of triumph, she is reduced to a performance that, unfortunately for her, is far more convincing than the image of herself she wishes to project. It is perhaps significant that her own sister steals the key to sneak a peek at the object of terror – another woman performing a transgressive act (Eliot, 27).

The story of Gwendolen's contemplated conquest of space and exultation of self is over before it has a chance to begin. Herr Klesmer, whom Gwendolen is specifically trying to impress during the charade, confuses her very real terror and weakness with the powerful and majestic image she wished to convey and

praises her 'performance' as a 'magnificent bit of *plastik*', (Eliot, 61) or vivid representation. Klesmer has unconsciously confirmed Gwendolen's worst fear – that she can never escape the confines of her life because she is always bounded by the narrow confines of representational space, 'the narrow theater which life offers' (Eliot, 63). Eliot notes that '...this delicate-limbed sylph of twenty meant to lead. For such passions dwell in feminine breasts also. In Gwendolen's, however, they dwelt among strictly feminine furniture' (Eliot, 39). Gwendolen's upbringing in society has determined that she doesn't feel like a social being unless she is being observed. Earlier in the novel we learn that 'solitude in any wide scene impressed her with an undefined feeling of immeasurable existence aloof from her, in the midst of which she was helplessly incapable of asserting herself' (Eliot, 63-64). The pressure of observation immediately

shifts Gwendolen's attempts at self-invention to mere performance and reduces her to another ornament in the space.

It would be a mistake to construe the literary chronotope as a theoretical approach to the understanding of literature, in the way, for example, moral ideals are invoked by T.S. Eliot to construct a definite ethical and theological laboratory in which literature is weighed and evaluated. Rather, it is a conceptual instrument which allows the reader to examine the building material used by the writer to create the geography in which his characters act out their destinies. In Gwendolen we are presented with a purposeful and vigorous personality intent upon shaping and directing the world in which she moves and those she encounters. Despite these powerful attributes, however, she is so naïve to be able to discern that the world is not susceptible to reformation as clay is to the sculptor's hand and this is her ultimate downfall.

Works Cited

1. Austen, J. *Mansfield Park* / J. Austen. – New York : Penguin Books, 2003. – 435 p.
2. Bakhtin, M. M. *Forms of Time and of the Chronotope in the Novel* / M. M. Bakhtin. – Ed. Michael Holquist. Trans. Caryl Emerson and Michael Holquist. – Austin and London : University of Texas Press, 1981. – 218 p.
3. David, D. *Fictions of Resolution in Three Victorian Novels* / D. David. – London : The Macmillan Press, 1981. – P. 181-182.
4. Eliot, G. *Daniel Deronda* / G. Eliot. – New York: Penguin Books, 2003. – 605 p.
5. Lefebvre, H. *The Production of Space* / H. Lefebvre. – Oxford : Blackwell Press, 1991. – 217 p.
6. "Romantic." *Merriam-Webster's College Dictionary*. – 10th ed. – 1993.

УДК 81'23

ББК 81.2 Англ.

Г.Ф. Коваленко
Хабаровск

МОБИЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЗАУРУСА ЧИТАТЕЛЯ СРЕДСТВАМИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Ключевые слова: стилистическая конвергенция, тезаурус читателя, регулятивность, когнитивно-прагматические функции.

Key words: stylistic convergence, the reader's thesaurus, the ability to regulate, cognitive-pragmatic functions.

Под стилистической конвергенцией мы вслед за И.В. Арнольд понимаем схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции [Арнольд 2002: 100]. Стилистическую конвергенцию относят к типам выдвижения, способам формальной орга-

низации текста, фокусирующим внимание читателя на определенных моментах сообщения и устанавливающим семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней [Арнольд 2002: 99]. Представители коммуникативной стилистики текста относят

типы выдвижения к регулятивным структурам, дающим ключ к коммуникативной стратегии адресанта и к пониманию текста [Болотнова 2006 (б): 109].

Целью данного исследования является изучение механизмов воздействия стилистической конвергенции на получателя речи в процессе текстовосприятия.

Современные исследователи отмечают обусловленность синтеза когнитивного и коммуникативного направлений в подходе к рассмотрению языковых явлений. «Синтез двух лингвистических направлений позволяет исследовать процесс общения наиболее исчерпывающе: формирование и хранение информации осуществляется по законам когнитивной лингвистики, а ее передача – по законам коммуникации» [Мкртычян, Ничипорович 2008: 84].

Понимание текста и вербализация относятся к числу базисных категорий модели общения: это два вида функционирования языка, и звеном, соединяющим эти два процесса, является категория знания [Городецкий 1989]. Отсюда следует, что изучение знаний, разработка моделей знаний, процессы извлечения знаний из текста и воплощение их в текст становятся ведущим направлением когнитивных исследований языка, что, следовательно, предполагает выделение и анализ прежде всего двух взаимосвязанных вопросов: структуры представления различных знаний; способы организации знаний в процессе понимания и порождения языковых сообщений [Герасимов, Петров 1988].

Сегодня в науке большое внимание уделяется влиянию предшествующего опыта и знания на характер и результат познавательного процесса, что нашло отражение в теории «схем», «моделей ситуаций», «фреймов» и т. д. По У. Найссеру, схемы формируются в процессе всей жизни человека, в силу чего опыт, знания и навыки познающего субъекта «оказывают критическое влияние на полноту восприятия реальных предметов и событий» [Найссер 1981: 6].

Согласно Т.А. ван Дейку и В. Кинчу, в качестве основы интерпретации текста выступают «модели ситуаций». Мы понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь. Соответственно, использование знания в понимании текста означает способность соотносить текст с некоторой имеющейся структурой знания, на основе которой и создается «модель ситуации». Использование моделей ситуаций объясняет, почему читатель понимает имплицитные и неясные фрагменты текстов – в этом случае они активизируют соответствующие фрагменты ситуационной модели [Дейк, Кинч 1988: 177].

Действительно, понимание некоторой новой ситуации сводится прежде всего к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой. Мы можем обрабатывать новые данные, не иначе как обратившись к памяти о ранее накопленном опыте. Этот поиск основывается на том, что структуры, применяемые при обработке новых данных, аналогичны используемым для организации памяти [Герасимов, Петров 1989: 8].

То, что извлекается из опыта при встрече с той или иной герменевтической ситуацией, есть «фрейм», готовый стереотип. Познание заключается в том, что люди приспособливают этот «фрейм» к реальности, заменяя его детали по мере необходимости. Разум обычно интерпретирует данные восприятия в терминах ранее приобретенных и предназначенных для описания структур – фреймов. Фрейм – один из способов представления стереотипной ситуации. У каждого фрейма есть набор характеристик, обладающих следующим свойством: наличие достаточного количества этих характеристик сможет привести к активации фрейма в целом [Минский 1988: 289-290].

Понимание наступает тогда, когда субъекту становится ясно, о какой ситуации идет речь и как представляет себе ситуацию адресант. Исследователи так описывают процесс когнитивного понимания: сначала

предложения анализируются, разделяясь на элементарные высказывания, при этом образуются структуры знания, репрезентирующие действия и ситуации, непосредственно описанные в тексте, затем эти схемы знания сопоставляются с обобщенными структурами знания, и в соответствии с тем, как идентифицируются подходящие концептуальные схемы, строится вторичная интерпретация событий [Богин 2001].

При этом, как известно, большое значение имеет тезаурус конкретного человека, выступающий как единая информационная база. По мнению Н.В. Шевченко, тезаурус адресата, то есть его энциклопедическая информированность, зависящая от его фоновых знаний, от социального, культурного, образовательного статуса, определяет ассоциативные ряды, которые порождает то или иное произведение в его сознании [Шевченко 2003: 20]. Для восприятия текстов необходимо «погружение» в ментальный мир, для чего адресат речи либо должен извлечь из своей памяти нечто об особенностях такого «возможного мира», либо отчасти строить его по мере ознакомления с поступающим к нему речевым потоком [Кубрякова 2000: 19-20].

Как отмечает М.М. Бахтин, содержание художественного текста полифонично, стоящий за ним мир может быть увиден и осмыслен читателем по-разному. Тем не менее, существует некий инвариант, объективная основа которого заложена в самом тексте, она выражается в материальной форме и опирается на общность информационного тезауруса адресанта и адресата [Бахтин 1978]. По словам Т.Г. Винокур, это эстетически осмысленная словесная экспликация языкового отбора, снимающая любую неопределенность» [Винокур 2009: 37].

По мнению Н.С. Болотновой, субъективное отражение содержательного плана текста в сознании адресата на основе его информационного тезауруса и ценностных ориентиров следует называть смыслом

текста, при этом художественный смысл текста можно выявить, идя разными путями, опираясь на лексическую структуру целого произведения, в том числе от выявления регулятивных структур разного типа (слов-названий, индивидуально-авторских образных средств, стилистических приемов и типов выдвижения) – к их взаимосвязи в рамках целого и анализу стимулирования ими ассоциаций, формирующих микросмыслы с последующим обобщением [Болотнова 2006 (а): 436-447].

На основе способности выполнять регулятивную функцию на уровне элементов текста выделяются регулятивные средства (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, стилистические), с их помощью дифференцируется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности адресата. Регулятивные средства являются сигналами, которые стимулируют психологические импульсы, вызывающие «лирические эмоции» и актуализирующие определенные кванты знания в сознании адресата [Болотнова 2006 (б)].

На основе регулятивных средств, к которым относят стилистические приемы, формируются регулятивные структуры, позволяющие свернуть полученную информацию в модели сознания (фреймы). Их связь в процессе текстового развертывания на основе характерного для него способа регулятивности, мобилизации информационного тезауруса адресата и осознания им коммуникативной стратегии адресанта, формирует представление об общем эстетическом смысле литературного произведения [Болотнова 2006 (а): 485].

Таким образом, согласно теории регулятивности, стилистическая конвергенция как регулятивная структура «ответственна» за определение свертки полученной информации в ментальные структуры в сознании адресата. В связи с этим мы счи-

таем, что правомерно говорить о глобальной регулятивной функции стилистической конвергенции, ориентированной на поэтапное управление познавательной деятельностью читателя в процессе смыслового понимания текста. Наряду с этим следует выделить частные когнитивно-прагматические функции стилистической конвергенции, которые заключаются, на наш взгляд, в воздействии на когнитивную деятельность адресата в процессе его взаимодействия с текстом, на его восприятие, мышление, воображение и другие психические процессы в их совокупности, то есть на его когницию в процессе коммуникации.

Далее будут рассмотрены когнитивно-прагматические функции стилистической конвергенции в процессе мобилизации тезауруса адресата, иными словами, в процессе обработки новых данных через обращение к памяти о ранее накопленном опыте, когда в концептуальной системе получателя происходит интерпретация информации, предполагающая активизацию определенных фрагментов его картины мира, «реконструкцию» адресатом мировосприятия адресанта, а также модификацию картины мира адресата.

Обратимся к текстовым фрагментам романа известного американского писателя И. Стоуна *"The President's Lady"*. События в романе разворачиваются в конце XVIII – начале XIX веков, когда на американском фронтире происходят значительные перемены, природа подвергается воздействию со стороны человека, а покорение новых земель дает простор личной инициативе, уверенности в себе. Трудности, которые поджидали переселенцев на каждом шагу, можно было преодолеть, имея большие семьи. Женщины на фронтире разделяли все тяготы жизни с мужьями.

Так, мать главной героини романа отправилась в свое время с мужем осваивать новые земли:

(1) *When seventeen-year-old Rachel Stockly married nineteen-year-old John Donelson*

and went with him to the western frontier of Virginia she took with her a substantial dowry, education and family traditions. They had come in handy, all three, in clearing the wilderness, raising eleven children, building a prosperous plantation and managing it while her husband served in three terms of the Virginia House of Burgesses (Stone, 18).

Зевгма *took with her a substantial dowry, education and family traditions*, основанная на нарушении логического закона тождества (в перечислительный ряд однородных членов предложения включены логически неоднородные компоненты), передает легкую иронию автора по поводу того, что женам переселенцев, осваивающих новые рубежи, необходимо было не только что-то иметь, но и уметь. Лексические единицы перечислительного ряда на ассоциативной основе вызывают следующие ассоциации: *substantial dowry* – *smth large, considerable to possess*; *education* – *training, mental power as a result of such training, knowledge and abilities, capacity or power to do smth physical or mental*; *family traditions* – *customs, beliefs, handed down*. В результате в сознании адресата актуализируется смысл «замужняя женщина на фронтире должна была иметь, знать и уметь многое». Синтаксический параллелизм *clearing the wilderness, raising eleven children, building a plantation, managing it* указывает на признак «многочисленные обязанности женщины в семье». В контексте нет прямого упоминания о трудностях жизни женщины на фронтире, однако, благодаря конвергенции стилистических приемов, представляющей некую единую схематизацию знания и составляющей необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию представленной ситуации, в сознании адресата создается модель ситуации *"hard times for frontier women"*.

Употребление стилистической конвергенции мотивировано реализацией прагматических установок адресанта на воздействие на эмоциональную и интеллек-

туальную сферы воспринимающего текст субъекта, следовательно, конвергенция выполняет акцентирующую (акцентирует внимание на значимых объектах) и актуализирующую (активизирует определенные смыслы в сознании адресата) когнитивно-прагматические функции.

Обратимся к следующему примеру, в котором создатель текста описывает клан Донелсонов, собравшийся в доме матери, чтобы обсудить важное для семьи событие:

(2) *Sunday was gathering day for the Donelson clan. At the head of the polished split-log table sat Mrs. Donelson, and at the foot Rachel's oldest sister Mary, <...> whose twelve children went up in regular steps like rungs of the ladder to a hayloft, and whose oldest child was almost Rachel's age. Next to Mary sat her husband, John Caffrey. <...> Across from John Caffrey sat the next sister, Catherine, tall, stringly, gray, unrelentingly vocal at home with her nine children, but always silent at these family reunions. With her was her husband, Thomas Hutchings, a quiet but sympathetic man. In the first seat on the right sat John, Jr., not because he was the oldest; Alexander, the first-born and perennial bachelor of the sharp yellow teeth and migratory feet, had gladly given up **this place of ascendancy** to Johnny who, because he bore his father's name, had become **the titular head of the family**. Opposite Johnny sat Alexander, next to him, William the Cautious, and then Samuel. Rachel's regular seat was next to Samuel's. Across from her were Robert and Jane Hays, and immediately next to Jane was Stocky, the sometime lawyer and politician of the family* (Stone, 33).

Благодаря инвертированному порядку слов при перечислении, когда имена сидящих за столом употреблены после предиката (*At the head of the polished split-log table sat Mrs. Donelson, Next to Mary sat her husband, John Caffrey. <...> Across from John Caffrey sat the next sister...*), создается атмосфера некоторого напряженного ожидания. Основанием для образного сравнения *twelve children went up in regular steps like rungs of*

the ladder to a hayloft является количество и регулярность появления детей в семье. Благодаря данному тропу обозначаемое (дети) оказывается выдвинутым, акцентированным: не только взрослые, но и их дети должны сидеть за обеденным столом в такие дни. Эпитеты *place of ascendancy*, *the titular head* передают экспрессивную оценочную характеристику почетного места за столом и человека, занимающего это место, при этом обращает на себя внимание дефиниция лексических единиц *ascendancy* – ‘having power’ [Hornby 1988: 44] и *titular* – ‘held by virtue of a title’ [Hornby 1988: 908].

В тексте нет упоминаний о том, что соблюдение традиций – важная сторона жизни фронта, и какая атмосфера царит за столом во время таких “*family reunions*”. Однако стилистическая конвергенция выдвигает важные характеристики ситуации: «обязательное присутствие всех членов семьи, включая детей», «соблюдение определенных правил (наличие почетного места и закрепленность мест за каждым членом семьи)», «атмосфера торжественности и напряженного ожидания за столом». В результате адресат соотносит полученную информацию со структурой, имеющейся в его сознании, активизируя модель ситуации “*family reunions at the Frontier*”. Стилистическая конвергенция выполняет акцентирующую, актуализирующую и эмоционально-мобилизующую (отражает факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности и мобилизует эмоции воспринимающего текст) когнитивно-прагматические функции.

Стремление иметь большую семью и свой дом было заветным желанием каждого мужчины на фронтире. Эндрю Джексон говорит, что семья для него – самое большее, о чем можно только мечтать:

(3) *I think the greatest thing in the world any man can have is a family, the bigger the better*” (Stone, 38).

Гипербола *a family is the greatest thing in the world* объективирует признак «трепетное отношение к созданию семьи» (лексическая единица *great* ассоциируется со словами *important, noted, well above the average in degree*), обособление *the bigger the better* выделяет признак «количественный состав семьи». Средства стилистической конвергенции «заставляют» воспринимającego текст задуматься о важности большой семьи в эпоху фронта. Соединяясь с прочитанным, эти знания в сознании читателя стимулируют сборку модели ситуации *"the importance of having a very large family at the frontier"*. Когнитивно-прагматические функции стилистической конвергенции – акцентирующая и актуализирующая.

Обратимся к следующему контексту. Вернувшись в дом матери, Рейчел переживает трудные времена. Спасаясь от одиночества, она посвящает все свободное время семьям своих братьев и сестер, помогая им в воспитании детей, протягивая им руку помощи в трудный момент:

(4) ***She lived like a bird on the wing that sharp blustery fall, with no permanent place of abode, visiting back and forth among her sisters and brothers to be with their children, particularly the newborn whom she helped usher into the world and took care of until their mothers came back to full strength. The youngsters awaited her visits eagerly and talked about Aunt Rachel so much that her family took to calling her, as though it had settled her peculiar status: Aunt Rachel. When the children were ill she nursed them, sitting by their bed during the day and night; if they got into trouble or needed confidante, she performed that service too. If the man of the family had to go away she moved in with sister or sister-in-law to keep her company and offer added protection*** (Stone, 65).

Образное сравнение Рейчел с перелетной птицей (*lived like a bird on the wing, with no permanent place of abode*) и синтаксический параллелизм (*when the children were ill she nursed them; if they got into trouble or need-*

ed confidante she performed that service; if the man ... had to go away she moved in with...) экспрессивно актуализируют смысл «находиться постоянно в пути». Сравнение *bird on the wing* активизирует в нашем сознании лексические единицы *fly, move, travel*, ассоциирующиеся с движением. Созданный автором образ перелетной птицы вызывает в сознании читателя ассоциации не только с постоянным перемещением, но и с опасностями, которые поджидали в пути жителей фронта, словно птиц во время перелета. Параллельные конструкции акцентируют внимание на большой занятости персонажа и вызывают у читателя на ассоциативной основе следующие смыслы: *"no time for herself", "no rest", "being busy", "having much to do"*. Сложность ситуации, в которой оказалась Рейчел, подчеркивается эпитетами, характеризующими ненастную осень: *that sharp blustery fall* (следует обратить внимание на дефиницию слов *sharp* 'with a fine cutting edge; not blunt; harsh, severe' [Hornby 1988: 786] и *blustery* 'stormy, rough and violent' [Hornby 1988: 91]).

Таким образом, средства стилистической конвергенции на ассоциативной основе мобилизуют знания адресата, помогающие восприятию текстового фрагмента и стимулируют «сборку» модели ситуации *"hard and dangerous times for a frontier woman"*. Конвергенция выполняет актуализирующую, акцентирующую и модифицирующую (благодаря образному сравнению *she lived like a bird on the wing* существенным образом влияет на видение ситуации адресатом) когнитивно-прагматические функции.

Таким образом, анализ стилистической конвергенции в аспекте мобилизации информационного тезауруса адресата показывает, что использование стилистических средств в их взаимодействии – один из способов актуализировать соответствующие фрагменты концептуальной картины мира читателя на ассоциатив-

ной основе. Основные когнитивно-прагматические функции, осуществляемые стилистической конвергенцией в аспекте мобилизации тезауруса адресата – актуализирующая, акцентирующая, модифицирующая и эмоционально-мобилизующая.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. пос. для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. / И. В. Арнольд. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 380 с.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1978. – № 12. – С. 269–310.
3. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику / Г. И. Богин // Изд-во «Психология и Бизнес ОнЛайн Переplet» : Электронная книга, 2001. – 731 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.superlinguist.com>
4. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Н. С. Болотнова. – 2-е изд., доп. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2006а. – 631 с.
5. Болотнова, Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – 2006б. – Вып. 5 (56). Сер. Гуманитарные науки (филология). – С. 108–112.
6. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – Изд. 4-е. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
7. Герасимов, В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка / В. И. Герасимов, В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 5–11.
8. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: Моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 24. – С. 5–26.
9. Дейк ван, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / отв. ред. В. В. Петров и В. И. Герасимов. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 153–211.
10. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. – М. : ИНИОН, 2000. – С. 7–25.
11. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / отв. ред. В. В. Петров и В. И. Герасимов. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 281–310.
12. Мкртычян, С. В. Лингводидактическое моделирование устного делового дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте / С. В. Мкртычян, Е. А. Ничипорович // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 83–93.
13. Найссер, У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии: пер. с англ. / У. Найссер. – М. : Прогресс, 1981. – 232 с.
14. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста : учеб. пособие / Н. В. Шевченко. – М. : Приориздат, 2003. – 160 с.
15. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford : University Press, 1988. – 1040 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Stone, I. The President's Lady / I. Stone. – New York : The New American Library, 1982. – 316 p.

УДК 81:001.4

ББК 81.001.4

К 58

Д.А. Кожанов
Барнаул

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-ГУМАНИТАРИЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: интертекстуальность, дискурс, фрейм, концепт, концептуальная картина мира.

Key words: intertextuality, discourse, frame, concept, conceptual picture of the world.

Проблематика современных исследований, посвященных языковой личности ученого, во многом определяется тезисом А.Ф. Лосева о том, что всякий ученый является представителем определенной эпохи,

разделяющим в той или иной мере некоторые ее идеалы, стереотипы и предрассудки. Его познавательный интерес тесно переплетен с массой других интересов и побуждений, «уживаясь в сознании со здра-

вым смыслом и повседневным опытом, из которого он черпает исходные интуиции научного познания» [Лосев 2001: 43].

Таким образом, можно говорить о параллельном сосуществовании в сознании двух личностей, являющихся носителями различных картин мира: научной картины мира, которая аккумулирует результаты научного познания, и практической, формирующейся в результате повседневного взаимодействия с окружающей реальностью. В современной философии данный феномен осмысливается в терминах расщепленного или «фрагментарного» сознания [Деррида 2000], формой существования которого является непрерывающийся ни на мгновение диалог между двумя личностями, которые зачастую обозначаются как «Я» и «Другой».

Данная интерпретация феномена сознания выдвигает на первый план такую характерную черту познающего субъекта, как его гетерогенность, выражающуюся в его неспособности к устойчивой и однозначной идентификации [Кристева 1997]. Процесс познания предстает как конструирование некоей общей картины мира, посредством синтеза имеющихся в распоряжении субъекта познания частных картин мира (научная, практическая, религиозная, мифологическая и т. п.). Ж. Делез описывает данный процесс как создание «внутри мира множества полостей, которые содержат множество возможных миров», что предполагает множественность вариантов интерпретации и осмысления объектов познания [Делез 1998: 406-407].

Как следствие, особую актуальность приобретают исследования, ориентированные на максимально полное описание языковой личности ученого с характерным для нее широким спектром когнитивных и прагматических интенций. Объектом исследования, в первую очередь, являются стилистически маркированные языковые единицы, вплетенные в ткань научного текста с целью сделать

его более ярким и продуктивным. Например, в работе И.А. Федорченко [Федорченко 2002], посвященной языковой личности академика В.В. Виноградова, в качестве объекта исследования выступают эмотивно-окрашенные метафорические и метатекстовые компоненты научных текстов, эксплицирующие личностные смыслы автора и позволяющие выявить особо значимые константы и ценностные ориентиры языковой личности ученого-филолога. Иными словами, речь идет о тех образных языковых средствах, с помощью которых авторское Я (носитель научной картины мира) ведет диалог с Другими (представляющими иные картины мира).

Используемый в подобных исследованиях материал (представленный научными и научно-популярными текстами) позволяет реконструировать речевой портрет исследователя с его интересами, установками, социальными и психологическими предпочтениями. Однако данный материал представляется недостаточным для решения более общих задач, под которыми мы понимаем, в первую очередь, переход от описания фрагментов лингво-когнитивного пространства языковой личности конкретного исследователя к реконструированию характерных особенностей языковой личности ученого, принадлежащего определенному культурно-историческому периоду.

Необходимость расширения корпуса исследовательского материала обусловлена тем фактом, что рамки научного текста ограничивают проявления языковой личности в силу присущим такому типу текста особенностям, как например, стремление к унификации используемых языковых средств. Как следствие, далеко не все грани языковой личности исследователя могут найти свое отражение в научных текстах.

Обращение именно к художественным текстам связано с множественностью по-

тенциально возможных прочтений данных текстов. Если любой другой текст (научный, юридический и т. п.), а в равной степени и его автор, не могут находиться вне дискурсивной формации, которая над ними господствует [Пеше 1999: 277], то художественный текст, который открыто постулирует фиктивность, условность своего субъекта, может быть прочитан и интерпретирован вне своей дискурсивной формации [Саморукова 2001]. Данная особенность интерпретации художественных текстов может открыть доступ к таким аспектам языковой личности исследователя, которые не находят своего отражения в других видах текстов.

Решение поставленной выше задачи требует обращения к корпусу художественных текстов, в которых язык науки взаимодействует и интерферирует с другими языками, функционирующими как иерархически самоорганизующаяся система в пространстве текста [Лотман 1998: 427]. С точки зрения структурной организации данные художественные тексты представляют собой множество субтекстов, построенных по законам различных дискурсивных формаций и отражающих в своем взаимодействии многогранность языковой личности исследователя, являющегося героем художественного произведения.

Примером такого текста является роман канадской писательницы Маргарет Этвуд "Robber Bride", повествование в котором ведется от лица ученого-историка. Внутренний монолог героини, представленный в приведенном ниже фрагменте, является своеобразной реакцией героини на речевые акты угроз из ее любимого криминального сериала и попыткой продолжить их смысловой ряд.

(1) *Such men always have something appropriate to say before throwing a knife or breaking the neck. Is there an urge to warn, to intimidate the foe, to boost oneself into action? Dieu et mon droit. Noli me impune lacessit. Dulce et*

decorum est pro patria mori. Don't mess with me. Challenges, battle cries, epitaphs. Bumper stickers (Atwood 1994: 44).

Вышеприведенная последовательность английских и латинских субтекстов (девиз королевского дома Британии «Бог и мое право», девиз королевского дома Шотландии «Никто не тронет меня безнаказанно», строки из Горация «Сладка и прекрасна за Родину смерть», надпись на наклейке для бампера), принадлежащих разным эпохам и культурам, представляет собой языковую и дискурсивную аномалию, требующую введения нового способа интерпретации. Метафорически данный способ описывается как «взрыв линейности», блокирующий развитие текста и подталкивающий его интерпретатора к интертекстуальному чтению [Ямпольский 1993: 61]. Читатель вынужден перенести процесс семантического преобразования текста в область индивидуального смысла, или концептов, выраженных в форме претекстов, т. к. оказывается не в состоянии интерпретировать смысл текста на уровне метафорических и метонимических переносов, орфографических и согласовательных правил, словообразовательных моделей и т. п.

Обращение к претекстам позволяет реконструировать фрагмент картины мира героини, представленный концептами ВЛАСТЬ, ВЫЗОВ, ВОЗМЕЗДИЕ и СМЕРТЬ, взаимодействующими в ментальном пространстве героини. Примечательно, что в качестве средств языковой объективации концептов выступают не отдельные лексические единицы (имена концептов), а текст, построенный на базе цитат и реминисценций к другим текстам, или интертекстами. При этом интертекстуальность данного фрагмента предстает как способ построения собственного текста и постулирования собственного Я через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстом других авторов (других «Я») [Фатеева 2007: 20].

Приведенный фрагмент иллюстрирует две особенности языковой картины мира исследователя (в данном случае ученого-историка) по сравнению с картиной мира любого другого носителя языка. Во-первых, мы можем наблюдать более объемный корпус языковых средств объективации концептов. При этом речь идет не о научных понятиях (что представлялось бы совершенно естественным), а о концептах, присутствующих в картине мира любого индивида. Во-вторых, концепты, составляющие в своей совокупности картину мира исследователя, отличаются как более сложной структурой и содержательным наполнением, так и более разветвленной системой ассоциативных связей с другими концептами.

Можно сделать вывод, что профессиональные знания и опыт исследователя оказывают заметное влияние на различные аспекты его языковой практики, что иногда приводит к парадоксальным результатам. Так, персонаж М. Этвуд зачастую пишет и произносит слова и предложения в обратном порядке, руководствуясь в своей речевой практике теми же принципами, что используются в историческом исследовании, реконструирующем события от момента речи до некоторой точки в прошлом.

(2) *All history is written backwards, writes Tony, writing backwards. We choose a significant event and examine its causes and its consequences, but who decides whether the event is significant? We do, and we are here; and it and its participants are there. They are long gone; at the same time, they are in our hands. Like Roman gladiators, they are under our thumbs.*

Yet history is not a palindrome, thinks Tony. We can't really run it backwards and end up at a clean start. Too many of the pieces have gone missing; also we know too much, we know the outcome. Historians are the quintessential voyeurs, noses pressed to Time's glass window. They can never actually be there on the battlefield, they can never join in those moments of su-

preme exaltation, or of the supreme grief either (Atwood 1994: 129).

Способ видения мира ученого-историка, заключающийся в движении мысли от настоящего к прошлому, вступает в конфликт с более привычным способом движения мысли от настоящего (прошедшего) к будущему, характерному для практической картины мира. Если первый фрагмент открывает доступ к некоторым структурным и содержательным особенностям концептов, составляющих в своей совокупности картину мира исследователя-гуманитария, то в данном фрагменте находят свою объективацию более абстрактные когнитивные структуры. Речь идет о фреймах, организующих познавательную деятельность человека и упорядочивающих его опыт.

Фреймы, составляющие основу познавательной деятельности исследователя-гуманитария, характеризуются рядом особенностей, которые зачастую находят свое отражение в текстах художественных произведений. Например, в романе английского писателя Дэвида Лоджа "Nice Work" особенности мировосприятия ученого-филолога являются центральной темой диалога, который рассказчик ведет с героиней.

(3) *Every text is a product of intertextuality, a tissue of allusions to and citations of other texts; and, in the famous words of Jacques Derrida (famous to people like Robyn, anyway), "il n'y a pas de hors-texte", there is nothing outside the text. There are no origins, there is only production, and we produce our "selves" in language. Not "you are what you eat" but "you are what you speak" or, rather "you are what speaks you", is the axiomatic basis of Robyn's philosophy, which she would call, if required to give it a name, "semitic materialism". It might seem a bit bleak, a bit inhuman ("antihumanist, yes; inhuman, no," she would interject), somewhat deterministic ("not at all; the truly determined subject is he who is not aware of the discursive formations*

that determine him. Or her," she would add scrupulously, being among other things a feminist) (Lodge 1998: 40).

Повествование рассказчика неоднократно прерывается речью героини, уточняющей его формулировки или опровергающей его утверждения, касающиеся личности героини. При этом речь героини содержит заведомо преувеличенное число цитат, терминов, прецедентных имен и т. п., отсылающих к корпусу текстов, являющихся значимым для современного лингвиста. В итоге у читателя создается впечатление, что языковая личность данного персонажа действительно может быть представлена как некоторый набор научных текстов, фрагменты из которых составляют большую часть речевых высказываний персонажа.

Если в первом примере интертекстуальность предстает как средство утверждения своего собственного творческого Я среди Других и по отношению к Другим, то в данном фрагменте она доводится до абсурда и приводит к обратному эффекту. Авторское Я исследователя-гуманитария подвергается практически полному растворению в семиотическом пространстве «чужих» слов, образов и текстов. Данное впечатление усиливается прямым указанием рассказчика на то, что описываемый персонаж решительно отказывается принимать традиционную концепцию «персонажа как самостоятельной личности».

(4) *We travel back an hour or two in time, a few miles in space, to meet a very different character. A character who, rather awkwardly for me, doesn't herself believe in the concept of character. That is Robyn Penrose, Temporary Lecturer in English Literature at the University of Rummidge, holds that "character" is a bourgeois myth, an illusion created to reinforce the ideology of capitalism.*

According to Robyn (or, more precisely, according to the writers who have influenced her

thinking on these matters), there is no such thing as the "self" on which capitalism and the classic novel are founded – that is to say, a finite, unique soul or essence that constitutes a person's identity; there is only a subject position in an infinite web of discourses – the discourses of power, sex, family, science, religion, poetry, etc. (Lodge 1998: 39-40).

Как видно из вышеприведенного фрагмента, персонаж идентифицирует себя как позицию субъекта в бесконечной паутине дискурса, объявляя концепцию независимого «Я» буржуазным мифом. Очевидно, что в данном случае происходит заимствование не столько отдельных элементов концептуальной картины мира, сколько образа мысли и, соответственно, способов построения суждений. Заимствованная структура представляет собой семантический комплекс неоднородной структуры, непосредственно коррелирующий как с вербальной, так и невербальной памятью индивида. В исследовательских работах, посвященных феномену интертекстуальности, для обозначения подобного семантического комплекса используется термин «метатекстовый троп», введенный Н.А. Фатеевой. Метатекстовые тропы (метатропы) представляют собой стоящие за конкретными языковыми образованиями (на всех уровнях текста) глубинные функциональные зависимости, структурирующие модель мира определенного индивида [Фатеева 2007: 54].

Очевидно, что именно эти единицы представляют особый интерес для исследований, ориентированных на реконструирование фрагментов языковой картины мира исследователя-гуманитария, т. к. метатекстовые тропы образуют в своей совокупности ту область ментального пространства, в которой пересечение различных видов памяти создает особый вид «креативной» памяти, обеспечивающей генерацию новых смыслов.

Библиографический список

1. Делез, Ж. Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез // *Логика смысла*, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – С. 395–422.
2. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб. : Печатный двор, 2000.
3. Кристева, Ю. От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // *От Я к Другому* : сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997. – С. 254–275
4. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001.
5. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998.
6. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // *Квадратура смысла*. М. : Прогресс, 1999. – С. 225–290.
7. Саморукова, И. В. О понятии «дискурс» в теории художественного высказывания / И. В. Саморукова. – Самара, 2001. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://vestnik.samsu.ru/gum/200103.html>
8. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текста / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007.
9. Федорченко, И. А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В. В. Виноградова : автореф. ... канд. филол. наук / И. А. Федорченко. – Барнаул, 2002. – 24 с.
10. Ямпольский, М. В. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. В. Ямпольский. – М. : Культура, 1993.

Список источников иллюстративного материала

1. Atwood, M. *The Robber Bride* / M. Atwood. – London : Virago Press, 1994. – 564 p.
2. Lodge, D. *Nice Work* / D. Lodge. – London : Penguin Books, 1988. – 384 p.

УДК 37.016:811.111

ББК 74.268.19=432.1

С.В. Кустова
Барнаул

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: системно-деятельностный подход, типы презентаций Power Point.

Key words: process approach, types of Power Point presentations.

Основной идеей, заложенной в федеральных государственных стандартах нового поколения, является идея ответственности самого учащегося за получение образования, обеспечение социальной компетентности личности в современном обществе. В процессе получения профессионального образования формирование профессиональной компетентности будущего педагога понимается как «интегральная характеристика, определяющая способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей» [Радионова, Тряпицына 2006]. Таким образом, профессиональная компетентность преподава-

теля иностранного языка проявляется в ходе решения им профессиональных задач – организации условий для более эффективного освоения учащимися иностранного языка и применения его как в условиях урочной, так и внеурочной деятельности.

Для профессионально-компетентного учителя иностранного языка базовыми являются компетенции, необходимые для построения профессиональной деятельности в контексте требований, представленных в федеральных государственных стандартах нового поколения. В основе данных требований к системе образования на современном этапе развития общества лежит системно-деятельностный подход, обеспечивающий:

– формирование готовности учащихся к саморазвитию и непрерывному образованию;

– проектирование и конструирование социальной среды развития обучающихся в системе образования;

– активную учебно-познавательную деятельность обучающихся.

Применение принципов системно-деятельностного подхода в процессе обучения иностранному языку, таким образом, предполагает: разнообразие форм организации обучения иностранному языку с учётом индивидуальных возможностей обучающихся, что позволяет обеспечить рост их творческого потенциала, познавательных мотивов изучения иностранного языка; гарантированность достижения планируемых результатов освоения основной образовательной программы обучения иностранному языку как основы для самостоятельного успешного овладения знаниями, умениями, компетенциями, видами, способами деятельности в ходе изучения иностранного языка.

Принимая во внимание тот факт, что весь процесс профессионального обучения строится с учётом подготовки будущего учителя иностранного языка к выполнению им определённых профессиональных педагогических задач, актуальным является организация творческой поисковой деятельности студентов, индивидуализация и дифференциация их учебно-познавательной деятельности, создание условий для их профессионального и творческого развития начиная с первых шагов в высшем учебном профессиональном учреждении. Следовательно, применение принципов системно-деятельностного подхода в процессе подготовки студентов по направлению «Педагогическое образование» позволяет включать их в решение тех профессиональных задач, решением которых они будут заниматься в процессе своей деятельности в качестве учителя иностранного языка.

Так как сущность системно-деятельностного подхода заключается в развитии личности учащегося в деятельности и че-

рез деятельность, особый акцент в подготовке студентов по овладению иностранным языком необходимо делать на способах получения знаний и их применении в нестандартных условиях. Одной из форм организации овладения новым знанием и применением его в новой учебной ситуации является подготовка студентами презентаций в рамках изучаемой темы по практическому курсу английского языка. Кроме того, в современной школе данный вид работы очень популярен у школьников и широко используется в практике изучения иностранного языка, что вполне оправданно с точки зрения принципов системно-деятельностного подхода. Подготовка и представление материала в виде презентации Power Point способствует развитию творческого потенциала, познавательных мотивов изучения иностранного языка, достижению основной цели обучения иностранному языку – общению на иностранном языке, формированию основы для самостоятельного успешного овладения новыми видами, способами деятельности в ходе его изучения.

Однако, как показывает опыт работы, студенты с трудом справляются с данным видом задания, несмотря на их явную заинтересованность в его выполнении и наличие знаний о работе с Power Point. Проанализировав недостатки студенческих презентаций, мы пришли к выводу, что студентам необходимы дополнительные знания того, как организовать материал и как правильно выбрать подходящий стиль изложения презентуемого материала. В связи с этим мы предлагаем следующие рекомендации по подготовке студентов к данному виду деятельности.

В первую очередь, необходимо довести до студентов цель презентации определённого материала, так как целеполагание важно не только для мотивации студентов к выполнению данного задания, но и для построения самой презентации. Данный этап позволяет студентам осоз-

нать чего они хотят достичь в ходе своего выступления: информировать слушателей о проблеме, убедить их в чём-либо, либо побудить их к определённым действиям. В зависимости от избранной цели выбирается стилистическое оформление презентации.

Так, в ходе изучения темы "Education" студентам предоставляется возможность подготовить презентацию на тему "British Universities", целью которой является информировать слушателей об особенностях образования в Британских университетах. Одной из типичных ошибок студентов при работе с такого рода заданием является большое количество информации, её неверная группировка и несоблюдение стилевого оформления выступления. В связи с этим, в ходе обсуждения подготовки данного задания, следует напомнить студентам, что аудитория может воспринять лишь ограниченное количество информации одновременно, поэтому отбирать необходимо самое важное и следовать выбранному стилю изложения. Важным моментом является способ подачи материала, так как чтение, к чему чаще всего прибегают студенты, является неэффективным, затрудняет контакт со слушателями и противоречит условиям реального общения. Следовательно, студенты должны знать, что это не приемлемо и избегать зачитывания больших объёмов информации.

Несмотря на тот факт, что презентация «информирование» является наиболее распространённым видом презентации, используемой в процессе обучения иностранному языку, более интересным опытом, на наш взгляд, является презентация с целью убедить, либо побудить слушающих к чему-либо. В качестве примера такого рода задания служит презентация о том, что такое здоровый образ жизни и как его вести, которую студентам 2 курса предлагается выполнить в ходе изучения темы "Medicine". Отличительной чертой

данного типа задания является то, что в ходе неё необходимо донести свою точку зрения до слушателей, суметь выразить своё мнение, добиться того, чтобы аудитория разделила их точку зрения. В связи с этим, необходимо напомнить студентам о структуре презентации, а также снабдить студентов соответствующими языковыми средствами, добиться правильного их выбора и использования.

В отношении группировки информации в презентации «убеждение» предлагается соблюдать следующую последовательность: вступление, в котором раскрывается проблема, побудившая студента поделиться своими идеями по данному вопросу. Во вступлении студентам можно предложить использовать цитаты, яркие факты, статистику, противоречивые мнения на данную проблему. В основной части презентации излагается точка зрения автора с опорой на факты, изложение строится от общего к частному, более значимого к менее значимому. Студенты должны знать, что чем больше приведено точек зрения, противоположных их собственному мнению, тем более полно выглядит их презентация. Заключительная часть презентации должна отличаться определённым призывом к тому, что необходимо сделать для сохранения собственного здоровья, мотивировать слушателей последовать советам, данным выступающим.

Целостность изложения, его логичность и последовательность влияет на реакцию аудитории, её точку зрения и, следовательно, имеет большое значение для презентации «убеждения». Использование определённых языковых средств связи необходимо для достижения данной цели. Так, для постановки проблемы, можно использовать следующие языковые средства: *Nowadays, Generally, In many cases, It is a well-known fact that, There is no doubt that, There appeared a trend to, It is obvious that ... but.* Для представления противоположной точки зрения и

перехода от одного слайда к другому можно предложить следующие средства связи: *Apart from the fact that, As well as, Besides, As well as this, To give an example, Take, To illustrate what I mean, To support my point of view, I doubt whether, There are people who may think that, It could be argued that, A different opinion holds that.* В заключительной части презентации данного типа, студенты могут воспользоваться следующими языковыми средствами: *I think we should, It would be a good idea if, If you ask me, It seems to me that, What I like about ... is that, One way (another way) of ... is to, In this way, That would mean, If this happened, By doing this.*

Заключительным этапом работы по представлению презентации «убеждения» является этап рефлексии – осознание результатов своей деятельности и выступлений других студентов. В ходе анализа предъявленных презентаций студенты отвечают на вопросы: удалось ли решить

поставленную задачу (присутствовали все характерные части презентации), каким способом (оригинальная постановка проблемы и широта охвата взгляда на проблему), какие получились результаты (оригинальность предложенных мер и способов работы над вредными привычками, советы, аргументы), что можно сделать ещё, чтобы следующая презентация была более убедительной.

Таким образом, осваивая способы презентации материала в зависимости от цели его изложения, студенты формируют умение организовать собственное выступление и в будущем обучить учащихся основным принципам построения презентации, включая их в процесс самостоятельного добывания знаний, творческого их применения, что и подразумевает системно-деятельностный подход к обучению иностранному языку.

Библиографический список

1. Радионова Н. Ф., Тряпицына А. П. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Н. Ф. Радионова, А. П. Тряпицына // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». – Выпуск 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: www.omsk.edu

РЕЗЮМЕ**SUMMARY**

Муньез Е.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ХРОНОТОП В ИЗУЧЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ РОМАНОВ 19 ВЕКА (ЛИНГВО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ). Использование понятия хронотоп может быть эффективным в старших классах средней школы, а также в рамках университетских курсов по изучению произведений, написанных в 19 веке. Одним из достоинств этих литературных произведений является их красочность и насыщенность в плане содержания. Читателю приходится мысленно делить роман на части, чтобы не пропустить важные детали в развитии сюжетных линий. Данная работа описывает использование понятия хронотоп в прочтении романа «Даниель Даронда» Джордж Элиот. Анализ отдельных эпизодов позволяет студентам лучше понять внутренний мир героев.

Munoz E.V. THE USE OF CHRONOTOPE IN THE STUDY OF THE EUROPEAN NINETEENTH-CENTURY NOVEL (LINGUA-DIDACTIC EXPERIMENT). Application of the notion chronotope can prove resourceful in a high school and college class which focuses on the study of nineteenth-century novels. One of the main attributes of these works of literature is that they are lengthy, which allows the reader to assume a certain narrative pace and 'stride' along as they read. The following essay describes a pedagogical experiment of how to use chronotope to better understand the narrative structure of "Daniel Daronda" by George Eliot and its main character's journey of the mind. Close reading of selected passages is an engaging way to encourage students to delve into the text under study.

Андрющенко О.К. РЕЧЕВОЙ АКТ ОБЕЩАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. В настоящей статье рассматривается речевой акт обещания с точки зрения его функционирования в предвыборной коммуникации (на примере предвыборных агитационных листовок), его прагматические характеристики и место в интенциональной структуре листовки. Автор делает вывод о трансформации речевого акта обещания, утраты им эксплицитного перформативного значения, что отразилось в появлении значений «клятвенное» и «пустое» обещание.

Andryushchenko O.K. SPEECH ACT OF PROMISE IN ELECTION-RELATED COMMUNICATION: SEMANTIC-PRAGMATIC ANALYSIS. The author of this article considers the speech act of promise in terms of its functioning in election-related communication (as exemplified in election campaign leaflets), its pragmatic characteristics and place in the intentional structure of a leaflet. The author draws a conclusion on the transformation of the speech act of promise, the loss of its explicit performative meaning, which is reflected in the emergence of meanings such as "decisive" and "empty" promise.

Барсукова С.С. ОСНОВЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ДИССОНАНСА. В статье рассматривается феномен диссонанса как семантического несоответствия между образующими словосочетание лексическими единицами. Стилистическими средствами, иллюстрирующими реализацию лексического диссонанса, являются такие структуры, как оксюморон, катахреза и пере-

несённый эпитет. Используемые для достижения большей образности, деавтоматизации восприятия и номинации понятий, не имеющих специальных языковых обозначений, структуры, содержащие лексический диссонанс, отражают не столько реально существующие предметы и явления, сколько мыслимые или гипотетически возможные

Barsukova S.S. THE BASIC PRINCIPLES OF THE LEXICAL DISSONANCE. The given article reviews dissonance that may be assumed to be equivalent to semantic incongruity between combining lexical units. This phenomenon is revealed through such stylistic devices as oxymoron, catachresis and transferred epithet. All these structures are employed to achieve a greater degree of verbal imagery, to de-automate the reader's perception and to nominate the notions that haven't so far acquired any specific designation of their own. Fulfilling the functions enumerated above, the tropes that create the body of this research are designed to reflect certain subjects that refer to the sphere of cognitively or hypothetically possible rather than to that of objective reality.

Бондаренко С.В. СИТУАЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕЧИ. Статья посвящена проблеме реализации категории изменения состояния в речи. Будучи каузативноокрашенной и включая в себя аспекты процессивного характера (фазисности и результативности), категория изменения состояния находит свое речевое выражение в предложениях каузативного и некаузативного характера с одно-, двух-, трех- и четырехместными структурными построениями. Реализованность или нереализованность тех или иных семантических актантов зависит от информационного задания каждого конкретного коммуникативного акта.

Bondarenko S.V. SITUATION OF STATE CHANGE AND ITS REALIZATION IN DISCOURSE. The article is devoted to the problem of the State Change Category realization in discourse. Having a causative character and being determined as a process or an action, State Change Category finds its representation in sentences of causative and non-causative character with one, two, three or four elements in their structural constructions. The realization or non-realization of this or that semantic element depends on the informative perspective of each act of communication.

Вишнякова О.В. Языковые репрезентанты национально-культурной специфики новозеландского социума: проблемы мотивированности и концептуальной полноценности. Национально-культурная специфика, отраженная в новозеландском варианте английского языка, позволяет проследить целый ряд тенденций в плане выявления мотивированности и концептуальной полноценности словосочетаний-репрезентантов различных концептуальных сфер, в том числе – концептуального поля «кулинария, еда, культура питания».

Вишнякова О.В. LANGUAGE REPRESENTATIONS OF NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF NEW ZEALAND COMMUNITY: PROBLEMS OF MOTIVATION AND CONCEPTUAL INTEGRITY. The analysis of national cultural peculiarities reflected in New Zealand English enables the learner to trace some tendencies in terms of motivation and conceptual integrity of word-combinations which represent basic conceptual spheres, including the sphere of cuisine, food, food culture.

Владимирская Л.М. ОСОБЕННОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СВОЙСТВА. Статья посвящена проблеме скрытых смыслов в целом и конкретно их декодированию через обращение к немецкому языковому сознанию. Это наиболее актуальный путь, поскольку каждый текст включает антропологический код, который базируется на важных культурных концептах народа. Языковые знаки являются вескими аргументами в установлении истины.

Vladimirskaya L.M. PECULIARITIES OF IMPLICIT MEANINGS REVELATION WITH ANTHROPOLOGICAL ATTRIBUTE. This article is devoted to the problem of the implicit meanings in general and the methods of their revelation by German linguistic mentality. It is the more actual way, because every text has the anthropological code, that is based on the important cultural concepts of the nation. The linguistic symbols are arguments for corroboration of the truth.

Герашенко А.М. ИНТРОДУКТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ВСТАВНЫХ ТЕКСТОВ. Работа посвящена анализу интродуктивных структур вставных текстов в англоязычных нарративах. Отмечена возможность помещения «текстов в тексте» (представленных в полном или фрагментарном виде) перед самим повествованием, непосредственно в повествование и в речь персонажа.

Gerashchenko A.M. INTRODUCTIVE STRUCTURES OF INSERTED TEXTS. The work is devoted to the analysis of the introductive structures of inserted texts in the English-language narratives. The possibility of placing the inserted texts (given as whole texts or as text fragments) before the narration itself, right into the narration and into the character's speech is noted.

Гольдман А.В. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ГОВОРЯЩЕГО. В статье рассматривается понятие социального статуса в соотношении с понятиями регистра, уровня общения, вежливости. Изучаются средства выражения социального статуса говорящего на морфологическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

Goldman A.V. SOCIAL STATUS AND ITS REFLECTION IN THE LANGUAGE OF THE SPEAKER. The article treats the notion of social status in relation to the notions of register, the level of communication, politeness. The means of expressing social status are studied on morphological, syntactic, and textual levels.

Исаева И.П. К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ. В статье охарактеризованы основные слои структурирования знания с позиций когнитивной теории. Кроме того, очерчен круг вопросов, связанных с ролью человека в эпистемологическом конструировании реальности.

Isaeva I.P. SOME OBSERVATIONS UPON COGNITIVE FOUNDATIONS OF LANGUAGE FORMS. The basic layers of knowledge structural organization are described in the paper according to the cognitive paradigm. The author outlines the range of questions pertaining to the role of a thinking person in the epistemic construction of reality.

Коваленко Г.Ф. МОБИЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЗАУРУСА ЧИТАТЕЛЯ СРЕДСТВАМИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ. В статье рассматривается стилистическая конвергенция как регулятивная структура и механизмы ее воздействия на процесс активизации определенных фрагментов картины мира читателя.

Kovalenko G.F. STYLISTIC CONVERGENCE IN MOBILIZING THE READER'S THESAURUS. The article deals with stylistic convergence as a regulator structure and with mechanisms of its influence on the process of mobilizing the fragments of the reader's picture of the world.

Кожанов Д.А. ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ. В статье рассматриваются вопросы реконструирования языковой личности исследователя на материале художественных текстов. Материалом исследования выступают тексты, состоящие из множества субтекстов, принадлежащих различным дискурсивным формациям. Интертекстуальность рассматривается как способ построения собственного текста через сложную систему отношений с текстами других авторов. Делается акцент на случаях заимствования не отдельных концептов, а фреймов, организующих познавательную деятельность человека и упорядочивающих его опыт.

Kozhanov D.A. RESEARCHER'S LANGUAGE PERSONALITY IN FICTIONAL TEXTS. The paper considers the aspects of reconstruction of researcher's personality on the material of fictional texts. The corpus of fictional texts is presented by texts consisting of numerous subtexts belonging to different discursive formations. Intertextuality is interpreted as the means of creation of the text on the basis of complex system of relations with texts belonging to different authors. The article also highlights the cases when the author borrows not only single concepts but also frames which organize cognitive human activity and categorize the experience.

Колесов И.Ю. К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ. В статье представлены теоретические основания проблемы языковой репрезентации знания как проблемы философии языка. Язык рассматривается как репрезентационная система, кодирующая в языковых формах различные виды ментальных репрезентаций – картиноподобные, образно-схематические и пропозициональные. Стратегии говорящего в кодировании знания обусловлены особенностями когнитивного конструирования репрезентируемых «положений дел» реального мира, доступ к которым осуществляется в процессе лингвистического анализа дискурса.

Kolesov I.Yu. THE ISSUE OF LANGUAGE AS A REPRESENTATION SYSTEM. The paper highlights some theoretical background of representation as a problem of philosophy of language. The author views the language as a system of representation that codes in lingual forms various formats of mental representations – icons, image schemas and propositions. The speaker's strategies in coding the mental content in lingual units depend largely on cognitive construal of the represented facts of reality, which is accessible through linguistic analysis of discourse.

Кустова С.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. В статье представлен взгляд на профессиональную подготовку студентов в процессе обучения их английскому языку, анализируется опыт работы студентов с мультимедийными презентациями, даются рекомендации по организации презентаций в зависимости от их цели и назначения.

Kustova S.V. PROCESS APPROACH TO TEACHING ENGLISH AS A SECOND LANGUAGE. The article is devoted to the description of students' professional training while teaching them English as a second language with the help of process approach. It also explores different techniques of making PowerPoint presentations in connection with their functional and communicative values.

Лопатина М.Ю., Шелкова С.В. ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА КАК СИСТЕМЫ. Статья посвящена раскрытию современного понятия «системы» в общефилософском смысле и языковой системы в частности на примере эволюции английского языка. Любые преобразования, происходящие в системе, обусловлены совокупным действием экстралингвистических и внутриязыковых факторов в диахронии. К первым относятся изменения в разных сферах жизни носителей языка (культуре, религии, экономике и т. д.). Вторые вызваны собственно языковыми причинами, такими как, например, тенденцией к выражению различных значений разными формами, тенденцией к актуализации одинаковых значений одной формой, тенденцией к устранению форм, утративших свою исконную функцию или имеющих малую семантическую нагрузку.

Lopatina M.Yu., Shelkova S.V. FACTORS DETERMINING THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE AS A SYSTEM. The article deals with the notion "system" in a general philosophical meaning and with the notion "language system" in particular, taking the evolution of the English language as an example. Any alterations which occur in a language system are determined by the cumulative effect of extralinguistic and intralinguistic factors viewed diachronically. The former include changes in various spheres of an informant's life (culture, religion, economics and so on). The latter are caused by inner requirements of the language, for instance the tendency to express different meanings by different forms, the tendency to actualize similar meanings with the help of one form, the tendency to eliminate forms which lost their original function or are of little semantic weight.

Михайлова Е.Н. ФЕНОМЕН АРТИКЛЯ В РЕНЕССАНСНЫХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА. В статье идет речь о многообразии трактовок артикля в ренессансных описаниях французского языка. Установлено, что несмотря на безусловное влияние греко-латинского канона грамматического описания на создание французской национальной грамматической традиции в XVI в., в описании артикля прослеживается существенный отход от постулатов канона. Показано, что при решении проблемы артикля в рамках грамматической традиции французского Возрождения оказались переплетены категориальный и частеречный уровни грамматического анализа.

Mikhaylova E.N. THE PHENOMENON OF ARTICLE IN RENAISSANT DESCRIPTIONS OF THE FRENCH LANGUAGE. The paper highlights the diversity of possible interpretations of article in renaissance descriptions of the French language. Despite the evident influence of Greco-Latin canon of grammatical description on the development of French national grammatical tradition in the 16th century, a significant deviation from its norms can be traced in article descriptions. The convergence of both categorical and part of speech level of analysis while solving the problem at the time is shown in the paper.

Рассолова И.Н. НОМИНАЦИЯ И ИНДЕКСАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. Статья посвящена изучению пространства как фундаментального понятия, задающего исходные ориентиры для создания картины мира человека. В английском языке пространственные отношения не выходят на уровень формализации и выражаются морфологически при помощи различных лексико-грамматических классов слов, которые служат для номинации и индексации пространственных параметров.

Rassolova I.N. NOMINATION AND INDEXATION OF SPATIAL RELATIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE. The article is devoted to the study of space as a fundamental notion for the construction of a person's worldview. In the English language spatial relations are not formalized, they are expressed morphologically by means of different parts of speech which serve for nomination or indexation of spatial characteristics.

Сергиенко Н.В. ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ. Семантика неопределённости имеет разноуровневые средства репрезентации. В статье рассматривается вопрос о выражении смыслов неопределённости посредством фонетических средств: интонации (мелодики речи), темпа речи и растягивания звуков.

Sergienko N.V. PHONETIC MEANS OF EXPRESSING SEMANTICS OF INDEFINITENESS. The semantics of indefiniteness can be shown by different linguistic means. The article is devoted to the expression of indefiniteness through the use of phonetic means: intonation, tempo and stretching of sounds.

Серова И.Г. КОНТРАСТ КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ. Эмоции человека обладают двойственной направленностью. Человеку свойственно одновременно переживать отношения к факту окружающего мира и к самому себе. Восприятие одного и того же события в разные периоды времени может интерпретироваться по-разному, что приводит к противоположным умозаключениям относительно этого события. Использование контраста как литературного приема позволяет автору вовлечь читателя в эмоциональные переживания героев. В статье анализируется рассказ известной канадской писательницы Элис Манро «The Progress of Love».

Serova I.G. CONTRAST AS A MEANS OF EMOTIONAL IMPACT ON THE READER. People's emotions are simultaneously directed toward the world around them and toward themselves. The same event can be interpreted differ-

ently at different periods of time. As a result people arrive at diametrically opposite conclusions. Using contrast as a poetic device the author involves the reader in the characters' emotional experience. The article focuses on the story "The Progress of Love" written by the famous Canadian writer Alice Munro.

Соколов С.Е. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ. Данная статья представляет собой попытку краткого обзора некоторых аспектов политической коммуникации. Внимание уделяется таким составляющим этого процесса, как канал, источник, адресат коммуникации, а также затрагивается вопрос авторства. Помимо этого рассматривается использование эмоциональных и логических средств убеждения в процессе политической коммуникации, роль и факторы успешности аргументации в современных демократических обществах.

Sokolov S.Y. SPECIFIC FEATURES OF POLITICAL COMMUNICATION. This article shows an attempt to review briefly some aspects of political communication. Attention is given to such components of the process as the channel, source, recipient of communication; the article also deals with the problem of authorship. Besides that, the use of emotional and logical means of persuasion in political communication process, role of argumentation and factors determining its success in modern democratic communities are examined.

Тархова Е.В. СИМВОЛ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ. В статье рассматривается роль символа в художественном тексте. Значение символа представлено в его способности выполнять различные функции: перспективную, ретроспективную, генерализирующую, сюжетную, метафорическую, структурную и смыслообразующую.

Tarkhova E.V. SYMBOL AS A MEANS OF IMAGERY CREATION. The article reviews the role of a symbol in the text of fiction. The importance of a symbol is realized in its ability to perform different functions such as prospective, retrospective, generalizing, plot-building, stylistic, compositional and meaning-forming ones.

Филиппова Я.П. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ДИВЕРГЕНТОВ ИМЕН ЛИЦ. Настоящая статья посвящена изучению когнитивных моделей концептуальной метонимии, по которым идет развитие новых локально маркированных значений в рамках полисемантов в американском и британском вариантах английского языка. Автор статьи фокусирует внимание на том, что является центром внимания американцев и британцев в процессе именованя лиц и формирования новых дивергентов имен лиц.

Philippova Y.P. COGNITIVE MODELS OF CONCEPTUAL METONYMY LYING IN THE FORMATION OF BRITISH AND AMERICAN DIVERGENTS DENOTING NAMES OF PERSONS. The article studies cognitive models of conceptual metonymy that give grounds for the development of new locally marked meanings within polysemantic words in American and British English. The author of the article focuses their attention on what the centre of attraction of the Americans and the British is in the process of formation of new divergents – names of persons.

Цветкова Н.В. ИКОНИЧНОСТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА В ПОЛИКОДОВЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале английского языка). Данная статья посвящена иконичности как принципу организации языковых единиц. В статье предложена классификация видов языковой иконичности, а также подробно рассмотрен один из видов иконичности – иконичность последовательного порядка. Проанализированы примеры англоязычной рекламы, основанные на данном типе иконического кодирования. Автором изучена взаимосвязь между языковой иконичностью и авербальными компонентами рекламного текста, доказана их общая прагматическая направленность. В результате анализа примеров, доказана эффективность иконичности последовательного порядка для реализации рекламных целей.

Tsvetkova N.V. ICONICITY OF SEQUENCE IN PRINT ADVERTISEMENTS. The article deals with iconicity as a principle of language units organization. A classification of iconicity types is proposed in the article. The article is devoted to one of the most common types of iconicity – iconicity of sequence. The author of the article analyzes advertising texts based on this type of iconic coding, studies the correlation between verbal iconicity and non-verbal text components and establishes their common pragmatic orientation. As a result, the author proves the effectiveness of iconicity of sequence for achieving advertising objectives.

Чекулай И.В., Прохорова О.Н. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА «САМ» В РУССКОМ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ. В статье рассматриваются структурно-семантические и функционально-прагматические феномены, выполняемые такой дейктической лексемой, как местоимение *сам*, в русском языке. Параллельно рассматриваются эквиваленты этого слова в таких германских языках, как английский и нидерландский. При этом акцент сделан на иллокутивно-прагматических эффектах, создаваемых данным местоимением в русском языке и его эквивалентами в германских языках.

Chekulai I.V., Prokhorova O.N. TYPOLOGICAL FIELD OF CONCEPT «SAM» IN RUSSIAN AND GERMANIC LANGUAGES. The article deals with the structural semantic and functional pragmatic phenomena realized with such a deictic lexeme as the Russian pronoun «сам». At the same time, the equivalents of this word in such Germanic languages as English and Dutch are being viewed, the emphasis being laid on the illocutionary pragmatic effects created with this pronoun in Russian and its equivalents in the Germanic languages.

НАШИ АВТОРЫ**Андрющенко Ольга Константиновна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института

Барсукова Светлана Сергеевна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Бондаренко Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета

Вишнякова Ольга Дмитриевна

доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, ФИЯиР Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Владимирская Лариса Михайловна

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Алтайской академии экономики и права

Герашенко Александр Михайлович

кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина

Гольдман Анна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета

Исаева Ирина Петровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина

Коваленко Галина Федоровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета

Кожанов Дмитрий Алексеевич

кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета

Колесов Игорь Юрьевич

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Кустова Светлана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Лопатина Мария Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Михайлова Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка института Межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского исследовательского университета

Муньез Елена Валерьевна

академия Альбукерке, штат Новая Мексика, США

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, профессор, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского национального исследовательского университета

Рассолова Ирина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Сергиенко Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Серова Ирина Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и второго иностранного языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Соколов Сергей Евгеньевич

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Тархова Елена Владимировна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Филиппова Яна Павловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Цветкова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Чекулай Игорь Владимирович

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Белгородского национального исследовательского университета

Шелкова Светлана Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лингвистический институт

ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия» приглашает авторов
к публикации научных статей в выпусках научного альманаха
«Язык: мультидисциплинарность научного знания»

Подача материалов

Материалы принимаются по электронной почте файлом-приложением по адресу: sbornicliin@rambler.ru (название файла должно содержать фамилию автора статьи). В отдельном файле-приложении (под названием «Информация об авторе «фамилия») необходимо указать:

- 1) ФИО автора и название статьи – на русском и английском языках;
- 2) ключевые слова / словосочетания (не более шести) и краткая аннотация статьи, все – на русском и английском языках;
- 3) место работы (полное название научного или учебного учреждения и его структурно-подразделения) на русском и английском языках;
- 4) должность (ученая степень, звание) автора на русском и английском языках;
- 5) аспирантам отметить год обучения в аспирантуре и отдельным файлом прислать отсканированную копию визы научного руководителя («Статья <ФИО аспиранта> <название статьи> выверена, готова к печати», должность, ученая степень, звание, фамилия, подпись, дата);
- 6) контактные сведения (номера телефонов, служебный и домашний адрес (для иногородних обязательно для получения авторского экземпляра альманаха), электронная почта).

Просим не отсылать письма не с вашего личного адреса или с адреса, на который у вас нет постоянного доступа – это значительно затрудняет переписку с автором в случае необходимости.

Редколлегия оставляет за собой право решения вопроса о публикации полученных материалов в зависимости от их тематики, содержания и оформления. Убедительно просим авторов статей и научных руководителей внимательно ознакомиться с Требованиями к оформлению статей. В случае несоблюдения указанных Требований редколлегия вправе не принимать к рассмотрению данную работу или увеличить стоимость ее публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По всем интересующим вопросам обращайтесь на электронный адрес sbornicliin@rambler.ru.

Требования к оформлению статей

1. Неформатированный текст (объемом до 20 тыс. знаков с пробелами для статей и научных сообщений, до 10 тыс. знаков с пробелами для других материалов) набирается в редакторе MS WORD 6.0 и выше шрифтом Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, поля сверху, снизу, справа – 2 см, слева – 2,5 см, абзацный отступ 1,25 см (задается в свойствах абзаца: «первая строка» – «отступ»). Страницы не нумеруются.

2. На первой странице перед статьей указать УДК (универсальная десятичная классификация) и ББК (библиотечно-библиографическая классификация), далее курсивом, строчными буквами, с выравниванием по правому краю – инициалы и фамилия автора, ниже – город, на следующей строке прописными буквами полужирным шрифтом с выравниванием по центру – название статьи, например:

УДК 811.111

ББК 81.432.1

Н.Г. Виноградова
Бийск

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
В СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

3. Примеры из художественной литературы нумеруются и выделяются курсивом. Первая строка набирается с красной строки, последующие – без абзацного отступа. Номер примера в круглых скобках, сами скобки и указание на источник (фамилия автора без инициалов, запятая, пробел, номер страницы, для электронных ресурсов – фамилия автора, двоеточие, пробел, URL) курсивом не выделяются! Обратите внимание: знак препинания в конце примера ставится или только внутри кавычек (в случае с прямой речью), или только после ссылки на источник (во всех остальных случаях). Анализ примера начинается с абзацного отступа. Исследуемая единица в тексте примера из художественной литературы выделяется полужирным курсивом, в тексте статьи – только курсивом (причем курсивом выделяется только сама единица, а не ее «ближайшее окружение», в частности, кавычки или скобки: (were, want), а не *(were, want); «быть», а не *«быть». Названия сем (строчными буквами)

помещаются в квадратные скобки. Все другие выделения производятся или **полуужирным шрифтом**, или **подчеркиванием**, или с помощью разрядки (вкладка *Формат – Шрифт – Интервал*, в поле «Интервал» ставится параметр «Разреженный» и величина разрядки – «на 3 пт»; использование пробелов в словах с разрядкой недопустимо!). Просьба не перегружать текст работы выделениями, не использовать в одном месте несколько способов выделения одновременно (например, полуужирный шрифт + подчеркивание), а также не применять специальные стили (шрифты).

(5) *She made familiar Javanese gestures with her wrists and hands, offering me, in a brief display of humorous courtesy, to choose between a rocker and the divan* (Nabokov, 303).

(6) *'There's so much to choose from.'* (Steel: URL)

В самом общем виде глагол *prefer* может быть отнесен к стативным предикатам с доминирующей семей [статальность]. В то же время глагол *choose* удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нестативным (активным) предикатам, основным из которых считается способность предиката функционировать в форме Continuous.

4. В тексте используются кавычки «елочки» для текста на русском языке, кавычки “лапки” для текста на иностранном языке.

5. На месте опущенных в цитате слов ставится многоточие, на месте опущенных предложений – многоточие в угловых скобках < ... >. Любые комментарии, пояснения, уточнения, курсивы и подчеркивания, если они не авторские, а ваши, должны оговариваться (например, (курсив наш – И.Ф.), где И.Ф. – инициалы имени и фамилии автора). Цитаты из иноязычных источников приводятся с переводом.

6. Пример оформления схем, таблиц, графиков (обратите внимание на отсутствие точки после слова «Схема»):

Схема 1

Алгоритм развертывания каузативного смысла

7. Толкования заключаются в апострофы (которые не выделяются курсивом):

В свою очередь, в этимологическом истолковании глагола *prefer* обращает на себя внимание дефиниция 'set before others in esteem' (ODEE 1996: 705).

8. В тексте короткое тире (–) и дефис (-) различаются размером и наличием/отсутствием пробелов. Короткое тире набирается при помощи сочетания клавиш «Ctrl» + «–» на цифровой клавиатуре.

...а также – выявить черты, характеризующие национально-культурные сообщества.

9. Обратите внимание на наличие пробела в сокращениях типа т. е., н. э., т. д., т. п. Сокращение «т. о.» не используется, вместо него дается полный вариант («таким образом»).

10. Ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием автора, года издания и страниц(ы): [Петров 2003: 21], [Lakoff, Johnson 1980: 35-36], [[Никитин 2008] и др.]. В случае, если у книги два автора, в ссылке указываются оба автора, если три и более – только первый автор, например: [Трунова и др. 2008]. Ссылки на разные источники в одних скобках даются в хронологическом порядке через запятую: [Павлов 1951: 230, Хапсироков 1972: 31-33]. Пример оформления ссылки на электронный ресурс: [Никитин: URL]. Для ссылки на лексикографические и энциклопедические источники используется аббревиатура источника, например [ЛЭС 1990: 435], [WNWRT, 115].

11. В случае, если в тексте статьи упоминается ФИО, инициалы указываются перед фамилией, между инициалами и фамилией ставится пробел: «по мнению А.В. Петрова», а не *«по мнению Петрова А.В.».

12. Библиографический список, оформленный согласно приведенному ниже образцу, отделяется от текста статьи строчным пробелом. В алфавитном порядке указываются сначала источники на русском языке (включая Интернет-ресурсы), затем, не прерывая нумерации, источники на иностранном языке (включая Интернет-ресурсы), в конце списка – лексикографические и энциклопедические источники (в алфавитном порядке – сначала русские, затем иностранные) и (в квадратных скобках сразу после номера) их сокращения, используемые в тексте работы. В случаях, когда в списке источников иллюстративного материала указываются разные произведения одного и того же автора, после фамилии и инициалов в круглых скобках ставятся буквы (а), (б) или (а), (b) и т. д. для русско- и иноязычных источников соответственно; пример ссылки на такой источник: [Fowles (а), 56].

Библиографический список

1. Агафонова, Н. Н. Гражданское право : учеб. пособие для вузов / Н. Н. Агафонова, Т. В. Богачева, Л. И. Глушкова ; под. общ. ред. А. Г. Калпина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 542 с.
2. Белозеров, И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук / Белозеров Иван Валентинович. – М., 2002. – 215 с.
3. Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] / Ред. В. Румянцев. – М., 2001. – URL: <http://hronos.km.ru/proekty/mgu>

4. Боголюбов, А. Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением / А. Н. Боголюбов, А. Л. Делицын, М. Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. – 2001. – № 5. – С. 23–25.
5. Двинянинова, Г. С. Комплимент : Коммуникативный статус или стратегия в дискурсе / Г. С. Двинянинова // Социальная власть языка : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Иванова. – Воронеж, 2001. – С. 101–106.
6. Кулакова, Т. А. Языковые репрезентанты семантики итеративности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кулакова Татьяна Александровна. – Барнаул, 2006. – 19 с.
7. Семенов, В. В. Философия: итог тысячелетий. Философская психология / В. В. Семенов. – СПб. : Евразия, 2000. – 64 с.
8. Цоллер, В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56–64.
9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 1980. – 200 p.
10. [АРСС] Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна ; 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – 544 с.

**Список источников
иллюстративного материала**

1. Brown, D. Deception Point / D. Brown [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fictionbook.ru/ru/author/braun_dyen/deception_point
2. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 180 p.

*С уважением,
редакция Научного альманаха*

Научное издание

ЯЗЫК: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Научный альманах

Выпуск 4

Под ред. О.В. Труновой

Отв. за выпуск Л.В. Скорлупина

Подписано в печать 29.11.2013 г.
Объем 16 уч.-изд. л. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Тираж 200 экз. Заказ №152.
Отпечатано в типографии «Концепт»